

Ольга Апреликова

ГОРЬКОЕ ЛОГОВО

Ольга Апреликова

Горькое логово

«Издательские решения»

Апреликова О.

Горькое логово / О. Апреликова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907383-9

Почему структура реальности так сложна, и куда влечет наш вид беспощадная эволюция? А кто ты сам: бог, человек, летающий звероящер или восстановленный протокол Сети? История мальчишки, которого угораздило оказаться созвездием, написанная в синтезе жанров посткиберпанка, мягкой научной фантастики и романа-воспитания.

ISBN 978-5-44-907383-9

© Апреликова О.
© Издательские решения

Содержание

Горькое логово	6
Часть первая. ЛЕДЯНЫЕ КОНЬКИ	7
1. Северный город	7
2. Платформа «Кребы»	11
3. Старый мост	18
4. Ледяные коньки	24
5. Смотритель маяка	29
6. Выносливость и прилежание	36
7. Арбалетная стрелка	44
8. Крипта	57
9. Это все разговоры	70
10. «Око Дракона»	83
11. Звезда лучше	92
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Горькое логово

Ольга Апреликова

© Ольга Апреликова, 2019

ISBN 978-5-4490-7383-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Горькое логово

Часть первая. ЛЕДЯНЫЕ КОНЬКИ

1. Северный город

Он проснулся, но глаза открывать не хотел. И так знал, что за окном темнотища. Солнечные и просторные утра сентября и синие октябрьские рассветы остались далеко за чередой скучных, тесных дней. После осенних каникул дождливые утра стояли за окном черные, ночные, а днем, в серых огрызках светлого времени, жить было холодно и тошно.

Надо вставать. Он приподнялся и глянул в окно: да, темно, но на стекле снаружи нет капель дождя. Вылез из постели, подошел к окну: в черном небе, рукой подать, висели громадные, близкие звезды. Больно смотреть, какие родные. Почему больше никому на свете звезды семьей не кажутся? Да зачем ему вообще эти звезды, от вида которых обида, тоска и что-то ужасное, сиротское, смутно определяемое чувством: «Мне здесь не место. Меня зовут»?

Куда зовут, кто? Кому он нужен? Стоп. Все это – выдумки, блажь. Все это – яд одиночества. Он сжал зря встрепенувшееся сердце – нечего фантазировать. Когда вели в школу, небо уже наглухо затянуло и моросил дождь.

В школе он смотрел и смотрел в окно. Ничего не происходило. Серый день, короткий. Гаснет уже. Надо успокоиться. Стать как все. Но что с собой сделать, чтоб стать-то «как все»? Как? Вот сегодня – невыносимый день из-за утром что-то пообещавших звезд. Урок за уроком он ждал это «что-то». Уроки кончились, прошел обед, началась продленка. Хор, потом «Занимательная информатика», а теперь надо делать домашнее задание... За окном смеркается. Нет, день правда не такой, как все. Похожий на крупную стеклянную бусину, гладкую, холодную, ноябрьскую, серую от асфальта и снега, но, чуть тронешь, переливающуюся темными разводами воспоминаний и золотыми – тяжелых мыслей. «Зовут». Неужели – всего лишь мерещится?

Он оглянулся и вздрогнул: почудилось, что душный, полный детского шепота и шороха класс только снится. Нет, все вправду. Стены, парты, дети... Поморщился, потер лоб и снова стал смотреть в темнеющее окно. Там крупный мокрый снег, там сумерки... Там свобода. Там северный ветер. И четыре стороны света.

И там – Путь. На улице, за школьным двором, за черными голыми деревьями плавно, как заколдованные, останавливаются светящие золотыми окнами трамваи: запрыгнуть – и уедешь... Куда захочешь... А куда? Некуда. Не к кому. Он – один на свете. Все.

Он опустил глаза в тетрадь и вник в длинное уравнение. Немного мешал сосед по парте с яркой суетой в телефоне, но, в общем, жизнь вполне терпима. Это он сам ненормальный. Снаружи статуя, внутри – сумасшедший беглец. Потому что убегает, как зверек, в любую щель – к свободе, как ни караулят. Прочь отсюда, и все.

Ведь никогда не обижали, голоса ни разу не повысили, баловали, все покупали, только скажи, хоть он не родной «родителям». Зачем убегать, если б не Путь? Не это ужасное и ничем не отменяемое «Зовут»? Все ж хорошо? И «родители», в общем, – да, хорошие. Только вот он вырос из лобастого ласкового малыша в нелюдимого школьника, а у них родился собственный мальчик. А он... Стыдно было за их тревогу и хлопоты, когда он сбегал, за возвращения, когда, онемев, сидишь рядом в машине, и взрослые тоже не знают, что говорить.

Потому что перед его мрачностью – они беспомощны. Да он уже просто вмерз в мрачность и самообладание, как булыжник в лед. Их жалко. Этой весной они принесли домой белоснежный сверток с младенцем, и он испытал шок: какие младенцы крохотные! Но ничего, справился, помогал, носил на руках эту рыжую козьявку и даже мурлыкал песенки, чтоб не вопил – помогало. Однажды по какой-то необходимости остался с ним один на полдня и кормил

из бутылочки. Как мог, помогал, и никогда бы в голову и не пришло сбежать, если послали в аптеку... А они многословно хвалили за помощь. Так чужих хвалят. А своим говорят: «Да, норм, а что долго возился, надо вот еще то, а потом то, и еще вот то, давай быстрее»... Он им – не свой. И не в том дело, что не родной по крови – а в том, что совсем другой. Как с другой планеты, где гравитация в два раза тяжелее и небо всегда темное... Чужой мальчик с чужим именем, обуза.

Ну да, чужой. Приеммыш. Ну и что? Он не выдумывал никаких великолепных настоящих родителей. Он знал, что не родной, знал, откуда берутся младенцы для усыновления и опеки – все эти детские отделения больниц, «дома ребенка» и прочие государственные заведения. Даже тошнило при виде своего первого снимка – годовалый лобастый малыш со взрослыми глазами. Бедные. Зачем же они выбрали в тех сиротских яслях не какую-нибудь нежную девчущку с кудряшками, а – его? Зачем они выбрали – такого мрачного, нелюдимого? Как будто их кто-то заставил его взять.

«Не ребенок, а статуя», – говорила учительница в первом классе. «Кладбище улыбок», – однажды назвала «мать». Мол, потому, что он и сам никогда не улыбается, и люди, стоит им встретить его взгляд, мрачнеют. Хоронят улыбки. Да. Это так. Он не улыбается. Но зато он ведь и не плачет никогда. Наверное, это какое-нибудь психическое нарушение. Ну и что.

Надо просто жить. Надо думать о том, как стать хорошим. Ну, или хотя бы терпимым для людей. Кем стать и все такое. Надо, да.

Но он не мог. Потому что сколько себя помнил – всегда ощущал рядом, как за невидимой стеной, другой мир, тяжелый, темный, золотой, родной и зовущий, в который можно попасть и где куда больше смысла в любой секунде жизни. Он слышал, как его оттуда зовут. Там ждет настоящее будущее, такое же мрачное и тяжелое, как он сам.

Поэтому он старался найти Путь туда, который про себя называл Золотым. Когда он впервые лет в семь услышал Зов и почувствовал Путь под ногами, то помчался по нему, как из лука стрела.

И вдруг очнулся. Вокруг – пустота. Какой-то парк с глупыми каруселями. Под ногами гасло золотое пятно. Он метнулся в одну сторону, в другую – ничего. Ни золота, ни тепла, что вели... Он сбился. Он сбился с Пути! Осталась мелкая лужа, рябящая под дождем посреди парковой дорожки. Куртка промокла, рукав он порвал, когда протискивался сквозь прутья какого-то забора... В уме замелькали картинки сумасшедшего бега через чужие дворы, улицы, скверы, мосты. Кое-как он понял, где он. В этом парке аттракционов они были летом. Вот синие, ужасно высокие горки, вот космическая ракета, летом страшно высоко крутившаяся в небе, а теперь смиренно висящая на тросах совсем низенько у земли. Сюда даже на машине долго ехать... Ноги ломило, в ободранных ботинках хлюпало. Он что, бежал целый день? Долго так бежал? Он снова посмотрел на ботинки, сбитые, мокрые – и маленькие. Слишком маленькие!

А, так вот и ответ: он сам еще мал, поэтому слишком медленно бежал! Он не успел! И Путь не смог его вывести, куда надо! Потому что планеты крутятся!

Чего? Причем здесь планеты? Он забыл, о чем думал только что, будто ум тоже стал маленьким. Надо возвращаться... Хорошо, что телефон не потерял.

Тогда не слишком попало, скорее, взрослые удивились и в выходные повезли в этот парк, предложили сколько хочешь кататься на аттракционах. Плевать на аттракционы. Он и сам тогда не понял, что это такое с ним было. И что это такое слышал, когда бежал – золотую точную, прекрасную ноту в самом сердце. Такую нужную, как путеводная нить.

А потом убежал опять – почти сознавая, что делает и отчетливо слыша золотой зов. Смылся из школы, забрался в междугородний автобус на автовокзале, и, пока его не обнаружили, успел проехать две сотни километров. Очнулся, когда золотой зов стих и чувство Пути вдруг отпустило его. Опять не успел. Может, двигаться надо еще быстрее, чем на автобусе?

Холодно, страшно – и где это он? И тут же какие-то тетki заметили, что он, маленький, едет один, подняли хай...

В надежде успеть промчаться весь Путь он убежал, едва ощущал его невидимое золото и тепло под ногами. Его догоняли, ловили, ругали. Чем старше он становился, тем дальше и опаснее были побегии. Оказываясь дома, сам пугался, вспоминая ночные вокзалы, подворотни, лесовозы на лесных дорогах, равнодушный свет в чужих вечерних окнах, голод и сон урывками. Он устал. Хватит.

Не успеть пробежать Путь. Это не в человеческих силах.

Золотой зов – это сумасшествие. Это надо побороть.

Перерасти.

Потому он перетерпел уже много волшебных дней, когда соседний мир приближался и Зов его был отчетлив, как волчий вой. В ясные дни осени казалось, что северный ветер, несущий волчью песню, дует прямо оттуда, что Золотой Путь начинается за каждым углом! Но он терпел... И терпел.

Вот он перетерпит этот последний день, с мокрым снегом, уже безнадежный и почти ничего не обещающий, а дальше уже зима. Он повзрослеет за зиму и забудет свои сказки. Не будет убегать, сам не зная, куда – так, в другие координаты, в другие места, которых на самом деле нет... Или есть, но на других планетах... Он уравнения будет решать.

В классе продленки для четвертых классов пахло ароматическими фломастерами, которыми, отнимая друг у друга, рисовали ерунду девчонки. Мальчишки играли каждый в свое в телефонах. За окном по-зимнему темнеет, мокрый ветер залепляет белым стволы деревьев. А завтра выходные, и гулять побоятся отпустить: мучайся два дня, не зная, куда приткнуться, чтоб не мешать. И потом опять в школу, и опять продленка до темноты, и уроки.

И ничего такого, чтоб небо перестало быть черной крышкой прозрачной клетки.

Кого-то отругав, вышла учительница, и все тут же расшумелись. Бессмысленный детский шум. Какие же они скучные... Терпеть? Еще минут сорок до того, как за ним придут. Взгляд поднимало от тетрадки к окну. Сумерки. Тоска взорвалась, и псих внутри разрыдался, а воля заорала:

– Мало тебе было ночных вокзалов!

– Последний раз!

– Пропадешь, дурак!

– Самый последний...

– Да нельзя же!

Внизу за окном вспыхнул золотой фонарь. Заплакать? Он лишь еще посмотрел за окно в лабиринты бесприютных темных уличных пространств и аккуратно закрыл тетрадку и учебник. Еще аккуратнее убрал ручку в пенал...

Наконец здравый смысл обрушился. С грохотом. Вздвогнув, он решился:

– Самый последний раз. Если не получится – значит, больше никогда.

Стало легко дышать, и, сдерживая нервный смех, он потихоньку выложил из рюкзака в парту учебники, спрятал туда же телефон, по которому его могли бы отследить. Рюкзак пригодится... Девчонки шептались и повизгивали, пацаны просто носились между партами и радовались детству – никому до него не было дела. Подрагивая от волнения, он прошел сквозь их игры в раздевалку продленки, не скрываясь, переобулся и достал куртку. Пока шел по длинному этажу мимо закрытых классов, ему никто не встретился, и, хотя это была хорошая примета, он даже дышать боялся. На первом этаже пахло булочками с корицей, которые пекли в столовой на завтра – он поморщился от голода, но тут же об этом забыл. Когда крался мимо исцарапанных зеркал у выхода, что-то отразилось там непонятное, в синих искрах. Внезапно, заставив его дернуться, продребезжал звонок. Он приостановился – да что там в зеркале может быть? Он сам только, раскрасневшийся заморыш с дикими глазами. С первого взгляда понятно, что

чокнутый. У выхода никого не было, ни охранника, ни уборщиц... Пожав плечами, он подкрался к двери – но входную дверь забыли запереть! И снаружи – никого!

В лицо хлестнуло мокрым снегом и сумерками раннего вечера. Ноябрь. Он перебежал площадку, в кустах оглянулся на ряды окон школы. Все, свобода! Отвернулся, застегнул куртку и побежал к улице, а там тут же заскочил в подкативший, окутанный в теплое золото окон трамвай, насчитал и отдал монетки кондукторше, встал на задней площадке. Вокруг отстающих фонарей метался снег. Путь был. Трамвай, старый, полный теплого света, вез, брэнча, кое-как, но куда надо. Бусина дня стала фиолетовой с золотом, тяжелой, будто в ней и вправду сгустилась тайна.

На главный вокзал он, чтоб глупо не попасться, не поехал, а спустился на несколько станций в метро, наверху перебежал проспект, потом – пару кварталов под мокрым снегом и рыжими фонарями – взлетел по железным ступеням перехода, с высоты во тьме на бегу засмеявшись блестящей паутине рельс и синим огням семафоров, почти пустой платформе пригородной станции, приближающемуся составу – всей этой начинающейся дороге; слетел вниз, перескочил турникет, шмыгнул между торопящимися взрослыми – и наконец впрыгнул в подошедшую, тоже с теплыми золотистыми окнами, электричку.

Народа в вагоне почти не было. Холодно. Мусорно. Старый облезлый вагон... Так-так-так, нечего капризничать. Ведь все: ура, он едет. И старые светильники на потолке в самом деле льют вниз золото. Путь есть. Успокаивая дыхание, сел у окна. Состав, заворчав, тронулся и быстро набрал ход, за окном через мгновение под последними фонарями оборвался край платформы, над головой невнятно похрипел динамик, а свет стал ярче. Он надвинул шапку на лоб и прислонился к дрожащему стеклу, отгородил ладонью желтое отражение вагона и стал смотреть, как мимо тянутся старые кирпичные заборы, как потом под колесами пересек дорогу канал с рыжими змеями фонарей по жуткой черной воде. Следил, как чертят ветками по серому небу подступившие черно-белые деревья, как тянутся вдоль железной дороги беспорядочные заводы, технопарки, склады, моллы, виадуки с транспортными потоками и многоэтажные жилые массивы огромного северного города. Снаружи небо над фонарями уже стало черным, поднялось и похолодело, и снег перестал идти... Наконец он посмотрел вперед: там далеко, куда ушло солнце, небо прояснилось и бледно зеленело холодом. Золотой горн протянул краткую, точную ноту сквозь сердце, и он почувствовал себя живым-живым, настоящим.

Он боялся надеяться. Так, успокоиться и не суетиться. Горны – потише. Спокойно. Но золото предчувствия не таяло и не отступало. Вызолотило изнутри все его мрачные ментальные пространства – не засветиться бы снаружи. Никто ничего не должен заметить. Он – просто школьник, возвращающийся домой в пригород.

Потом начались остановки у пригородных платформ, за грязными стеклами стемнело до черноты; он соскучился и захотел спать. Черные дрожащие окна отражали друг друга и зеленые стены в бугорках узоров. Ему ничего не грозит. Пока золото внутри, пока он слышит зов – люди его не замечают, это уж проверено тысячу раз... Можно подремать. Он и подремал, потом вдруг очнулся от скользящего скрежета дверей и проводил глазами вошедшего большого парнишку в заснеженной куртке. Почудилось сквозь дрему, будто тот едва заметно улыбнулся. Но в этом не было ничего опасного. Странно лишь, что этот парнишка его заметил...

2. Платформа «Кребы»

– Ну, проснулся?

Он не испугался. Поднял голову, морщась от боли в задеревеневшей шее. Тот мальчик, большой, снял руку с его плеча, сел напротив

В старом вагоне пусто. Глубокая ночь, и вагон, дребезжа, едет сквозь нее, оставляя по сторонам далекие огоньки. Чувство Пути никуда не делось. Светильники на потолке все такие же золотые. Зов тихонько ноет в сердце. Какой этот чужой мальчик – красивый? Нездешний. Глаза какие. Цвета орехов, с веселой золотой блесточкой внутри. Чем-то свежим пахнет... И он совсем безопасный. Добрый и даже будто знакомый. Свой? Он спросил:

– Ты кто?

– Гонец, – почему-то вздрогнув, он смешно приподнял брови. – А ты малыш совсем. Ведь проспал бы сейчас все на свете. Не зря я решил тебя встретить.

Старинное слово «гонец» очаровало волшебной истинностью, и захотелось мгновенно поверить во все, что он скажет; да и вообще – кто бы это мог решить его встречать? Сказка. Или – Путь.

– Я пойду с тобой, – он нечаянно зевнул. – Ты совпадаешь.

Он и сам до конца не понял, что хотел сказать. Но гонец – понял:

– Ведет Путь?

– Да, – он узнавал в этом невозможном разговоре что-то долгожданное.

Еще никогда не встречался никто, кто вот так сияюще произнес бы слово «Путь». В пустой тихоходной, дребезжащей от старости электричке становилось все больше золотого света и все меньше оставалось реальности. От мальчишки и пахнет-то не просто чем-то свежим, а южным, морским, солнечным – нездешним. Мальчик застегнул куртку:

– Не хочешь вернуться? Пока не поздно? Состав дойдет до конечной станции, а утром поедет обратно. И ты вернешься. А?

Он молча помотал головой. Обратно?

– Нет, – сердито сказал он. – Не могу больше так жить.

– Я вижу, – кивнул мальчик. – Ну, пойдём.

Поезд замедлял ход. Поднявшись, он увидел встрепанного, по плечо гонцу, жалкого себя в черном окне напротив. Синий огонь в черных провалах глаз и маленькая фигурка. Надо скорей расти, скорей стать сильнее. Вагонная дверь, скрежеща по пазам, захлопнулась за спиной. Огни незнакомой станции, тормозя поезд, косо протягивались по стенкам тамбура.

– Не передумал?

– Нет, – ответил он, и опять получилось сердито. И нетерпеливо.

С шипением разошлись створки, и в душную тьму пахнуло чистым холодом. По решетчатым ступенькам они соскочили на белый безлюдный перрон, и тут же, смыкаясь, прошипели двери и с гудящим грохотом поезд двинулся дальше, ветром с тяжелых колес сметая снег по краю платформы. И стало тихо. Тут пахло зимой и чем-то настоящим – снегом и дымом? Знакомым. Его слегка знобило со сна и вагонного тепла, и, проводив глазами красный огонек на хвосте электрички, он растерянно посмотрел на гонца:

– Куда теперь?

– Угадай сам, – предложил тот.

Он посмотрел на блестящие широкие рельсы, прислушиваясь к чутью Пути, и почти сразу показал в правый край платформы, где светил золотистый одинокий фонарь:

– Туда!

– Да, – гонец чуть улыбнулся. – Меня зовут Гай.

– А меня – Сташка. Ну, или – Сташ.

Он ждал удивления, ждал вопроса насчет этого несуразного и старинного имени, но гонец и не думал переспрашивать, будто это редкое имя «Стахий», то есть «Колос» на каком-то древнем языке, ему понятно. Он был первым, кто не удивился этому имени. И оно сделалось настоящим, уместным. Своим. Что-то в нем совпало, сложилось, как головоломка, и мгновенно срослось. Он даже подумал о себе: «Я – Сташ». Ему стало хорошо и странно легко на душе. Раньше он даже не сразу вспоминал, как его зовут, или злился, когда надо было пояснить, что это за имя такое.

– Не называйся пока так, Сташ, – помедлив, посоветовал Гай. – Никому не говори.

– Почему?

– А мне показалось, ты все понимаешь, – разочарованно хмыкнул гонец.

Сташка рассердился:

– Нет. Не понимаю. Так иду. На инстинкте. Как... Как перелетный гусь. Ну и что. Если больше ничего нет, сойдет и инстинкт. Зов же все равно – как компас.

– Да это сеть тебя встраивает. Тянет. Еще бы.

– ... Чего?

– Что, правда не понимаешь? – испугался гонец.

– Нет!

– И почему тебя так зовут, не знаешь?!

– Нет!!

– Не злись. Просто ты кажешься таким... Будто все знаешь.

– Я просто хочу домой, – самому себе признался наконец Сташка. – Ведь есть же у меня где-нибудь дом? Ты знаешь?

– Есть.

– ... Чего?! Правда??

– Конечно, тебе тяжело было. Но так было нужно. Он все правильно сделал. Никто ведь и не заподозрил, что ты – это ты...

– Кто – «он»? А я – кто? Кто?!

– Тебе вообще-то пока этого знать не надо.

– Да ну?!

– Целее будешь, – он «не заметил» его гнева. – Ну, сам подумай. Здесь-то ты жил в безопасности, в незаметной семье... Но это только с виду. Ты знал, какой за тобой был присмотр? Они ведь оба служат в Конторе, им за тебя зарплату платят и штрафовали, наверное, когда ты удирал... Удирал вообще – ну как хотел, а стоило тебе шагнуть на меридиан сети, и все, лови – не лови! Счастье, что не успевал добежать до порталов. А то потом ищи-свищи... Мы ведь тоже за тобой присматривали – по старой памяти, но ты и от нас удирал...

Сташка остолбенел. Контора? Присматривали? Порталы? Меридианы сети?

Гай дернул его за руку:

– Шагай. Контору трудно перехитрить. Мы еще в пути, нас легко поймать.

– Зачем поймать?

– Нужен всем потому что. Короче, тебе пора на Берег.

– Куда?

– Ты слышал что-нибудь о Береге Яблок?

– Нет.

– Конечно. Откуда... Вообще-то ты там родился... Какое родился... Ну, появился, воплотился или как там назвать это.

– ... Чего воплотился? – слова спутались, и ноги тоже. Он встал. Подумать и так уже было о чем, но от последних слов Гая мозги сползли набекрень.

– Не «чего», а «кто». Ты, – Гай опять схватил за руку и потащил. – Иди давай. Время пришло, индиктион истек, и вот он ты.

– Инди... Что?

– Короче, ты оттуда, с Берега, – снова дернул его за руку Гай. – Перебирай ногами хотя бы. Помогу добраться, а там ты сам поймешь, кто ты такой, и дальше уже будешь сам решать.

– Берег – это «домой»?

– Нет. Дом твой... Ох. Не там, не на Берегу. Но тебе надо на Берег.

Сташка ничего не понимал. Он уже промерз до печенок. Все равно, куда, хоть на этот странный Берег, главное – чтобы к прежней ненастоящей жизни не возвращаться. Гай сжал его пальцы:

– Ну, пойдешь со мной дальше?

– Пойду. Я тебе верю.

– Хорошо. На Берегу тебе нечего будет бояться. Берег – он вне сети, тебя там не отследить, это раз; Берег чуть сдвинут во времени и пространстве и потому чужим туда не попасть – это два. Будешь там жить спокойно.

– Сказки. Фантастика.

– Нет. Да. Сказки, которые правда.

– Ненавижу сказки.

– Ну ладно, не сказки. Сверхмегасуперпупер технологии, в которых я почти ничего не понимаю. Адская физика, которую не изучают в университетах. Порталы, потоки, системы искусственных интеллектов, квантовые пространства.

– А?

– Вот и я не понимаю.

Нигде никого не было видно, глухая ночь. Название станции на вывеске непонятное – «Кребы». Зима. На запасном пути под редкими белыми фонарями – вмерзнувшие в ночь серебристые цистерны товарняка. На недавно выпавшем чистом снегу вдоль бесконечной платформы оставались за ними черные следы, и это почему-то Сташку встревожило. Именно следы, а не слова, что говорил Гай. Только бы не выследили. Только бы не обратно.

– Замерз? Потерпи, скоро придем. Ох, и маленький же ты еще...

Сташка оглянулся на цепочку следов. Но спросил про вывеску:

– Что значит «Кребы»?

– Недояблоки.

– ...Чего?

– Ну, такие яблони, декоративные, яблочки у них мелкие, пучком. Никуда не годятся, кислые. Птицам только.

Не доходя до низенького здания вокзала, Сташка под золотым фонарем первым свернул по присыпанным снежком деревянным ступенькам на узкую тропинку. Гай одобрительно хмыкнул. Тропинка дальше уходила в синюю темноту и там вилась вдоль всяких заборов, кустов, сараев так долго, что Сташка совсем замерз. Еще минут пять шли по деревенской улице, и ни в одном окошке Сташка не заметил света. Все спят, и казалось, что снег под ногами скрипит слишком громко. Он нерешительно показал на окутанный невидимым золотом маленький бревенчатый домик с двумя тонкими деревцами в палисаднике. Сердце сладко защемило под зазвучавший громче Зов. Гай открыл калитку; проходя к темному крыльцу, тихонько поскреб ногтем по стеклу окна. В ту же секунду за окном включили настольную лампу и стало видно пеструю золотистую занавеску, по которой мелькнула маленькая тень. Сташка вдруг испугался: а как бы он тут один? Даже если бы нашел этот домик, разве решился бы постучать в окошко?

Гай поднялся на крыльцо и с усилием открыл тяжелую дверь. Вдруг испугавшись, Сташка вошел за ним и еще больше испугался, что в сенях обыденно пахнет деревней. Вслед за Гаем перешагнул порог в теплую комнатку и зажмурился на секунду. Кто-то тихо и быстро лепетал, а Гай ласково отвечал. Сташка открыл глаза: крошечная, лет пяти, золотая девочка держалась

за плечи присевшего Гая. Взглянула, смутилась, спрятала лицо Гаю в плечо. У нее беззащитно и отчаянно топорщились тонкие растрепанные, вправду золотые косички с зелеными завязками. Гай что-то строго шепнул ей и встал. Оглянулся:

– Куртку-то снимай. А это Яська. Она фея.

– Фея, – Сташка вмиг поверил, хотя ничего особенного, кроме золотых косичек, не было в крошечной девчонке, разве что длинное и узорчатое темно-зеленое платье. Девочка смотрела снизу зелеными глазами, растерянно и требовательно, и все живое и хорошее в Сташке встрепенулось и кинулось к ней. Он присел, чтоб оказаться ближе, и протянул руки вверх ладонями, как протягивают малышам, улыбнулся ласково, обещая в душе, что тоже будет ее всегда защищать, как Гай:

– Здравствуй.

Она, ни мгновения не промедлив, просияла и положила маленькие лапки в его ладони, и он показался себе очень взрослым. Она пахла знакомыми, из детства, простыми цветочками, летом, прогретой солнцем травой, ветерком из соснового леса... Ее холодные ручки лежали на ладонях, как невесомые доверчивые птички, и Сташка скорей поднес их к губам и стал дышать на них, чтоб согреть дыханием.

Гай удивился:

– Вы что, знаете друг друга?

Сташке показалось, что он когда-то видел это нереальное существо с зелеными глазами и рыжими косичками, но когда, где? То живое, что в нем радовалось Яське, прыгало, пело и требовало, чтоб эта рыжая малявка всегда находилась поблизости и вот так смотрела в глаза. А в глазах у нее – зеленый и свежий мир. Он дышал ей на ладошки всем-всем теплом, что в нем было, а она смотрела в глаза, серьезная, и как будто светилась.

– Э, – шепотом спросил Гай. – Это что еще за встреча двух сердец?

Сташка не понял, про какую встречу он говорил. От Яськи пахло родным. Прежним, милым. Детством пахло, а не просто забытыми цветочками... Она тихонько вынула согревшиеся ручки из его ладоней, застенчиво улыбнулась и отошла. Ладони остыли. Гай, глядя на Сташку с какой-то изумленной мыслью, помедлил было, но ничего не сказал, вздохнул, скинул куртку, сел у старенького письменного стола, на котором возле лампы стояла банка с вареньем:

– Давайте хоть чаю попьем...

Сташка повесил куртку и огляделся, стараясь не смотреть на Яську. Чей же это старенький такой домик? Чистые пестрые половики, у стены длинная скамейка с высокой спинкой, печка, старинный буфет со старой посудой. Напротив – двустворчатая дверь, к которой вдруг захотелось подойти. Он шагнул к ней, но оглянулся на Гая – тот смотрел напряженно – и не стал подходить. Заметил свое отражение в мутном старом зеркале в белой крашеной раме. Все же диковатые у него глаза – почему? Разве страшно? Посмотрел, как отражается глубина полутемной комнаты и зеленоглазая в зеленом платье Яська, ставящая на стол оранжевые чашки...

Глянул на себя и обмер: длинные косы, на башке какой-то обруч узкий черный, сам тоже весь в черном; очень бледный. Яркие бешеные глаза резанули, как синий нож. Это он? Перевел дыхание, нечаянно моргнул – и в зеркале опять просто мальчик в сером школьном свитере. И глаза испуганные, а не беспощадные.

Кого это он видел? Разве себя?

Посмотрел на ребят – ничего они не заметили. Гай, заметно уставший, хмуро смотрел в пол. Сташка осторожно спросил:

– Что случилось?

– Ничего, – Гай устало и торопливо улыбнулся. – Я увидел тебя поближе и немного струсил. Вон на башке-то отметина, не спрячешь...

– Это? – потрогал Сташка темя. Ото лба к затылку по его светлой голове шла широкая черная полоска, будто кистью мазнули. – Да, я такого ни у кого не видел.

– А я – видел. И очень теперь беспокоюсь. Думаю, как нам лучше перейти, чтоб никому не попасться. Все ишейки уже наверняка рышут. Я бы на их месте обязательно перекрыл все выходы с планеты.

– С планеты? – переспросил Сташка. – Как это? Мы же здесь, на грунте, а не на терминале. Да и кто нас пустит на любой корабль? Или даже в неф на терминал? Или даже в автобус в порт? Ха.

– Я – гонец, – объяснил Гай. – Мне корабли не нужны, чтобы с планеты на планету перемещаться. Меня сеть переносит. Но только из определенных мест в определенные места. Тебе давали бродяжничать, пока ты не приближался вот к таким местам, – он кивнул на плотно закрытые крашенные дверки. – Сейчас-то они уже стоят на ушах. Если узнали, что ты уехал на электричке в эту сторону...

– А почему сейчас нельзя перейти?

– Планеты крутятся, – терпеливо объяснил Гай. – Утром вектор совпадет, и можно будет перейти. Мы с Яськой вчера утром так пришли оттуда.

– А если сейчас попробовать – унесет в космос?

– Прохода не будет. Сеть не дура.

– Значит, пока он не открылся, мы в опасности?

– Мест с переходами в твоём городе полно, они будут их все проверять. И мы не сразу на Берег выйдем, а в один лесок в Семиречье, – Гай встал за на шелкнувшим чайником, принес, разлил по чашкам кипяток, выложил пряники и начатую шоколадку: – Не трусь. Садись и чай пей..

Сташка сел, булькнул в чай ложку золотистого варенья и спросил:

– А Берег и это Семиречье – где?

– Далеко. На другой планете... Яська, тебе варенья или конфеты?

– Но как? Я не понимаю.

– Это все сеть.

Сташка вздохнул:

– Что-то мне не верится в эти твои супер-пупер технологии.

– А мне не верится, что я тебя настоящего, живого вижу... И даже разговариваю! Страшно. У тебя даже брови, даже взгляд точь-в-точь как у... ох.

– Ты все время себе язык прикусываешь... Ну, ладно. Тебе видней. Что будем делать? Я не хочу обратно. Я не могу больше не по-настоящему жить.

– Мы пойдем утром, как задумывали. Отсюда в Семиречье. Так есть шанс, что повезет, а начнем метаться, – сразу же поймают. Тебе-то ничего не сделают, да и я бы удрал, но вот Яська...

– Я должна была, – не глядя, сказала девочка, разворачивая конфету.

Сташка вдруг перестал обо всем новом и пугающем думать, а только смотрел на маленькие пальчики, удерживающие чашку, на матовую щеку, на трогательные косички, на серьезные золотые бровки над опущенными глазами. Бровки с кисточкой к вискам... Смотрел, как зачарованный, и чувствовал, как холодеет лицо, а сердце замерло и будто горит. Гай толкнул его коленом. Сташка очнулся – глаза у Гая опять изумленные. Холод согнало со щек вспыхнувшим жаром. Спросил:

– Яська твоя сестра?

– Наверное, – Гай улыбнулся. – На Берегу мы все родные.

– А... И там всякие ...гномы и эльфы тоже есть?

– Я тоже не люблю сказки, – усмехнулся Гай. – Нет, это ведь тот же самый мир, только Берег лучше, счастливее. Волшебнее, да. Потому его и скрывают. Но сказок там нет. Никаких хоббитов. А эльфы, да, есть, только их мало осталось.

– А ты, случайно, не эльф? – с подозрением спросил Сташка.

Яська хихикнула.

– Ну что ты, – усмехнулся Гай. – Они... Такая параллельная раса. Как люди, но все шерстяные целиком, маленькие, вредные, кусачие... глаза большие золотистые, крылышки есть, но летают плохо. Недоверчивые ужасно. Я только одного знаю, остальных так, издали видел... – Гай потер лоб. – Я тебе потом расскажу. Да что там, сам увидишь... А сейчас хоть чуть-чуть поспать надо.

Яська допила чай и по приставной лесенке залезла на печку, зашуршала там одеялами.

Гай кивнул:

– Лезь. Я свет выключу.

– Сейчас. А Берег ваш – он где вообще?

– Дома.

– Где?

– Это я так говорю просто. Я имею в виду планету Дом.

– Это где Стоград, живет Император и все такое?

– Да. Отвяжись, – взмолился Гай. – Надо хоть часа три поспать. Лезь давай и спи сразу!

Переход – силы нужны!

Сташка послушался, разулся, содрал свитер и школьный галстук, полез на печку. Горячие кирпичи были в несколько слоев застелены разноцветными старыми ватными одеялами, валялись подушки в наволочках с цветочками. Яська, кажется, уже спала – только косички торчали из-под одеяла. Сил хватило только на то, чтоб доползти до подушки и упасть.

Злобный, чужой голос вдруг прошипел что-то. Сташка подскочил. Светло. Ни Гая рядом, ни Яски! Пахнет какой-то отравой... Пестрые пустые одеяла. На четвереньках он подобрался к краю: из комнаты какой-то человек выносил спящую Яську – только золотой невидимый след растаял, и зеленый краешек платья мелькнул в распахнутых крашеных дверках. А другой, посреди комнаты, громадный и тощий как Кощей, жуткий, шипел вслед. Сквозь занавески безучастно слепило яркое солнце, на столе стояли вчерашние чашки, сверкала фольга шоколадки – от равнодушия мира стало так страшно, что заболел живот. В какую-то ужасную гадость он вляпался. А Яську – куда ее унесли? Как спасти?! Яська!!

Человек глянул на него – и прыгнул к печке. Сташка врезал ему по морде подушкой. Тот глухо выругался, и в комнату вломился еще кто-то. Стало тесно, Сташка изо всех сил швырнул еще подушку. Потом начал пинаться, но кто-то жестко ухватил его за лодыжку и легко подтащил к краю. Свободной пяткой он успел вцепиться в рывнувшее и шетинистое, но тут еще одни железные руки ухватили за бока и сволокли вниз. По пути он укусил чье-то запястье, выдрал два клока жестких волос и расцарапал твердую шею, ни на секунду не переставая выкручиваться. Внизу тоже пинался, извивался и кусался, пока с головой не замотали в толстое одеяло. Тогда он, задыхаясь, беззвучно заскулил, но вдруг осознал, что никто ни разу его не ударил, хотя им проще всего было разочек стукнуть по башке и не мучиться с одеялом. И что все они молчат. И теперь его волокут куда-то тоже довольно аккуратно и молчат – только тяжело дышат. И сам он почему-то тоже молчит.

Он снова задержался, когда по босым ногам провело холодом, но тут вдруг его положили вниз, в какие-то сучки и траву – и крепко прижали в несколько рук. Кто-то тяжело подбежал, шурша сухой травой, ловко выпутал из одеяла Сташкину руку, которую тут же перехватили жесткие пальцы и, как он ни бился, в венки на кулаке укололо едким и ледяным. Кулак онемел и разжался, вся рука отнялась, медленно и мягко перехватило горло. Он заплакал, чувствуя,

как тело превращается в холодный кисель. Его отпустили, осторожно развернули, и у самых глаз – вялая трава, серенькая сухая веточка, а над этим – золотые и желтые листья больших деревьев, а еще выше – синее бездонное небо. Какие золотые листья, если уже снег, ноябрь, почти зима?

Глаза закрылись. Он почти перестал быть, с бесконечной скоростью сжимаясь в мячик, в точку – но тут вдруг все главное в нем взвыло и яростно взорвалось, раскидав врагов в стороны. Он ликующе вскочил и помчался прочь по белому мху – быстро, быстро, еще быстрее! Что он и где он, Сашка не мог понять, и торопился лишь скорее убежать, улететь отсюда, и сознание заволакивало дурной темнотой. Потом он все-таки почему-то полетел, только что-то цеплялось за ноги и волосы. И вдруг врезался во что-то огромное, и тупой удар отозвался в нем ужасом и пустотой.

3. Старый мост

Невыносимо болела голова. И холодно, и вообще все болит. И золотого Зова в сердце больше нет.

Открыл глаза и долго не мог сообразить, что видит, и почему желтые листья, когда уже конец ноября и должен быть снег. С пасмурного неба медленно слетел красный круглый листик. Сдув его с холодной щеки, Сташка понял, что валяется на дне заросшего кустами оврага. Помедлив, пошевелил руками и ногами – нигде больнее не стало. Он перевернулся на живот, попил горькой коричневой воды из ручейка и медленно встал на четвереньки.

Что с ним случилось?

И что он помнит – электричка, гонец и фея Яська, потом этот ужас и безумие, и как он бежал – это все вправду? Если вправду, то как спасти Яську?

Не поднимаясь на ноги, он полез через кусты вверх из оврага. Все болело, башка кружилась до тошноты. И где-то ободрался он, белая рубашка в лохмотья... и не белая уже... Только крепкие школьные штаны целы, но промокли... и ноги босые саднит и щеку расцарапанную. Холодно. Из оврага он выполз уже на пузе, и долго лежал, пережидая тошноту и ужасную боль в голове. Может, зря он вылез, может, тут его ищут везде? Очень тихо вокруг. Пусто. Никого нет. Вообще никого. Кругом коротенькие колючие елки, и все шевелится и шуршит от опадающих листиков – но все равно, вокруг – ни души, он чувствовал. Перевернулся на спину – сверху, низко под небом, тоже все шевелится желто-рыжей чешуей веток и темно-зеленой хвоей. Он набрался сил и сел, озираясь. Под опавшей листвой все пригорки и ложбинки покрывал желтоватый мох в пятнах жестких кустиков брусничника, над мелкими елками выселились тяжелые стволы огромных сосен. Он встал и, переждав головокружение, зачем-то куда-то побрел. Может, это все это сон. Этот самый лес сколько раз снился. Хотя во сне ведь не мерзнешь, и не качает, и так сверляще башка не болит. Ноги ободрал... Больно. По самому-то мху идти не колко, но то и дело в ссадины попадают сосновые иголки и корявые сучки. Надо не обращать внимания... Выбирая, куда ступить, он долго брел и старался идти прямо – куда только? К кому?

Он набрел на поваленную лесину, перешагнуть не смог и сел на нее, бездумно сощипнул крупные ягодки брусники и положил в рот. Потом еще и еще, и голова стала болеть меньше. Выковырял сор из ссадин на ногах, закутал их в холодный влажный мох. Еще поел брусники. Захотелось лечь, согреться и спать – даже мысли о холоде, врагах, зверях и змеях притупились, не пугали. Только больно из-за Яски... Он-то удрал от этих мерзавцев, а она-то как же, крошечная? Трус он... Надо было драться... Спасать. Как теперь-то? Гай сможет ее защитить? Как вернуться туда? А куда – вернуться?

Лес... Небо вверху... Лес этот – странный, как во сне, весь золотистый от осени и очень уж тихий. Ни птиц не слышно, ни ветра... Старый лес, знакомый... Как он пахнет родным, грибной сыростью и опавшими листьями. Ой. Это как же случилось? Уже?

Это наяву – лес родной, волшебный, такой свой? Или где? Да он раньше в этом детстве такого леса и не видывал... В «этом детстве»? А что, у него еще другое было? Тьфу. Это он башкой крепко ушибся. Болит. Ну и что! Шею-то не свернул в этом овраге. Это все наяву, по правде. Не снится. Он здесь. Там, куда хотел попасть. В настоящей, родной координатной системе. Дома. Это реальность, холодная и колючая, как елки. Кислая и вкусная, как брусника.

Что теперь делать, куда идти? Тут в Лесу где-то был домик... Нет, шалаш сначала... Простой шалашик, из березовых стволиков и еловых лап, сложили быстро, чтоб спать теплее... Так он развалился, еще когда... Когда что? Чудится или вспоминается? Голова болит... Не вспомнить. Куда идти? Во все стороны этот лес такой одинаковый. Желтые, красные, рыжие деревья. Темные аккуратные елочки. Сосны. Вот новый мир – холодный, но какой-то чуткий –

будто замер и смотрит на него. Вот лес из снов, но это совсем не похоже на сон. Это похоже... Похоже на дом. Во всяком случае, дом где-то поблизости. За рекой. Тут где-то должна быть река. И мост...

Надо перейти мост.

А то пока он ни там, ни тут... А в буфере между... Чем и чем? Прошлым и будущим? Ненастоящим и настоящим? Правдой и выдумкой?

Но куда идти – непонятно. И жутко болит голова, а до моста еще далеко... И скоро ночь. Так. Нечего трястись и плакать. Надо найти сухое, колюче шелковистое от опавшей хвои местечко под елкой, свернуться улиткой, согреться и поспать. Переночевать. А утром будет солнышко, и можно будет пойти на юг, где должна быть река; да и голова, наверное, перестанет болеть... И вообще все прояснится. В двух шагах он облюбовал широкую елку, под нижними лапами которой было много серой хвои, целая перина, залез под темные добрые лапы. Положить голову и закрыть глаза стало счастьем. И даже не заметил, как согрелся и уснул, – понял, что спит, когда лес незаметно укрыл туман, белый, волшебный.

Из тумана вышел такой же белый и волшебный огромный волк, чей зов он слышал всю жизнь. Как в его сказке, и он счастливо улыбнулся:

– Здравствуй!

Волк тоже улыбнулся. Лег и смотрел внимательными синими глазами, положив голову между лап. Туман сгушался, скрыл ближние елочки и бруснику... Выше над туманом плыла большая белая луна, и туман немножко светился. Казалось, у островка с елкой, под которой он спит, туман размыл края, и вместе с елкой островок поднялся и тихонько поплыл сквозь светящиеся лунные волны. Сташка замер от счастья, и вдруг понял, что это не сон. Перестал дышать, а волк глянул внимательно, опять улыбнулся, встал, отступил и исчез в тумане, как не бывало. А с другой стороны из тумана вышел маленький, куда младше Сташки знакомый мальчик в капюшоне с кошачьими ушками. Леший. Тот самый леший Котька, которого он сам придумал давным-давно. Котька подошел ближе, пожал плечами, и сказал очень уж знакомым голосом:

– Ну вот он ты. Вставай, раз проснулся.

Сташка сел. Котька почесал под капюшоном и вздохнул:

– Пора идти. Пойдешь?

– С тобой пойду, потому что ты – Котька. Я тебя знаю.

– Я – Кот, Леший Кот, – слегка сердито ответил Котька. – Это тебе Гай про меня рассказывал?

– Нет. Я тебя придумал, когда был маленький. Хотел быть тобой. Мне даже всю жизнь снилось, что я – это ты.

– Чего? – изумился Котька. – Не. Я – это я, ты – это ты. Знаешь что, сокровище, ты давай решай, идешь или нет. Ну, что уставился? Что тебе еще Гай рассказывал?

– Ничего, – Сташка подумал, что Котька на него сердится, раз попали в беду Гай и Яська. Испугался, что он убежит, вскочил и быстро взял его за маленькую горячую ладошку, потянул в ту сторону, куда из-за спины стелила черные тени луна. – Пойдем.

– А ты откуда знаешь, что туда? – забежал вперед и удивленно заглянул ему в лицо Котька.

– Так, – Сташка вслед за ним перешагнул лежащее дерево. От Котьки пахло лесом, мхом... и молочными ирисками! – Я тут, кажется, про многое знаю.

– Откуда? – настойчивее спросил Котька. – И про что – многое?

– Про мост, например, как на нем превращаются... И про тебя, и про лесок твой, – опять пришлось перелезть через толстое дерево. Не стоит снова говорить, что он сам все это давным-давно придумал. Даже самого Котьку. – Мне снилось. Давно. Или я придумал. Неважно. Скажи, а Гай? Ты знаешь, где он? И девочка?

– Не знаю, – тоскливо сказал Котька. – Волк говорит, что рано утром вы проспали переход, а потом он сам опоздал... Но тебя почему-то все равно выкинуло сюда, хотя... Я не знаю. Разве ты только, как Волк, тоже можешь открывать любые двери... А про какую девочку ты говоришь?

Сташка опять укололся подошвой обо что-то, но даже не вздрогнул:

– С Гаем была маленькая такая девочка, он сказал, что фея. Яська.

Сердце больно сжалось от горя и страха за Яську, и Сташка чуть не заревел с досады и стыда. Надо держаться.

– А, знаю, – опять вздохнул Котька. – Да за нее ему Лигой башку оторвет, когда вытащит. Если еще вытащит...

Они спускались пологим склоном. Ноги уже так искололись и замерзли, что лучше было про них не вспоминать. Черные ветки раздвигались, впереди внизу под луной блеснула вода.

– Они к каким-то ужасным людям попали? А Лигой – это кто?

– погоди... Ты что, думаешь, это ты виноват? Гай сам! Контору разве обхитришь... Понимать надо, кого ведешь. Гай выпутается, ему не впервые. А тебе сейчас о себе, о судьбе своей надо думать.

– О себе? – возмутился Сташка. – Я думаю о маленькой девчонке, которая из-за меня попала в беду!

– Ты погоди. Разберешься. Это ж ЛЕС. Тут время не такое, как снаружи, оно будто стоит, и ты все там успеешь, всех спасешь, если здесь станешь собой.

– Я и без всяких превращений – я. А вот и река, – вздохнул Сташка, когда они вышли из-под деревьев. – И мост. А вон калина. Все на самом деле.

– Пойдем уже, – в его круглых глазах блеснула луна. Котька отвернулся, потянул за руку, и, пока не спустились на мост, только посматривал искоса. А ступив на мост, сказал: – Теперь думай, кто ты и в кого хочешь превратиться.

– В себя, – усмехнулся Сташка. – На самом деле я просто хочу домой. Осталось только мост перейти. И все. Дома.

Ступать босиком по холодным, гладким, плотно подогнанным брускам моста после иголок, сучков и мокрой травы стало утешением. Шел бы и шел. Мост был выстроен высоко над водой, и река неслась внизу ночная, глубокая – настоящая, и лес тоже, и луна, и холодный полусонный ветер – и Котька, и исчезнувший в тумане волк – все настоящее. Это все не сказка. И он теперь здесь. Дома. Что-то начинается.

Стало темнее – это луна ушла в тучу. Котька оглянулся, споткнулся и замер. Сташка тоже остановился. Сосредоточился и двинулся дальше, на всякий случай затаив дыхание. И вдруг плечам стало тяжело от плотной одежды! И ноги обуты в тяжелое! Сердце заколотилось, как сумасшедшее. Оглядел себя: балахон черный, как длинное платье, знакомый, только слишком просторный, пелерина в поблескивающих камнях и вышивке, ботинки велики; потрогал лицо – царпина зажила! И на затылке шишки нет... И ступни не саднит, и вообще нигде ничего не болит.

Вот и все.

Как просто.

Он – дома.

Он есть – снова.

Котька глубоко вздохнул, встряхнулся, повертел ушастой башкой:

– А я верил! Я верил! Изю всех сил верил!!! Я знал, что ты ни в какую зверюшку не превратишься, потому что ты – настоящий! Ты сам вообще не изменился! Вот только одежда эта ужасная!

– Почему ужасная? – упал сверху лунный свет, и знакомо линии и узоры заблестели на его длинном платье, засветились, и он увидел, что Котька дрожит. – Ты чего?

– Черная. И с драконами. Ты – настоящий.

– Настоящий – кто? Это мое платье, я помню. Только велико пока. Впрочем, я все здесь помню, – Сташка разглядывал светящиеся символы на слишком длинном рукаве. Сердце все еще сильно толкалось, ныло от счастья. Он боялся закричать от непереносимого желания знать, что дальше. – Я-то настоящий, я так и загадал, чтоб на мосту самим собой настоящим-настоящим стать, только вот кто я?

– ...Ты – сам не знаешь?!

Сташке снова стало смешно, и от своего испуга, и от Котькиного: чего бояться, если смерти-то, похоже, нет. У него в уме разом все объяснилось: вот откуда он такой не как все легкие дети: он тяжелый, потому что жил еще, раньше, до этой жизни. Сеть вытащила его снова. Наплевать на подробности. Он засмеялся:

– Я все чувствую, но ничего не помню. Помню только, как точно так же уже сколько раз было, когда все узнаешь, но не помнишь, – и снова засмеялся оттого, что длинный тяжелый подол путается в ногах, что знакомая собственная, откуда-то из прежнего одежда оказалась велика. Он выпростал из длинного рукава ладони. – Я не заметил, как это вдруг я снова есть на свете. Я ведь был раньше, правда?

– Был, – неохотно сказал Котька. – Я вообще-то думал, что это выдумки... Ведь так не бывает. Оттуда не возвращаются.

– Смотря откуда. Понимаешь, создав Сеть, мы с Ньико убили смерть. Ха. Мы подумали, а можно ли ее убить? Вот взять и прикончить эту стерву. И что нам мешает попробовать? Все оказалось и проще, и сложнее, мы замкнули контур, и... Ой. Что я несу. Я псих, – Сташка пришел в себя, и эхо собственных слов и обрывки каких-то сложных многомерных сетей с закрытым кодом нежно сползали с его детского сознания – не удержать: – Короче, это снова я. И на свете бывает вообще все, что угодно. Вот он я, к примеру... Или ты – что, на свете много таких лешиков? Ты ведь тоже никогда не умрешь.

– Хотелось бы, – усмехнулся Котька. – Ух. Ничего не понимаю. Но ведь больше чем пятьсот лет прошло!

– Сколько?? Я ничего не помню!!

– Ты потому что маленький, – рассудительно, хоть и дрожа, сказал Котька. – Раз тебе твое настоящее платье так велико, значит, ты сюда раньше, чем следовало, попал.

– Я обратно не пойду! Ни за что!

– Да некуда уже «обратно». Мост-то перешли, это все равно что пересечь горизонт событий. Обратно никак. Ладно, ну – идем дальше?

Котька повел по темному лесу, через поляны, через болото по кочкам, по тропинке к огромному дереву. Сташка не ожидал, что оно настолько огромное, и на мгновение замер, выглядывая сквозь ветки верхушку. За Котькой забрался по толстым веткам в дупло, и узорный подол цеплялся подряд за все сучки. В дупле эти светящиеся узоры слабо осветили просторное сухое пространство и люк в полу. Котька за тяжело звякнувшее кольцо открыл свет снизу, и Сташка увидел узкую, с чистенькими ступеньками, лесенку вниз. Он все это помнил. Он придумывал эту лесенку, этот подземный дом, это дерево – сам. Он даже эту маленькую лампу придумал и причудливую ветку, прибитую к бревенчатой стене, на которой лампа висит. Под лампой на коврик стояли сапоги и ботинки, на стене висели куртки, и Сташке до слез захотелось, чтоб и его куртка тут теперь висела. Но ведь не прогонят же назад? Когда он спустился, Котька сидел на полу и распутывал узел на шнурках, Сташка тоже наклонился к ботинкам и долго соображал, как справиться с крупными блестящими застежками – но пальцы как сами вспомнили: щелк-щелк, и все; разулся. И обнаружил, что одет в толстые черные штаны, а под балахоном есть еще одно платье, покороче. Платье! Смущенно выпрямился и увидел, что на сбросившем куртку Котьке тоже платье.

– А что, здесь все платья носят?

– Мы же дети, – удивился Котька, мгновение смотрел на озадаченного Сташку, отмахнулся и открыл дверь в темноту: – Осторожно... И тише ты, бронтозавр. Спят все.

Они шли в темноте по запутанному коридорчику, и Сташка все с большим испугом предугадывал каждый поворот. Он угодил в свое чудо, но как? Лестницей пошире они спустились еще ниже и оказались, Сташка знал, на просторной кухне. Котька включил свет – лампа отразилась в большом блестящем чайнике на плите.

– Сейчас поедим чего-нибудь.

В черном верхнем платье в пол, да еще с пелериной, расшитой непонятными символами, было жарко, жутко тяжело – скорей снять. Долго выбирался из тяжелой плотной оболочки, однако не путаясь в застежках и вспоминая под пальцами тяжеленькие крючки. Вылез, слегка вспотев. Котька застыл с кастрюлей в руках. Сташка сердито сложил одежду на лавку, оглядел себя – второе черное платье тоже было покрыто выпуклыми узорами и нечасто посверкивающими самоцветами. Ну и что?

Котька поставил кастрюлю и глубоко вздохнул:

– Дракон.

– И что?

– Да ты посмотри на себя, – Котька повернул его к зеркалу на стене.

В зеркале стоял бледный мальчик в черном платье – и на платье серебром вышита, крыльями от плеча до плеча, свирепого вида крылатая ящерица, утыканная прозрачными яркими камешками – раз, два, три... восемь.

– Дракон, – шепотом сказал Котька. – Теперь-то дело пойдет. Вот это зверюга... Вот это наконец-то...

– Кот, помолчи, – негромко сказала вошедшая девочка.

– Привет, Агаша, – сразу вспомнив ее по голосу, задумчиво сказал Сташка, отворачиваясь от зеркала. – Может, ты и права, да вот трудно ничего не понимать.

– Потерпишь, – Агаша пожала плечами. Была она высокой, рыжей, самой старшей и обладала властным, несговорчивым и хозяйственным характером. Пахло от нее медом. И ватрушками. И – ох, как кушать хочется – молочными ирисками... Сташка оробел. – Всему свой час. Вы руки мыли? – Глаза у нее были светло-карими, почти золотистыми – сердитыми и абсолютно не любопытными. Будто она и так уже все знала про них... Да, огонь ведь все на свете знает. И вдруг она улыбнулась с заботливым и терпеливым, как тепло костра, снисхождением: – Я каши сварила... Устали? Кот, трудно было?

– Он все сам, – Котька напряженно посмотрел на Сташку.

Сташка наконец увидел его мокрые глаза, его испуг. Даже уши на сдернутом капюшоне мелко дрожат от нервного озноба, который Котька старается смирить и скрыть. И сам задрожал. Агаша вдруг шагнула к нему, обняла (мед и ириски) и поцеловала в щеку. Отошла и успокаивающе улыбнулась ему, обомлевшему:

– Потом разберешься. Тебе трудно, мы знаем. Подрасти надо, вот и все. Поживешь с нами. И уймется вы оба. Ты, Сташ, наконец здесь, – Агаша потрогала его платье. – Удивительная вышивка... А ты – не спеш. Ты маленький еще, тебе домой рано, а то что ты сейчас, десятилетний, им – на один зуб... Подрасти. Идите умываться, а я на стол накрою.

Они ели гречневую кашу, потом пили чай с шанежками, ватрушками, ирисками — большая глиняная миска, полная самодельных коричневых, пахучих сливочных ирисок, ох, счастье, – и Сташка потихоньку успокаивался. Голодный Котька ел быстро и тоже успокаивался, Агаша доливала Сташке чай и пододвигала тарелку с шанежками.

– Откуда вы берете еду? – спросил Сташка.

– Она сама есть, – пожала плечами Агаша. – Ничего не кончается. Пока мы здесь живем и... Ты... в общем, мы будем тут жить столько, сколько тебе нужно, – без тени улыбки сказала Агаша и взглянула – остро, насквозь. – Но ты уж, пожалуйста... Хотя иногда думай о будущем.

И Котька вдруг сказал:

– Но как это ты, все еще такой детеныш, можешь стать... Ой.

– ...Котя, ты лучше язык себе откуси уже, – посоветовал Сташка. – Или расскажи мне все и сразу.

– Говорят, ты сам должен догадаться, сам все вспомнить. Да мы и сами-то... Мало знаем. Мы просто тебя узнаём.

– Ладно, – согласился Сташка. – А дальше что?

– А я-то откуда знаю?

– Подождем Лигоя, – Агаша поднялась убирать со стола. – Котька! Идите спать. А ты, Сташ, утром спи, сколько хочешь. Тебе уже не надо торопиться никуда.

– А Яська-то?

– Время снаружи тебя подождет. Оно там стоит.

– А, ну да, точно. Ведь мы в ядре Сети, – вспомнил Сташка. – Никто не войдет и не выйдет.

4. Ледяные коньки

Он догадывался, что вся эта реальность, которая его окружает, на самом деле не вполне реальность. Она существует, как и обычный мир снаружи, но на самом деле Лес – это реальность другого порядка. Это ядро Сети, в котором он укрыт ото всех невзгод снаружи. Но это многослойное устройство мира было так сложно, что долго размышлять об нем своим неграмотным детским умом он не мог. Забывал про Сеть и просто жил. Легко вспомнил весь Лес и ребят, прижился. Он был своим и рыжей Агаше, и подгорному колдуну, всегда немного хмурому Митьке, и легкой быстрой Юльке со смехом, как плеск воды – и совсем не важно, что ребята на самом деле то ли старшие звезды, то ли корневые протоколы Сети, то ли стихии. Агаша – огонь, Кира – вода, Митька – земля, а кто же – воздух? Кого-то не хватает? Кого? Потому что Котька – не преобразованная Сетью в человека сила стихии, он живой, сам по себе, а не часть Сети. Он меньше и младше бессмертных ребят – но намного умнее и будто взрослее их. Леший? Хранитель Леса? Да, но в нем все время мелькало что-то знакомое, родное. Но держался Котька настороженно, будто сам не понимал, как себя вести со Сташкой.

А остальные вели себя как семья. Такие же свои, как звезды в черном небе, про которые он всегда думал как про семью. Агаша, Митька, Кира простодушно надеялись, что он останется и будет тут расти дальше. Он бы тоже остался с ними навсегда, чувствуя себя в безопасности внутри всех защищающих оболочек ядра Сети, и легко забывал прошлое, «родителей» и свою нескладную жизнь в северном городе. Радостно забывал.

Но он не забыл черные наряды, которые Агаша убрала в сундук в самой дальней кладовке, и не забыл из-за него случившейся беды с Гаем и с такой маленькой, что сердце вздрагивает, Яськой. Да, Котька сказал, что долго Гая никакие замки и темницы удержать не могут, что он умеет ходить сквозь стены так же легко, как через пределы миров. А Яська? Как же она? Время-то снаружи Леса подождет, но ведь Яська уже успела испугаться... И как, откуда, от кого там снаружи ее вызволять? Он вспомнил про Поляну превращений в сердце Леса, ноль координат Сети, выход наружу – может, пора? Нет, жутко.

Облетели листья, похолодало, потемнело. Тучи. Агаша принесла крупной подмороженной клюквы, и с Юлькой, переставшей уходить на затянувшуюся ледком реку, они полдня пекли такие пирожки, что от аромата они втроем с Котькой и Митькой стонали в дверях жаркой кухни. Первый противень из печи девчонки даже остудить не успели – под ледяное молоко пирожками никто не обжегся. В кухне жарко, тесно, уютно. От печи – жаркое марево уюта и счастья. А там наверху – лес выдуло холодом и ледяным дождем... А тут – Юлька достала второй противень с пирожками с клюковкой, осторожно стала перекладывать их на тарелку, накрыла пока стареньким полотенчиком... Агаша налила всем травяного чайку по толстым кружкам... Там наверху мрачные темные елки, голые бесприютные деревья путаются ветками в низких тяжелых тучах, все мокрое, ледяное, серое... А тут Агаша долепила украшения на громадном пироге с клюквой и яблоками, поставила его в печь, и скоро еще сильнее и чудеснее запахло горячими сладкими яблоками. Юлька смеется, а Митька истории рассказывает про волшебные самоцветы, а Котька, с недоеденным пирожком в руке, слушает – а сам то и дело поглядывает на Сташку: мол, ты слышишь? Ты помнишь? Это старые истории! ... Там наверху так темно, хоть и день, а тут – золотой яркий свет... Там... А где там, в мокром ледяном лесу – волк? Где его логово?

Сташка потихоньку поднялся, выскользнул из кухни, накинул куртку и полез наружу. Люк за собой прикрыть не успел – Котька следом:

– Ты чего?

– Так... – Сташка поднялся по ступенькам и выглянул из дупла. Все, как он и представлял: ледяной дождь, сумерки, голые ветки, тяжелое небо и острые, сырые запахи земли, мха и предзимья. – Посмотреть... Как погода.

– Жуть погода, – Котька поднялся тоже и выглянул. Спросил опасливо: – Никуда идти не надо, правда ведь?

– Я не собирался, – мирно ответил Сташка. – Слушай, а где сейчас волк? В такую-то погоду?

– Дома. Где ж ему быть, работает, – зевнул Котька. И спохватился: – ...Ой.

– «Работает». Ага. Волк. Работает. Да-да.

Котька смотрел в глаза прямо, беспомощно и виновато. И молчал. Сташка не стал приставать. Он и сам знал, что волк не тот, кем кажется. Это он только в Лесу волк. Сташка еще посмотрел на серый темный мир, вздрогнул и сказал:

– Пойдем лучше пирожки есть...

Осень он всегда терпеть не мог, сколько себя помнил, вся эта обреченность природы и короткие темные дни – сейчас он бешено захотел зимы и глубокого белого снега, и чтобы печку всегда топить, а не только ради пирогов.

Сеть услышала его, и наутро накатила зима, ранняя для Леса, быстрая, с неостановимыми снегопадами и слабым морозом. Котька ходил озадаченный и беспокойно поглядывал – он-то чувствовал, кто призвал зиму. А Сташка маялся. Зима, как ни старалась – не помогла.

Новизна прошла, и Сташка не находил себе места в этой родной сказке. Он не помещался в нее, как не влез бы в детскую ушастую курточку Котьки. За волшебным Лесом, где не было времени, за границей с реальностью он чувствовал бескрайнее пространство жизни, манившее и ужасавшее, пронизанное настоящим, неостановимым потоком времени. Там настоящая жизнь, а не искусственное тайное пространство Леса. Там Гай и маленькая девочка, которые из-за него попали в жестокие руки, там все – взрослое, страшное, безжалостное. Там на него самого зачем-то охотятся, там его ищет Контора, про которую обмолвился Гай, та самая, в которой, как оказалось, работали его «родители». Там страшно.

А здесь он вовсе не нужен. Он то помогал Агаше, печку топил и картошку чистил, то спускался с Митькой в подземные горизонты искать минералы и самоцветики, то чистил с Юлькой аквариумы, то читал старые книжки со сказками. И еще – все же он был намного, намного взрослее, тяжелее и хуже этих волшебных детей.

Но все дни в тепле, в тайном дереве посреди тайного Леса, были ласковыми, и что-то в нем распрямлялось и согревалось. Каждое утро начиналось с долгого тихого снегопада, укутывавшего лес потеплее в сугробы, а к вечеру становилось морозно и бледный далекий месяц поднимался высоко-высоко. Потом высыпались из черного мешка крупные игрушечные звезды, лес сиял и сверкал драгоценными искрами. Митька притащил большие, чтоб все помещались, самоходные серебряные санки, и каждый вечер все торопились кататься. Иногда визжали и вываливались на каждом повороте, иногда – ехали тихо под темными, нагруженными снегом еловыми лапами, рассказывали истории и смотрели на крупные звезды. Но чаще вываливались. Когда река замерзла как следует, стали расчищать каток. Митька из своих таинственных мастерских всем принес коньки, и Сташка, хохоча, разбив колени и локти, за вечер научился кататься. А может, вспомнил. Коньки и скольжение по льду так завораживали, что он даже по ночам пару раз вставал и уходил кататься. Казалось, что он вот-вот поймет что-то, вспомнит все главное, пока кружится один в зимней темноте.

Но куда больше смысла было в том, как золотится днем снежок и ярко-синее небо сияет сквозь иней веток, и как сверкает разноцветная фольга и шуршит праздничная цветная бумага, когда вечером после ужина все мастерят новогодние игрушки. И можно разговаривать о всякой ерунде, вроде той, что живут они в волшебном созвездии Дракона, которое на самом деле не просто восемь звезд, а настоящий живой Дракон, плывущий в космосе и все обо всем зна-

ющий. Может, так и есть на самом деле? А почему – нет? Волшебный золотой лес ведь тоже раньше лишь снился, а теперь – вот он. Может, и Дракон-созвездие – тоже правда.

Надо было что-то решать. Все это счастливое детство с коньками и елочными игрушками – не для него, он не может здесь отсиживаться. Не имеет права. Некогда ему расти. Там, за этим волшебным Лесом, Гай и маленькая Яська, которые попали в беду из-за него.

И еще он слишком тяжелый для Леса.

И Котька, он видел, тоже нервничал. Он, как и Сташка, стал вздрагивать, если громко хлопала дверь. Его чутью он верил, как своему. Котька, Леший, хранитель Леса, а, значит, и ядра Сети, знает обо всем больше остальных, он и на мосту лишь от неожиданности испугался. И не удивлялся ни секунды, потому что давно прекрасно знал, кто такой на самом деле Сташка и почему ему придется носить черные платья с драконами.

Котька растерянно шутил, уклоняясь от взгляда, убежал в лес. Сташка в конце концов поймал его в коридорчике и легонько прислонил к стене. Он даже не успел ничего спросить, как Котька взорвался с кошачьим шипением:

– Что ты пристал? Ты думаешь – я знаю, что стряется? Что-то не так, да все – не так! – Он покраснел, удерживая слезы. – И ты такой, что под тобой мир от тяжести проседает, и Лигой обещал с первым снегом прийти, а до сих пор нет, и поляна столько силы набрала, что я боюсь! И снег идет только когда ты хочешь!

– Да я про снег и не думал, – удивился Сташка. – Что он мне... Мне ведь вообще тут нельзя, разве ты не видишь? Сеть активна, потому и так тяжело.

– Ты тяжелый, да, – шмыгнул Котька. – Но сам ты отсюда не выйдешь. А Гай...

– Поляна превращений, – напомнил Сташка. – Кроме нее мне отсюда выхода нет.

– В кого тебе там превращаться, в ондатру? – фыркнул Котька. Ростом он был Сташке до плеча, но сейчас изо всех сил отчаянно пыжился, чтоб казаться выше. – Захотел – давно сам бы превратился... Ты – бронтозавр, ты – ящер, ты какой-то замороженный, тяжелый, вот и превратишься в чудовище! И вообще я тебя боюсь! – у него слезы потекли по щекам. – Ты же... Вроде бы родной, хороший, а внутри – ледяной... Какой-то... опустевший... Я же вижу! Ты ведь сожрешь всех и не подавишься!

– Зачем «сожрешь»? – обиделся Сташка. – Кого?

– Нас всех, – шмыгнул носом Котька. – Я не верил. А теперь – вижу.

– Видишь, да? – Сташка взял Котьку за шиворот, встряхнул: – А я вот ничего не вижу. Поэтому сейчас мы с тобой пойдем на Поляну превращений и все сразу выясним.

– Нет! – у него отскочила пуговка от воротника.

Сташка отпустил его и опять прислонил к стене. Какой он тощий... Заметил в распахнувшемся воротнике – шея тонкая, худая... Не жалеть!

– Попробуй мякни, – Сташка себя мог вообще к чему угодно принудить, а этот им же самим выдуманный звездный котенок – да куда он денется? – Это я придумал и тебя, и весь твой лес до последнего зайца, и ребят, и волка. Я, понимаешь? И Поляну превращений тоже я придумал. И Лес, как ядро Сети. И всю Сеть.

– Знаю, – прерывисто вздохнул Котька.

– Да, – дернул плечом Сташка. – Пусть я еще ничего толком не помню, но здесь я больше не могу. Мне надо домой. И мы сейчас пойдем на поляну, и там я превращусь в самого страшного бронтозавра, если иначе мне не выйти отсюда!

– Ты с ума сошел, – шепотом сказал побелевший Котька вздрагивающими губами. – Тебе же рано превращаться. Ты маленький еще!

Сташка обледенел. Котьку было жалко. Он и сам бы свалился от страха и уполз в самую дальнюю агашину кладовку. Через силу сказал:

– Все это время... Когда я убежал и мчался по Пути... Разве я сюда хотел? В эту милую сказку? Нет. Ну, сам подумай. Ведь это не ты меня звал. Мне надо домой, понимаешь? Мне надо не прятаться в дупле, а жить. Все успеть. Понимаешь?

– «Успеть», – горестно сказал Котька. – Ты всегда хотел успеть, успеть, успеть... И никогда не успевал даже вырасти. Ты же еще ничего не понимаешь!

– Ну и что!

– Как это... А ты разве... – Какая-то мысль вдруг выплыла в голове у Котьки. Он поднял лохматую голову и уставился на Сташку: – Но вот если... Ты?

Сташка не понял его интонации. А Котька, будто фонарик, вспыхнул ясной и горячей радостью, подпрыгнул, как подброшенный, заскакал вокруг Сташки:

– Я догадался! Я знаю, знаю, знаю! Вот это да! Как же я был все это время такой дурак? Ух! А ты-то! Кровь-то не спрячешь!! Тебе же надо к нему, ты же маленький, да, именно пока маленький!!... Он тебе нужен, вот что! Кто ж еще тебе поможет? Тебе не Лигой нужен, потому его и Сеть не пускает, тебе нужен... Тот, кто тебя точно вырастит. Вот из такого маленького. А не Лигой, потому что Лигой – сам не взрослый... А я-то какая бестолочь! Еще на мосту можно было догадаться! Даже раньше! Стал бы Волк кого другого встречать да и вообще здесь прятать с самого начала! Он ведь ждет! Конечно, ты здесь не можешь больше. Пойдем, если велишь! – он глубоко вздохнул и с важностью добавил: – Тебе ведь нужно домой.

Снаружи давно стемнело. Пока бежали к поляне, пока Котька с невнятной целью что-то вымеривал шагами по сугробам, чертил веткой линии и круги, Сташка старательно собирал в кучу свою жалкую решимость. Те чары, которые запляшут на игрушечной полянке, он чувал еще с тех времен, когда от ужаса перед ними писал в ползунки. Никто поумнее с изолированными протоколами Верхней Сети не свяжется. Об этих ... чарах лучше вообще не знать. И на самом деле это вовсе не чары, а... Те самые запредельные технологии, в которых ничего не понимает Гай. И сам Сташка сейчас... Но Поляна – это древнее устройство, мрачный ИИ с закрытым кодом, стоит оказаться на поляне особи с его, Сташкиной, ДНК, и система сама все сделает... Так и было задумано: даже в самом безмозглom состоянии он должен активировать систему самим собой. А она уж разберется и запустит его по главному меридиану домой... Главное – не струсить... Потому что сейчас он сам толком не знает, чего хочет... Ан, нет, знает. Оказаться в том месте, где нужен сейчас. Для того она и создана, Поляна эта. Ему из Леса другого выхода нет.

Запахавшийся Котька подбежал, молча сверкнул преданным взглядом и зарылся в снег. Сташка вытолкнул себя на Поляну. Он был как во сне, не знал, что делать, но верил: его собственная ледяная воля и неуязвимые протоколы системы все сами сделают. Он прошел несколько шагов, и снег под ногами вдруг превратился в голубой лед, а воздух вокруг стал густым и синим. Волшебный Котькин пенек исчез, а Сташка переступил на толкнувшихся снизу, прорезавшихся из-под поверхности ледяных коньках и улыбнулся. Он – свой. Он – хозяин.

Лед сиял, а под ним медленно, будто во сне, кружилась глубокая черная вода. Он чуть толкнулся и описал легчайшими лезвиями первый круг, в жуткой бездонной тишине слыша, как поскрипывает лед коньков о лед Поляны. И рванулся в летящее скольжение. Он вспорол собой синий светящийся воздух, и крыльями от плеч полетели темные искры. Небо, черное и такое же бездонное, как вода подо льдом, кружило над головой восемь родных огромных звезд. Очень-очень знакомая неистовая музыка позванивала и шуршала под ледяными коньками; мелькнул за краем, в снегу, ушастый испуганный комочек, такой родной, и исчез, остался в прошлом...

Слишком хрупкими были ледяные, истирающиеся с каждым скольжением коньки, слишком прозрачным был тонкий лед под коньками, а кипящая вода подо льдом – слишком чер-

ной. Казалось, что все эта ледяная бездонная поляна поднялась и, сияя голубым жутким светом, летит сквозь ночь, чуть кренясь от невозможной скорости и кружась вокруг своей оси. Надо успеть, пока коньки не истерлись. Там, подо льдом, вовсе не вода и не ночь, а темное как космос, страшное будущее время. Ошибаться нельзя. Надо точно и быстро вычертить на льду повеление, которое обязательно должно быть сопряжено с тем, чего хотят звезды наверху, а чего? Он же хотел одного – настоящую жизнь, и потому скорей разбирал мучительную музыку, расплетал неправильные созвучия и вычерчивал льдом по льду мелодию для единственно возможного слова: «Домой!»

Клубящаяся тьма подо льдом стала успокаиваться, башка горела синим, танец летел к последнему радиусу – и время послушно застыло бездонным озером под зеркалом льда, во тьме которого отражалось такое же спокойное небо. Сташка прочертил последнюю двойную дугу и, едва остановился, с неба обрушился тяжелый холод и сшиб на колени. Прямо на порог открытой невидимой двери. Там сияла черная бездна. Нужно – туда, и он наклонился вперед и вывалился во тьму. Стал крошечной теплой точкой, падающей в ледяной бездне – так с ним уже было когда-то, когда? До рождения? До того, как он стал мальчиком Сташкой?

Только некогда об этом думать, потому что его суть, бессмертный поток отважной наглости, что-то творила поверх его детского сознания. Несла вперед сквозь мрак. Он узнавал свою суть, беспощадную волю, жизнь за жизнью гнавшую его к душераздирающе важной цели, которой даже и понять-то сейчас не мог. Да – стать собой. Всего-то. И теперь – он летит во мраке, Сеть послушно переносит его в обычную явь, в настоящее, истинное время, в жизнь, и сам он – настоящий, вот только – КТО? КТО?!

Ну, кто... Он сам. Создатель Сети. Хозяин. Один из Двоих. Бессмертный разум, потому что они с Ньико создали Сеть и прикончили смерть... Но воплощаться так трудно... Кванты складываются столетиями... Обрывки смыслов ускользали, не поймать. Нужен интерфейс. Где-то он ведь его припрятал хорошенечко, где... А так – все наугад... Ну, ничего, так тоже можно. На то и рассчитывали, чтоб – хоть как, хоть в каком состоянии – Сеть принесла домой...

Он летел. Он был какой-то черный ветер, а не мальчик... Какой-то страшный и тяжелый, холодный черный зверь... И одновременно – Сеть. Простая и неуничтожимая. Связавшая восемь звезд – в одно существо. В Дракона из звезд. В него.

Совсем близко человеческим голосом запел волк. Позвал к себе, и этот зов космически идеально совпал с решением его собственной воли. К нему, к волку. Он доверился и зову, и этой воле, и летел во тьме тяжелой промерзшей зверюгой с крыльями в полнеба, внутри которой беспомощным червячком извивался его нынешний ребячий ум. Наконец вывалился из Сети, врезался в тусклый безжалостный свет – и безвольно покотился по каменным плитам.

Зов оборвался.

Звякнули об камень и разбились ледяные коньки. Сташка лег на пыльный камень щекой и вдохнул холодный горький, родной воздух. Глаз не открыть. Дышать надо... Пахнет прежним... Загрохотали тяжелые шаги, и кто-то подхватил на руки, кто-то, кто пах горечью и домом... Волк.

5. Смотритель маяка

– Это только приснилось?

Он помнил лишь прозрачный лед над черной бездной протоколов Сети и движение сквозь страшную тьму. Вот бы открыть сейчас глаза и увидеть комнатку в доме-дереве... Но чужие, новые запахи и тоскливое постанывание обожженных нервов и крошки надежды не оставляли.

Он открыл глаза.

Закрытая черная дверь. Серые стены, мягкий свет сквозь плотные задернутые гардины, успокаивающий запах чистоты от белоснежных подушки и одеяла.

А может, лес, волк, Котька, агашины пирожки, снег, Поляна ему лишь привиделись? Поймавшие его – с их уколом-то... Может, из-за их лекарства ему только показалось, что он от них убежал? Кто знает, на какие видения способен паникующий мозг? И он теперь – у них, у врагов? Ну уж нет. ЛЕС не мог присниться. Он есть. ЛЕС – он в точке «всегда», вокруг которой выстроена Сеть. ЛЕС – это ядро, ноль координат, точка спасения и новых начал... Голова болит. Потому что без... Без чего? Сташка потерял мысль. Сел и огляделся. Комната пуста. Только кровать и черный тяжелый стул, на котором его штаны и свитер. На полу – ботинки. Что, все в порядке? Он здесь, дома, и это главное. Сеть не подвела... Какая Сеть?

Вот-вот сорвет мозги с резьбы. Не вспоминать. Отвлечься.

Он сел и укутался в одеяло. Голова кружилась. Вспомнил о волке – он-то ведь не примерещился? Он где-то здесь, где-то рядом. Им тут все пахнет, он был тут... Где он? Идти искать? Он встал и по холодному полу подошел к окну – но увидел лишь синее небо высоко над черной-черной близкой стеной. Ноги стыли. Если смотреть из окна вбок, справа было видно лишь все перекрывавший выступ балкона, слева – солнечную узкую полосу на черной стене. Но сама эта высокая черная стена, сложенная из огромных каменных блоков... Где же это он ее видел раньше? Босые ноги совсем замерзли на полу, он поджал одну, посмотрел вниз – а мрамор пола точно такой же черный. И почему-то так и должно быть. Ой. Он очнулся, забыв, что пытался вспомнить сию минуту, растерянно оглядел комнатку. Что же, он тут заперт? Он подошел к двери и легонько толкнул. В приоткрывшийся проем потянуло странными, тревожными запахами и звуками. И чем-то знакомым. Точно. Пахнет. Знакомым. Нужным. Горьким. Он попятился, вернулся к кровати и скорей оделся и обулся, нервно прислушиваясь к тишине. Волк где-то рядом.

Вышел. Снаружи в большой комнате, просторной и красивой, никого не было. В широком, с высоким потолком коридоре – тоже никого. По сторонам редкие громадные двери. Он тихонечко двинулся вперед. После нескольких шагов его затошнило от внезапного головокружения. Он прислонился к стене переждать круговерть и качание. Никого вокруг близко нет. Надо скорей дальше.

Коридор вывел в просторный холл, и Сташку накрыло мучительно родным запахом и с ним – прозрачной бурей надежды, тоски, нетерпения, чьей-то родной, узнаваемой воли, которую он чуял всю жизнь. Это не кажется... Это... Это правда так его тут кто-то ждет?! Надо спешить, и он побежал влево через холл – туда, откуда сильнее пахло волком. Ботинки застучали по паркету. Он наискось пересек холл и влетел в сумрачный, несмотря на светлые стены, коридор без окон, со слабо освещенными поблескивающими картинами на стенах. Это место он знал... Не оглядываясь, побежал мимо старых узнаваемых мозаик на стенах: это из Геркуланума... это из Венеции... это из Пляяд... эта с охотниками он забыл, откуда... Скорей, скорей... Эта с парусниками тоже из Доменов, а точнее – острова Аши... Ему было так плохо, так медленно он бежал, так боялся, что кто-нибудь нагонит и остановит – заветные двери показались спасением. Он распахнул их и вбежал в огромную солнечную комнату.

Волк был человеком. Он вставал навстречу, и белые бумаги падали из его рук. Волк казался черным из-за черной одежды, черных волос и угрюмых бровей, но это был его белый волшебный волк! Он не волк, он – Яр!! И глаза родные синие, живые – наяву!!

Сташка, дрожа, двинулся вперед, притягиваясь, как железка к магниту. Яр засмеялся и протянул руки и крепко схватил, когда Сташка прыгнул, прижал к себе. Сташка всем телом ощутил грохот его сердца, судорожно вдохнул родной запах и спросил сердито:

– Яр!! Почему так... так долго? Так далеко? Без тебя?

– Так надо, – Яр обнял еще крепче.

Его голос был невыносимо родным, и жгучим потоком хлынули слезы. Сташка, пряча их, сам обхватил его за шею и еще вцепился в одежду изо всей силы, прижался мокрым лицом к колючей щеке.

– Не реви, – шепнул волк в самое ухо. – Большой уже.

– Знаю, – буркнул Сташка и нечаянно вытер слезы об его плечо. Осознал, что сделал и удивился, как знакомо векам и переносице это скользкое движение по плотной шершавой ткани, под которой родное плечо.

– Я снова тебя отошлю. Спрячу. Чтоб никто до времени даже не заподозрил, что ты здесь. Чтоб уберечь.

– Не хочу! Не надо!

– Тихо, – велел он. – Ты мой ребенок, мой, никуда не денешься. Успокойся. Никаких сцен, понял? И скулить не смей. Держись.

– Пусти тогда, – проворчал Сташка. – А то ты из меня слезы выжимаешь.

– ...опасная ситуация. Необъяснимая, – раздался неприятный голос кого-то вошедшего. – Странный ребенок. Как он попал сюда?

Сташка обернулся. Человек со скрипучим голосом усмехнулся. Ой. Это тот, из маленького домика на той стороне. Это ему Сташка врезал подушкой. И это его люди утащили Гая и Яську, а потом скрутили и его самого. На всякий случай Сташка прислонился к Яру и крепче обхватил его шею. Да, он убежал от этого типа и его людей, но... Мерзкий дядька сказал, уставившись на Сташку прозрачными бесцветными глазами с уколочными, как иголкой, крошечными зрачками:

– Здравствуй.

– Здравствуйте, – вежливость не помешает. А думать можно все, что хочешь: как он похож на комара. Или на Кощея Бессмертного в молодости. Волосы длинные светлые, камзол старинный в поблескивающих узорах – нормальные взрослые люди так придурковато не одеваются. Доверять этому человеку нельзя.

– Не злись, чудовище, – сказал Яр. – И не бойся никого. Слушай только меня.

Кощей изумленно вмешался:

– Ты говоришь с этим ребенком так, будто он знает тебя?

Сташка отвернулся и снова уткнулся в волка. Волк опять прижал его к себе и тоже ничего объяснять Кощей не хотел. Но Кощей требовал объяснений:

– Откуда он знает тебя? Ты что, общался с ним? Ярун, тебя не узнать, – сказал Кощей. – Или мальчишка не понимает, кто ты – да к тебе ведь собственные дети не решаются подойти. А этот липнет.

Да, липнет. Ну и что. Зато теперь он знает полное имя волка. То есть вспомнил. Ярун. Сташка еще крепче вцепился в единственного на свете родного человека. Ой. «Собственные дети»? А он сам что – не собственный? Не родной?

– Не понимаю, – не отставал Кощей. – Это ведь тот мальчишка, которого ты прятал на Астре? Один из твоих... э-э...

– Вот уж точно не «один из», – перебил Ярун. – Ты что, ничего не понял, когда он исчез у тебя из рук? – усмехнулся Ярун. – Он еще не то может. Что, Макс, все никак не поверишь?

– В старые легенды? Нет. Я в другое верю. Он похож на тебя до жути, одно лицо. Больше, чем любой твой ребенок, больше, чем Арес. Полное подобие. Это в глаза бьет.

– Еще бы.

– Яр, зачем он здесь? Кто его доставил? Как он попал сюда из Семиречья?

Что, заставят рассказать про Сеть? Да он сроду никому и никогда про нее не рассказывал! Надо соображать, а он может только, уткнувшись носом в родного большого человека, едва дышать. Ярун успокаивающе похлопал по спине. Сташка поднял голову, ослабил свою хватку на шее Яруна, и тот, усмехнувшись, перевел дыхание. Сташка посмотрел на свет. Что-то есть в этом солнечном свете, бьющем в окно... знакомое. Ясное. Веселое. Послушное. Только никак не понять, что... Нет, понять. Это активная Сеть... Готовая к взаимодействию, потому что он там, где должен быть... А Сеть здесь – везде... Но ему не до нее. Потом. Главное – Ярун. Он опять стиснул шею Яруна, прижался лицом к родной щетине и сердито прошептал в ухо:

– Я – не легенда. Я – живой.

– Несмотря ни на что, – он горестно усмехнулся, а Кощей сказал: – Как, спрашиваешь, он попал сюда? Да чудом, как обычно. И рано здесь ему, хоть и прорвался. Иди, Макс, собирай его на остров. Сам доставишь. И попытайся хотя бы допустить, что мальчик – это... Нет. Рано. Попытайся хотя бы установить с ним контакт.

Кощей молча, как исполнитель, кивнул и вышел. Наконец-то.

Сташка отпустил шею Яруна, отклонившись, заглянул в глаза:

– Яр, ведь я летел к тебе. Зачем ты меня отсылаешь?

– Ты поймешь, – он поставил его на ноги, придерживая за плечи, оглядел всего. – Стой уже сам. Одни кости, а какой тяжелый... Сердце мое. Ну-ка, сядь, а то свалишься. Голова кружится?

– Терпимо, – Сташка послушно сел в большое кресло.

– Есть хочешь?

– Есть... А! Да. Ох. Да, ужасно!!! И пить!

Ярун отошел к своему столу и, нажав нужную кнопочку, что-то кому-то велел. Сташка наконец оторвал от него глаза и посмотрел вокруг: черное все, страшное. Только солнце в окно бьет счастьем... В углу темноватая мраморная статуя – грустный мальчик, а под ногами короны, мечи и рваные знамена. Кто это? Похож на Котьюку.

– Сейчас все будет. Давай, чудовище, рассказывай все.

– Это все Путь... – Сташка быстро выложил факты: и про «родителей» из Конторы, и про северный город, и про путешествия, и про Гая с Яськой, и про Лес, и как заставил Котьюку пойти на Поляну, и про ледяные коньки. Про Сеть не сказал. Сам плохо понимал, как это работает. И знает или не знает Ярун про Сеть? – А потом коньки разбились. Они в самом деле были изо льда?

– Да.

– И ты меня на самом деле звал? Мне не мерещилось? – а на каком же носителе, кроме Сети, можно послать Зов? Да как же скорей во всем разобраться?

– Звал. Конечно. Чтоб всегда меня слышал, чтоб помнил, что я тебя жду.

– Такая была тоска – будто нечем дышать, – сознался Сташка. – Не по тебе... Тебя я, как человека, не помнил. Сейчас только вспомнил, как увидел. Мне все вокруг было как кино глупое, ненастоящее. Я думал – я псих.

– Прости. Так надо, – на миг закрыл глаза Ярун. – Ну, теперь ты снова мой. Рано тебе сюда, конечно... Тебе бы еще пожить обычной жизнью, ребенком побыть...

– Не вздумай! – задохнувшись, пригрозил Сташка.

– Спокойно, – засмеялся Ярун. – Эта разлука вот сейчас – ненадолго, правда. Иди сюда, чудовище, – он притянул Сташку, поцеловал в макушку. – А башка у тебя, как и раньше, пахнет

морем, знаешь? Хочешь море? Тебя на мой островок секретный отвезут, я там все для тебя подготовил. Окрепнешь, языки подучишь. Подрастешь еще хотя бы чуточку.

– «Островок»... Ну, Яр. Ну, не надо!!

– Надо. Твоя безопасность – это очень важно. Ох как ты меня напугал этой ночью... Гонец тебя перехватил, едва все засекли, что ты опять идешь по Пути, потом Контора попытались тебя отнять, перепугали, и ты уже в Семиречье каким-то чудом бесследно исчез. А через десять минут после того, как Макс сообщил об этом, ты прямо передо мной из ничего свалился на пол. Белый, страшный, в ледяной корке. – Ярун усмехнулся. – На самом деле я знаю, где ты был.

Эта усмешка не скрыла ни боли, ни пережитого, и Сташке стало стыдно:

– Прости... Когда пугают, я ухожу... В ноль координат. В Лес.

– Я тоже, – улыбнулся Ярун. – Без Леса нас тут не было бы.

– Да, но... Я не помню толком, как и что... Не умею еще, не помню; все наугад. Нельзя ведь через Равнины вслепую летать. Одно спасло, что ты есть, и можно к тебе. Ты – как невидимый маяк, как путь. Прости, что напугал. Слушай, но ты ведь был там... В Лесу. И в буфере тоже. И Котьку, похоже, ты привел. Ух, я понял. Я и сейчас, наружу, по твоему следу пролетел, да?

– А может, тебе приснилось? – улыбнулся он.

Конечно, Яр знает, что на самом деле является его любимым волшебным родным волком. Но болтать об этом вслух глупо. Еще глупее, чем про Сеть и бессмертие. Сташка вздохнул, чуя: этот человек с неуловимо волчьими глазами – центр мира. Маяк над черным и бездонным океаном. Заговорил:

– Ты – не как все... И я знаю про себя, что тоже не такой, как все... И опять все заново... Не знаю, как себя вести здесь, в новом времени. Тяжело. И лодка дырявая, и темно, и непонятно, где берег. Я не могу точнее говорить. Я в этой памяти невидимой, как в паутине. Бегу по следу, и все. Вслепую. Тебя только вижу. Как маяк во мраке.

Ярун прижал его к себе:

– Хватит: добежал уже, понимаешь? Вот он, твой маяк. Твой дом. Успокойся. Ты со мной, ты мой. Все хорошо. Подрастешь и во всем разберешься. Ты и так вон уже умнее, чем обычно.

Почему они так, с полуслова понимая, разговаривают, будто давно знают друг друга? Яр жутковато точно занял в душе глубокий, кровью подплывший, резкий отпечаток, который когда-то оставил раньше. Это – родство. Но почему оно, родство это, так болит? Кто же они друг другу? И где это и когда было – «раньше»?

– Ничего плохого не случится. Я обещаю.

– ...А кто ты мне, чтоб обещать? – с тоской спросил Сташка, стараясь перетерпеть безысходную боль вечного кровоподтека в душе.

– ...Я? Расскажу, когда подрастешь, сейчас – нельзя...

– ...Своим детям ты тоже сразу не говоришь, что им отец?

– Ты с тоном-то поаккуратней, чудовище. Дети – они дети и есть. Растут и вырастают. А вот ты... Навязать тебе родство сейчас, когда ты ничего не помнишь, было бы... нечестно с моей стороны.

– ...Ну и... Ну... И я тогда тебе со своим родством тоже не навязываюсь! – Сташка вывернулся из его рук. Ярун хотел его удержать, но Сташка огрызнулся через плечо: – Не трогай меня!!

– Извини, – мягко и чуть насмешливо попросил он, осторожно опуская руку. – Не бойся. Я не хочу тебя обижать. Ну, малыш, взгляни на меня.

– Я твой бастард? – стало тяжело дышать.

– Да какая уже разница, – ответил Ярун так странно, что Сташка все-таки оглянулся. Ярун усмехнулся: – А после Лабиринта люди пусть думают что угодно. Иди сюда, царевич, –

он привлек его, опять очень крепко прижал к себе, опять Сташка услышал его сердце. Ярун поцеловал его в макушку. – Ты... родственник ты, родственник самый родной.

– Ты у меня болишь внутри. Ты кто?! Ты мне – кто?

– Я тебе все, что надо, – он снова поцеловал в темя. – А ты... Ты мой вечный ребенок.

Все. Потом разберемся, когда войдешь в полный разум.

– Кажется, что я... да, всегда ребенок. Никак не вырасти. Ой... Послушай!

– Что?!

– Где девочка? Где маленькая девочка в зеленом платье?

– А-а. Девочка в безопасности. С ней все в порядке. Гай тоже. Не волнуйся, никто их не обидит.

– Ее так утащили... Где она теперь? Здесь? А Гай с ней?

– Да, Гай с ней. Так проще. Нет, здесь маленьким девочкам не место. Сташек, не переживай. Винишь себя за то, что не защитил от Конторы маленькую девочку?

– Проспал. Я хочу ее видеть.

– Зачем? У них все хорошо, у тебя – тоже. Я позабочусь, чтоб они ни в чем не нуждались. Их отправят домой при удобном случае. А Гая я давно знаю. Он – гонец. Он и мои поручения, когда надо, исполняет. Но... Но за этот фокус ему попало, конечно. Нельзя соваться между мной и тобой – никому, никогда.

– Никому, никогда... Ой. Попало?

– Хорошая такая выволочка. Он и сам понимает, что виноват. Да еще девчонку с собой потащил... Сотрудничек. Выживет, не волнуйся. Никого не надо спасать.

Сташка поверил. Даже потеплело на сердце. Волк поднялся и, уводя от разговора, взял за руку, повел в соседнюю комнату. Там усадил за причудливо накрытый стол, положил ладонь на его голову, чуть качнул:

– Ешь. Как расти, если толком не ешь? Ты прав, тебе вырасти наконец – самое главное. Девочки – потом.

С Яськой тогда как увидеться? Сташка не решился спросить, вздохнул. Не мог же Яр его обмануть. И для Гая, для Котьки, для Яськи – Яр тоже каким-то тайным образом свой. Он их не даст в обиду Кощею... Еда на тарелке была не вкуснее Агашиной, но тоже ничего. Наелся он быстро. Немного попил воды, которой как-то очень вовремя налил из тяжелого кувшина Яр. Мгновением позже он нечаянно различил в путанице узоров на черной стене за Яруном большого дракона, вспомнил Котькины оговорки – и холодным вихрем взвился в нем испуг:

– Яр... Сейчас это что ли ты – Ярун этот? Император Дракона? Ты – этот самый Ярун?

– Что ли, – засмеялся он. – Тебе-то это какая разница, чудовище?

Сташка подумал. И сознался:

– Лучше бы, конечно, ты был – просто ты... Но ведь иначе уже никак. Ух, я же видел твои портреты и вообще, как же я тебя не узнал? Не почуял... Хотя какое мне дело было до императора... Ха. А вообще-то, знаешь, мне правда все едино, кто ты, император или рудокоп... Или смотритель маяка.

Они вернулись в кабинет. Сташка посмотрел на стену с экранами и огонечками, снова заметил каменного мальчика в углу и зачем-то спросил:

– Это кто?

– Кааш.

Странное имя холодом ударило в лоб.

– Теперь это, наверно, лишь восьмая звезда... Или нет? – пробормотал Сташка, разглядывая слепое лицо. И, чувствуя, как что-то огромное вот-вот разорвет ему сердце, сжался, стиснул себя, обхватив руками плечи. Смугился под взглядом Яруна: – Извини.

– Ну что ты, – Ярун взял его за плечи и мягко посадил в кресло: – Это память рвется в твой детский разум. Пускать ее еще рано. Вот что, Дракон мой маленький, закрой-ка глаза.

Дай помогу, – Ярун положил теплые большие ладони на бедную его голову, и сразу обхватило нежным добрым жаром. Боль истаяла, и нервы перестали дрожать. И тепло стало, сонно. – Не бойся, маленький. Ты дома.

– На планете Дом, – сквозь сладкую дрему уточнил Сташка.

– Нет, – дома. У себя дома. Ты вернулся домой... Поспи.

Сташка сдался дреме. И в полусне показалось, что изображение черного дракона на стене ожило и оказалось вместе с ним в черном космосе, и там на своих стражах сияли звезды созвездия, которое все целиком почему-то и было его домом... Его дом – вся Сеть, потоками фотонов и вимпов соединяющая эти восемь звезд в живое созвездие. Он боялся уснуть крепче и оказаться там один, без Яруна, во мраке среди звезд, и, жмурясь, цеплялся за дневной свет яви и присутствие Яруна. Открыл глаза и сквозь сон, будто из глубокого колодца, сказал:

– Яр, ты зря меня отсылаешь.

– Да не готов ты пока жить тут, – Ярун встал, подошел и присел перед ним, взгляделся: – И ты должен пройти Лабиринт, чтоб у людей не возникало вопросов, кто ты такой.

– Ах да, Лабиринт, – мир вокруг опять покачнулся. И слишком быстро крутились планеты вокруг всех звезд созвездия, а на спутники лучше и не смотреть... Но ведь он не в космосе, он здесь, где Ярун? – Когда?

– Тянуть не будем. Но когда пройдешь Лабиринт – тоже буду прятать в башне, пока не повзрослеешь.

– Прячь. Может, я даже буду слушаться, – согласился Сташка, опять закрыл глаза и от накатившего изнеможения не удержался в яви и немного поспал. И там в своем черном космосе сам слился с Сетью, стал драконом-созвездием, и это было хорошо, правильно, это и было его служением Космосу, его долгом. Он и не удивился, только успокоился. Но планеты все еще кружились слишком быстро. Вдруг опять проснулся, но не полностью, и велел: – Только не смей меня обманывать.

– Ни в каком случае.

– Ты думаешь, я маленький... – Сташке казалось, будто он смотрел из космоса драконьими глазами, и говорил издалека: – А я так давно-давно есть. Только всегда-то я есть там, в звездах, и такой большой, что будто меня и нет... – жаловался кто-то из Сташки, кто-то другой в нем, кто-то мудрее и опытней, кто все знает обо всем здесь. Даже голос стал ниже и глубже. – А тут я, когда живой, так редко, так мало, и всегда сначала жить начинать... Успеть хоть что-то... Глупая растрата лет... Устал. Это тело из живых атомов такое уязвимое. Жить страшно. Я в прошлый раз тут спрятал что-то... Или кого-то... Не помню. Но это я, правда – я. Я вспомню... Все вспомню... Я устал. Тяжело без Сердца. Очень тяжело. Все камни, камни... Их все больше...

– Я помогу.

– Но главное я спрятал. Да. Потому что страшно. Жизнь так уязвима.

Ярун ничего не успел ответить – вошел Кощей. Ярун велел ему:

– Глаз с мальчишки не спускать, и два эшелона охраны. Отвезешь сам и будешь еженедельно проверять. И... Объявляем Лабиринт.

Глаза Кощей стали круглыми:

– Лабиринт? Но Арес еще не готов!

– Зато готов настоящий наследник.

– Что, этот вот заморыш?

– Вот ты и проследишь, чтобы на Острове он окреп.

– Ты что, шепнул ему секрет Лабиринта?

Ярун помрачнел. Сташка выпрямился и вмешался:

– ...Какая глупость!! После каждой короны Лабиринт перестраивается! Нельзя пройти тем же путем, что и предыдущий император!

Большие переглянулись.

– Не понимаю, – сказал Кощей. – Откуда он знает?

– Он вспоминает. А ты отказываешься признать очевидное: это не мой внебрачный ребенок, которого я от позора прятал, это настоящий Дракон!

Кощей чуть поклонился, пожал плечами и кивнул:

– Твоя воля, Ярун. Лабиринт – значит, Лабиринт.

6. Выносливость и прилежание

Он очнулся уставшим и потерявшимся. Самим собой, а не кем-то древним из глубин памяти. Вокруг – тесные серые стены, а в круги иллюминаторов светит небо. От чувства бездны под полом слегка поташнивало. Наклонился Кощей:

– Почти прибыли. Вставай.

Сташка встал, измятый и вспотевший. Немного кружилась голова. За иллюминатором близко внизу несло зеленое посверкивающее море. Море!!

– Ярун хочет тебя баловать, – сказал Кощей. – Но здесь нужно учиться.

Сташка кивнул. Учиться – так учиться. Внезапно, напугав, под ногами взвыли двигатели. Качнуло, и на секунду за стеклом близко, достать рукой, повернулась серая каменная стена. Снизу пришел едва ощутимый толчок, и двигатели, смешно мяукнув, смолкли. Кощей взял за руку и мимо нескольких закрытых дверей вывел наружу через космического вида шлюз. Яркий свет неба и горький морской воздух плеснули в лицо. Ветер взлохматил волосы. Сташка по блестящему узенькому трапу спустился за Кощеем в синюю тень двора. Кощей втянул его в тяжелые двери и тут же быстро их закрыл. Тускло светила маленькая лампа на стене, и свет ее вдруг дрогнул от загрохотавших двигателей. Звук взвыл, поднимаясь, и стал убывать. Скоро стало тихо, Кощей небрежно толкнул дверь, впуская яркое солнце. Сташка зажмурился. Ему опять было плохо. Вроде ничто не угрожает, но сердце все равно больно и торопливо стучается о ребра, а свет снаружи и темнота коридора тошнотворно перемешиваются и качают, качают, качивают... Голова кружится. Кощей сказал:

– Много раз некоторым силам было выгодно объявить, что наконец отыскалось божественное дитя Дракона...

– ...Кто-кто?! – изумился Сташка.

– Божественное дитя, – ухмыльнулся Кощей. – Врали. Ну, а ты? Тоже с неба?

– ...Это я что ли – божественное дитя? – усмехнулся Сташка. – Ха. Богов – не существует.

Кощей удивился:

– Ты не будешь подтверждать, что ты божественное дитя Дракона?

– ...Лабиринт, – задумчиво сказал Сташка. – Плевать на сказки, надо пройти Лабиринт.

– Не просто пройти Лабиринт и доказать всем, кто ты есть. А чтобы не погиб случайно, тебя надо потренировать, подкормить. И Ярун приказал поучить тому, чему в общих школах не учат.

Они прошли коридором и стали спускаться по лестнице. Ступеньки высокие, неудобные. Лестница винтовая. Кощей, следя за Сташкой, у которого опять кружилась голова, и он придерживался за перила, спросил:

– Тебе нехорошо? Не споткнись.

– Не дождетесь, – лучезарно улыбнулся Сташка.

– И тебе совсем не страшно?

– Жизнестойкость и адаптация, – еще лучезарнее улыбнулся он. – А что, должно быть страшно?

– Должно быть, – он даже остановился, всматриваясь. – Ты один, в незнакомом месте, ты мал и слаб. А если я привез тебя совсем не туда, куда велел Ярун? И веду сейчас, например, в темницу?

– Да что ж вам так надо, чтоб я опять испугался? Чтоб я исчез с ваших глаз, как у портала? Ап, и нет ребенка – нет проблемы? Так ведь проблем только больше станет.

– Кто с тобой занимался?

– Что?

– Тебя явно готовили психологически.

– А-а, вы имеете ввиду, что меня кто-то натаскивал явиться к Яруну и занять место божественного подкидыша? Ха. Да Контора с меня глаз не спускала, разве нет?

– Послушай, умник. Кем ты себя считаешь?

Прямой вопрос сбил Сташку с толку. Действительно, кем он себя считает?

– Я еще не разобрался, – ответил он правду. – Так что пока важнее, кем Ярун меня считает.

– Он тебя ценит, – кивнул Кощей. – На мой взгляд, слишком... Прошу вперед. Твой бассейн. Завтрак – через час.

Огромный темный бассейн открывался прорубленным в черной скале выходом в море. Сташка, оставшись один, улыбнулся морской воде. Купаться!! Он торопливо содрал одежду, скользнул с бортика в чуть теплую, очень соленую веселую воду. Дно бассейна плавно уходило в синюю-синюю глубину. Нырнул, чтоб не заплакать от острого счастья, и устремился к выходу. Проплыл длинный, с красивой каменной резьбой по бортику бассейн; поворачиваясь на спину, разглядел высокий темный свод грота и, наконец, выплыл над глубиной в простор и сияющий свет.

Ласковая вода качалась спокойная, южная; розовые лучи утра отчетливо и неотклонимо пронизывали ее и терялись в зелено-синем бездонном сумраке. Остров с башнями вырастал из воды темной великолепной громадой. Сташка поплавал немного, понырлял, весело замирая от чувства бездны под собой; устал. Углядел невдалеке в скалах маленький причал с узенькой лесенкой из воды, подплыл, уже изнемогая, и выбрался на горячие, белые от солнца и соли камни. Опять слегка закружилась голова, но тут же прошло. Посидел, успокаивая дыхание, слушая шлепанье ленивых волн о камни, посмотрел на громадный бескрайний океан и громадное бескрайнее небо, вбирая в себя горький свежий ветер, горизонт и длинные узкие флаги облаков в небе. Это все уже было: и небо, и бездонное синее море, и теплый родной ветер... Давно. Не в этой жизни.

Пора возвращаться. Он неглубоко нырнул с причала и устало поплыл из сияющего простора обратно в темноту грота. Было чуть страшно – из дня в темноту, да и устал. Да еще и Кощей где-то там... И еще неизвестно, какие люди... Учить будут, тренировать... Кормить. Ага. Вот это важно, и он поплыл быстрее. Есть хочется. Локти дрожали, когда выбирался из бассейна, и он посидел на бортике, прежде чем встать. Отдышался, пошел смывать с себя соль, размышляя, почему никто за ним явно не следит. А как следят? Чей расчет в том, чтоб ему казалось, будто за ним не присматривают? И – на что расчет? Ждут, что без надзора натворит что-нибудь глупое? Надо быть осторожным.

Он одел новую приготовленную одежду, с удовольствием посмотрел на себя в зеркало – разве это он? Какой спокойный мальчик в нарядном белом костюмчике. И не догадаешься, что он проскулил душой все детство... Ух. Как же без Яруна-то теперь страшно, оказывается.

Он был вежлив и внимателен за завтраком, когда Кощей терпеливо знакомил его с только что прибывшими – недавно Сташка услышал, как садится гравит – тремя учителями, врачом и тренером. От них от всех пахло морем и солнцем. Красивые люди, особенно, конечно, две учительницы в светлых платьях, милые взрослые девушки, одна с темными крупными кудрями, другая, построже, со светлыми волосами ниже пояса – даже Кощей на эти золотые-медовые волосы поглядывал, не говоря уже о других мужчинах. Тренер, похожий на худого мощного медведя, правда, глаз не сводил с другой красавицы, с темными кудрями... Врач – дядька с бородой, строгий и в годах, со взглядом как рентген, но тоже большей частью в сторону уверенной златовласки. Третий учитель был похож на студента-старшекурсника, и веселый взгляд его прыгал с одной красавицы на другую, хотя, увидев Сташку, он сразу сделался серьезным

и деловитым. Потом опять стал переглядываться с красавицами. Сашка даже сам озадачился: ему-то какая девушка больше нравится, темненькая или светленькая?

В открытые окна сияло синее солнце, пахло морем и ванилью от булочек, белая скатерть слепила глаза, а на столовом сервизе были нарисованы маленькие синие рыбки. Несколько тарелок для обычного завтрака его тоже не смутили, и что чем есть – он тут же вспомнил, едва увидел маленькую смешную вилочку для пирожных. Вот только откуда он это знает? В его прежней жизни на завтрак полагалась тарелка каши и чашка какао с бутербродом – никаких пирожных и уж тем более вилок к ним... Скорей бы научиться так же шутить, чтоб красавицы взглядывали с интересом и задумчиво опускали ресницы... Но вообще-то больше всего прямо сейчас его интересовала еда.

Потом Кощей – прозрачные глаза пустые и острые – дал несколько строгих подробных наставлений. Сашка послушно кивал – свой испуг на печке он не забыл. Да, Кощей мог тогда быстро отвезти к Яруну, и Сашка стал бы счастлив так же бессовестно, как сейчас. А если б не отвез? Кощей верить нельзя. Он хочет, чтоб Сашка собственной тени боялся... Чтоб остался позорным, никчемным бастардом, трусом, заморышем. А Ярун назвал: «Царевич»... Нет, без недель в волшебном ЛЕСУ, без Котки и ребят он не научился бы чему-то важному. И уж конечно, Кощей бы не провел его через Мост. И Сашка не почувствовал бы в себе никакой не то что силы, а даже уверенности. Не увидел бы на себе черного платья с драконом. И не заметил бы никакой тайны новой жизни, не чувствовал бы волшебства Сети ни в себе, ни во всем здешнем воздухе.

Кроме того, теперь ведь он живет по правде. Ему перестали врать, что он обыкновенный мальчик. Не говорят пока, кто он, и Ярун темнит с отцовством, ну, да это ведь не вранье. Главное, что жить можно честно. Надо только найти способ взаимодействия с Сетью – а то вот же она, руку протяни. Столько силы. Столько знаний... Надо только вспомнить, где спрятан интерфейс. Тот обруч черный, который он видел на себе в зеркале. Он есть. Где-то. Ничего, отыщется. И Сашка совсем успокоился.

Кощей наконец улетел на машине поменьше гравитоплана, каких Сашка на Астре никогда не видел. Дышать стало еще легче. Его долго осматривал доктор, потом тренер немного погонял его в бассейне, потом Златовласка занималась с ним математикой и физикой, и скоро наступил обед – с той же удобной, хотя, конечно, несколько избыточной сервировкой. Никогда в жизни Сашка не ел суп с таким удовольствием. Рыба оказалась еще вкуснее – в общем, десерт, как поэтически ни выглядел, привлечь его не смог. Неприлично захотелось спать – и врач тут же отвел в комнатку с полукруглым окном, которая понравилась и сама по себе такая белая, и потому, что здесь не было ничего лишнего, никаких комодов, ковров и игрушек, только белая кровать.

Глаза склеивались. Он вытянулся на теплой кровати и тут же ухнул в сон, и никаких видений больше не хотел, только слышал, как время шумит морем, идет к вечеру, и в ночь. Но в глубокой темноте середины ночи он проснулся от собственных слез, и никак не мог успокоиться, пряча плач в подушку и никак не понимая, о чем плачет.

И тогда позвонил Ярун. Сашка вскочил к большому экрану, что развернулся прямо на белой стене его комнатки, и, увидев Яруна, еще горше заревел, что нельзя в него вцепиться, нельзя обнять – только в стенку бодайся. Вот тебе и адаптивные способности... Нечего было хвастаться.

Ярун обозвал плаксой, велел шмыгать тише, завернуться в одеяло, сесть и слушать. Больше часа они тихонько проговорили. Ярун особенно не успокаивал, назвал родным сердечком только, а потом, когда Сашка на вопрос, как ему понравилось на острове, выдохнул счастливое: «Море!», – рассказывал про океаны и парусники, про морские ветра, океанские течения, архипелаги, шторма и штили, про китов и летучих рыб – все это звучало, как родная колыбельная. Сашка нечаянно вспомнил, как пахнет смолой палуба под полуденным солнцем

и как ванты режут босые ноги. Но сообщать об этом Яруну не стал – непонятно же, откуда он это помнит? Ярун пошутил с ним, выслушал все, что Сташка, ему, ликуя, рассказал об острове, и пообещал звонить, только, конечно, лишь тогда, когда это Сташке будет очень нужно. Как же он узнает, когда нужно? Что, опять реветь, чтоб его повидать хоть на экране? Да нет, скорей всего, учителя будут вести мониторинг его психического состояния, отчеты о котором будет получать Ярун. Ой. Но неужели это кто-то проследил уже за ним, увидел, что плачет, и сообщил Яруну? Может быть. Противно, но не удивительно, что он всегда будет под надзором.

Или... Ярун сам узнал? Как?

Ответ на это у Сташки был: Ярун в Сети.

Ха. А можно было ожидать, что – нет?

С утра его, голодного, отправляли тренироваться, и молчаливый тренер обучал его кажущимся простенькими оборонительным приемам, гонял на время в бассейне, заставлял без веревок лазать по скалам. Сташка иногда подвывал от ужаса или усталости, но все команды, подаваемые медвежьим голосом, выполнял – и дрался, и нырял, и лез. Не смотря на ссадины и дрожь мускулов, лазанье по скалам нравилось ему больше, чем тонуть от слабости в мелком бассейне или увертываться от рук тренера или расшибаться об них в спортзале. Скоро он, конечно, окреп, но первые дни вспоминал с ознобом. Лазил бесстрашно. Но и плавал хорошо. И дрался увертливо, стремительно, свирепо – и точно, легко усваивая – или вспоминая? – все эти нужные приемчики. Мало ли.

Потом был завтрак, потом – маленький класс с опущенными, чтоб он не смотрел на море, белыми шторами, и умные задачки по геометрии и физике – как конфетки... И грамматика, и длинные столбики слов параллельных государственных языков, которые он выучивал смехотворно легко, и диктанты, – Сташка исписывал по тетрадке в день. Сам он воспринимал это как баловство, а не уроки – ведь снились сны на этих языках. Помнил он эти обыкновенные языки. И совсем не удивлялся. К тому же должно быть что-то поважнее языков. К концу второй недели учителя уже не хмурились, пытаясь что-нибудь растолковать на новых языках – они изумлялись. К концу третьей, переведя раз восемь старинное стихотворение с языка на язык и обратно, Сташка заскучал и перестал видеть смысл в трате времени на языки – все, они встали на место. Позвонившему как-то ночью Яруну он это знание языков, зевая и смеясь, радостно явил. Ярун похвалил, про океаны и морских тварей пообещал рассказать в другой раз и пожелал спокойной ночи и выносливости с прилежанием.

К чему он эти выносливость и прилежание упомянул, Сташка понял, когда на следующий же день прилетел Кощей, устроил экзамен и разрешил другие уроки – вместе с ним приехали трое новых учителей. Дядьки с холодными глазами и сверхразвитым интеллектом. Перед ними он, конечно, струсил, ведь они смотрели на него с недоумением: как, такие сверхзаточенные мозги тратить на малолетнего заморыша? Но ничего, он укрепился духом, сконцентрировался, открыл новые учебники, почитал-почитал – и задал свои вопросы. Сверхзаточенные дядьки оживились, тоже сконцентрировались и взялись за дело. В сташкину жизнь вступила Империя. Настоящее огромное созвездие Дракон: восемь звезд, шесть обитаемых планетных систем, одиннадцать основных рас, пять государственных языков, разные культуры и обычаи. История. Экономика. Политика. Системы управления. Армия и вооружение. Научные достижения. Промышленность. Транспорт. Дипломатические отношения с Доменами и Бездной – абсолютно все это он должен запомнить и быстро ориентироваться... и это еще только начало.

С утра до вечера он учился и только по часику в день, перед обедом, плавал. Тренировки на скалах и в спортзале стали редкой отрадой: в основном тренер приходил на переменах между уроками. Самих уроков стало так много, что он готов был завывать, но запоминал все быстрее и легче, чем раньше. Он вообще стал сообразительнее, чем себя помнил, и ничего не путал,

когда Кошей вдруг прибывал и устраивал ему экзамены. Больше смахивающие на издевательство, правда. Сташка не огрызался, терпел.

Похожих один на другой дней, набитых уроками, прошло так много, что Сташка перестал себе удивляться – ведь раньше он, ленивая тварь, не мог себя заставить выучить смехотворно крошечный параграф из детского учебника по ботанике. А теперь эти, на пяти, ежедневно чередующихся, языках, громадные сочинения – для дисциплины ума – каждый вечер, и надо отразить все известные мнения по вопросу, например, стимуляции просоциального поведения через городскую архитектуру... или особенности жанра антиутопии в культуре прошлого века... или формирование поведенческих императивов элит... И желательно дать прогноз по ситуации... Империя, деспотизм, контролируемые системы, инфраструктура зависимости и инструменты управления, биология, экономика, идеология и система убеждений, массовое образование, геномика, информатика, нейронауки, отбор внутри популяции – ну да, не хнычь, детей таким вещам не учат, но разве ты – дитя? (а кто?!) Он постоянно ловил себя на чувстве, что суть всего этого ему откуда-то знакома. Он знает, что и как надо делать, чтоб вся популяция вела себя как единый организм. И зачем. И еще чтоб все денежки зарабатывали и совершали научные открытия. И какие у нас всех общие цели. И какие цели есть еще... Надо было только привыкнуть к обновившейся терминологии.

Кошею эти успехи как будто были неприятны. Но учителя, первыми распознав в нем чудовище, Сташку уважали – а он сам уважал продуманное государственное устройство Империи. Дракон, жестко централизованное автократическое государство, управлялся всепроникающей этической идеологией, внедренной во все, веками, тысячелетиями регламентирующей культуру и уклад жизни всех рас и являющейся главнейшим механизмом выживания вида. Этика, как диктующая инстанция, была тесно связана с законами жизни и находилась в полном согласии с политическим и социальным строем. Эта сложная и глубоко укорененная этическая система – о которой никто раньше с ним и не заговаривал, но которая всегда чувствовалась, – теперь все-таки, несмотря на жутковатые лекции, нравилась ему. Была спасением, заставляла разные расы соблюдать нормы общежития, чтобы люди как вид, склонный к самоистреблению, как самый инвазивный хищник космоса, все-таки выжили. Конечно, этика унаследована как врожденный биологический механизм, прошедший людей сквозь миллионы лет эволюции, но только здесь, в Драконе, она развилась настолько, чтоб можно было перешагнуть через проклятый порог «убей чужака», погубивший столько рас и цивилизаций... Так говорили учителя. Сташка сомневался, что и по правде этот порог раса людей перешагнула, ведь с племенным мышлением и ксенофобией не так легко справиться. Но что люди стали умнее и сильнее – разве не факт? Почему же ему так важно, так интересно, как теперь люди относятся к чужакам? К непохожим на них по врожденным свойствам? Не с другим цветом кожи, а с какими-нибудь другими способностями? Нужными для будущего? Для освоения космоса? Ох, сколько же еще работы...

Правда, кроме этой смахивающей на религию этики (вовсе не доброта к чужакам, а выживание людей как вида в целом), существовали новые пласты смысла, такие особенные, не для всех, о которых вся масса населения и не подозревала. Люди, занятые своей короткой жизнью, мало задумывались о созвездии в целом, воспринимая его как случайную группу близких звезд. Сташке же объяснили, что ничего случайного в Драконе нет, что звезды собраны (как собраны? Чем? Нет, про Сеть они не знали ничего!) в единство волей космоса с определенной целью. Этот тайный смысл был похож на простую и какую-то детскую сказку. Сказки и мифы? Ладно, Сташка эти смыслы и воспринимал, как сказки. А учителя говорили всерьез, понизив голос. Мол, созвездие Дракона – это живое существо. И что, вот так взять и поверить в это?? Есть будто дело космосу до каких-то жалких восьми звездочек! Поверить в живого Дракона из звезд? Давайте я еще в божественную детку поверю уж заодно... Да какая там Воля Космоса? Давайте мне еще про Митру и Зевса расскажите... Или про Мумбу-Юмбу... Шаманские

танцы тоже будем учить? Сташка невежливо смеялся. Но ему спокойно объясняли: в едином созвездии Дракона есть восемь звезд, персонификаций основных природных сил, четыре стихии и четыре чуда. Но все созвездие связано единой волей одного существа – Дракона. Сташка, хотя и согласен был верить в созвездие, как в живой кусок космоса, – в конце концов, Сеть живет на звездном излучении, на всех этих кварках и фотонах, и чего б не замкнуть контур близких восьми звезд в одно целое, – не понимал: пусть эта сказочная зверюга космическая, созвездие – ладно, да, это такое сложное орудие, и оно манипулирует энергией этих новых пластов смысла для создания нужной реальности. Кому нужной? Кто внедрил и развил эту этику выживания? Воля созвездия определяет поток событий. Ага. Только чья же конкретно эта воля? Чья воля-то? Яруна, что ли? Он – Дракон?

Все вроде бы и разумно, но что-то непонятное, никак не осознаваемое, Сташку беспокоило, и он подолгу обо всем этом думал, думал, думал. Про черных ледяных космических зверюг он знал куда больше, чем учителя. Но взять и поверить, что звезда Астра со своей планетной системой – сердце Дракона, Океан – чудо превращений и вода, Камень – свобода, Крест – огонь и Китмир – время – это два крыла; а Покой, Мир и Дом, сила, земля и разум – это опора Дракона, срединные звезды... Поверить в это? Или... Ощутить? Башка болела, если долго думать об этом. Глупо пытаться подключиться к Сети без интерфейса. Она-то чувствует его попытки, да вот только он сам не слышит ее ответ...

И сны ночью снились... Ледяные сны, черные, а там, где внутри звезды, жжет... И – одиноко. Очень одиноко и темно в этих снах... Так, лучше о хорошем. Например, на третьей планете Дома, самой прекрасной в созвездии, сейчас Сташка – и всегда живет император.

Император... Почему именно Ярун – это император? Ярун, о котором он как о императоре то и дело забывал? Ярун казался ему кем-то вроде забытого родственника или даже отца, вроде волшебника, вроде единственного в мире человека, которого он чувствует как своего, как родного – об этом он думать не то что бы боялся, а – не мог, столбенел. Даже о Драконе думать было легче. В общем, император заботится о всеобщем процветании, какую-то долю профессиональных забот оставляя Ордену, который заботится об этике по мелочам и о управлении энергиями масс, все благополучны и счастливы, энергоресурсы неисчерпаемы. Дракон торжественно плывет в своем бесконечном странствии и одновременно представляет собой всеобъемлющий государственный символ.

Да, Дракон-то живой – и условие его жизни – Сеть. Но ведь снилось тогда у Яруна что-то такое... Будто он сам – Дракон. Как это может быть? Дракон – это созвездие и государство, но главное, допустим, что он – это такой огромный космический обитатель. Звездная зверюга огромная, ледяная... Башка, сердце, крылья... Но почему Дракон тогда слепой? Сташка испугался и сбился с мысли. Понял только: тот, кто придумывал названия первым звездам Дракона, точно знал, что Дракон живой. Это не совпадение, это ключ к тайне, код, который все принимают за условные символы. А кто придумывал?

Откуда вообще Дракон взялся?

Сам он какое отношение к нему имеет?

Кто создал Сеть?

Но о живом Драконе учителя больше ничего не говорили. В классе объясняли лишь государственные инструменты управления – вроде единой этики, психологического комфорта общей морали и персонального чуда. Сташка не верил в Дракона. Он его – чувствовал, с каждым днем все резче, этого Дракона с телом из звезд, энергий и вселенских чудес и сил. Чувствовал всем собой, всем телом, ершиком спинного хребта. А в снах он этим Драконом был. Никому не расскажешь, конечно. Даже Яруну. Но он не слишком задерживался на этих мыслях, будто они проваливались в нем в какую-то сердечную пустоту. И всегда болело там, где сердце, будто его не было. Он трогал – нет, вот оно, тут: стучит, стучит, стучит. Почему ино-

гда, в полусне, в ночной тьме или перед рассветом, кажется, что вместо сердца – пусто и ямка от него болит, кровоточит?

Ярун уже давно не звонил. А что он будет звонить, если Сташка вечером ползет к подушке на четвереньках и спит как убитый. Да и в зеркалах сейчас отражался не псих, а загорелый и нарядный мальчик с пристальным, но мягким взглядом. Сердечко стучит... Надо перестать гонять привидения и просто жить... Но почему перед рассветом хочется плакать, будто он все еще не на своем месте? А где его место? Рядом с Яруном? И пустота эта сердечная. И Яська. И Гай. Где они все-таки, что с ними? Отвезли ли их домой? Ярун обещал...

Вспомнил он однажды и детское волшебство, прежние выдумки, потихоньку, прячась, попробовал снова – иначе зачем все эти звезды чудес? – и камешки легко и послушно танцевали над ладонью и меняли цвет, чайки, цепляясь корявыми когтями, садились на плечи, оставляя кровавые эполеты царапин. Даже странствия ветров в небе стали понятны. В ветрах и чайках, в воде, в скалах, в солнце жили энергии Сети, которым почему-то нравился мальчик Сташка, и они охотно слушались его и окутывали ласковой силой. Он ужасался и веселился, ощутив, что все легенды о волшебстве здесь – не сказки, и зря он так равнодушно слушал их на уроках. Это все реально. Даже есть Орден, хранящий тайны всяких чар и чудес. Когда он спросил у своих учителей, какими именно чудесами занимается Орден, как именно он использует энергию и какими инструментами можно повлиять на ход событий, что такое Круг – ему ответили, что все пока необходимое он уже знает, и велели писать изложение по скучной древней саге. Он написал. И занялся своими камешками всерьез и сугубо конспиративно. Понятно, кто запретил учителям отвечать. Кошечью вообще такие его игры в чародейство не понравятся. Ну и пусть. Лишь бы он не разузнал про Сеть.

Сташка старательно, не поднимая головы, учился; когда ненадолго отпускали, плавал или лазал по скалам вокруг замка. Вместе с выносливостью проснулся и давний навык. Уроки самообороны прекратились, потому что Сташка, ставший жилистым и стремительным, вспомнил и показал тренеру такие приемы, что тот испугался. Сташка тут же радостно забыл, как проще сворачивать человеку башку, и теперь лишь подставлял коричневые плечи палящему солнцу, упивался тишиной, лазал по скалам, то с веревками, то без, снимая ботинки с шипами, чтоб чувствовать под ступнями камешки, пыль и жесткую траву. Подолгу сидел на каком-нибудь уступе или зубце скалы, дышал бескрайним горячим простором, смотрел на синее-синее море и, чувствуя себя древним ящером, ни о чем не думал. Он стал будто бы туго-туго свитым из тех веревок, с которыми лазил по самым трудным скальным стенкам. Времени прошло много, учителя и тренер им довольны, сам он стал сильным и цепким, как диверсант. Скоро его увезут отсюда.

Однажды он спустился со скал дольше обычного, потому что наступил босой ногой на колючку, и, шипя и вздрагивая, долго ее, заразу, вытаскивал, кое-как примостившись на узком карнизе. Устал даже. Не поднимаясь в дом, сбросил у бассейна пыльные шорты и нырнул в темную воду. А когда вынырнул, увидел тренера и доктора, присевшего у бортика. Лицо доктора было встревоженным. Сташка подплыл к ним, посмотрел вопросительно. Тренер сказал:

– Ты задержался.

Сташка вылез на бортик. Доктор велел:

– Покажи ногу.

– Ерунда же? – изумился Сташка, вытаскивая ногу из воды.

Он и раньше знал, что за ним следят, и раньше наступал на колючки, но доктора это не волновало. Синяков, ссадин, чаячых царапин и шишек он обычно не замечал, за все время его скалолазных утех лишь раз заинтересовавшись в слякоть разбитым и опухшим коленом.

Сейчас – на подошве и след-то от колючки был еле виден, но доктор мазнул лекарством и заклеил пластырем:

– До завтра должно зажить.

Тренер принес Сташке сандалии и одежду – такого тоже никогда не водилось. Наверно, завтра по скалам вряд ли можно будет лазить. А если можно, то не здесь, а в страшном месте, которое называется Лабиринт, и о котором никто, даже Ярун, ничего ему не должен рассказывать.

Дальше день пошел обычно: обед, занятия, ужин, сочинение. Но тревога никуда не ушла и к тому моменту, как Сташка добрался до сочинения, стала нестерпимой. Все разговаривали с ним, как обычно, сам он тоже не должен был ничего спрашивать, потому что мальчик – это от слова молчать. И взрослые молчали, отводили глаза. Сташка молча закрыл тетрадь, молча ушел из класса – учитель тоже промолчал, что сразу убедило Сташку в переменах. Он ушел к себе, в белую комнатку, к которой так привык, посмотрел в окно – высоко в небе плыла бледная лодочка месяца. Вот бы ему такой кораблик...

Ой...

Разве у Дома есть луна?

7. Арбалетная стрелка

Под утро прилетел большой гравит, воем разбудивший весь остров. Сташка зачем-то спрятался под одеяло и немного полежал, дыша в колени, потом вылез и стал одеваться. Вошедший доктор не удивился, что он уже встал, осмотрел его, послушал, кивнул и внес большую сумку с одеждой. Сташка вздохнул, снимая невесомую спортивную курточку – все в сумке оказалось зимним и теплым. Толстое белье и штаны, тяжеловатый свитер, зимняя куртка – невыносимо. Но надо привыкнуть. Ботинки с шипами он обул свои, куртку взял под мышку. Внизу ждал Кошей, взглянул безучастно, молча повел во двор. На борту Кошей сел, развернул перед собой сразу два экрана с документами и не взглянул больше.

Сташка немного трусил, конечно, но тревога – не паника, переживем. Побродил по кораблю, разглядывая приборы и высматривая в иллюминаторах клочки моря сквозь кудлатые облака – но скорость и высота были так велики, что он не понимал, море или уже суша – эта голубая дымка внизу. Потом ему принесли завтрак: странно было пить молоко и есть печенье, подозревая всякие ужасы впереди. Безделье, молчание Кошея и экипажа угнетали его, он сел в сторонке у иллюминатора, отвернулся от всех. Смотрел в несущуюся пустоту неба, и постепенно грусть, полужнакомый запах топлива, сияние огоньков пульта и навигационных экранов, возле которых молчали пилоты с холодными глазами, холод снаружи и томительное ощущение бездны вокруг успокоили его и пробудили вечную тоску путешествий и стремление отыскать что-то такое важное, перед чем и страшный Лабиринт и любые холодные глаза показались бы ерундой.

Кошей тронул его за плечо, и Сташка удивленно понял, что спал. Кошей усмехнулся:

– Скоро прилетим. Объяснять нечего – надо пройти испытание. Претендентов много, пойдут все. По пути Орден будет наблюдать и судить, кто на что годится и решать судьбу. Но до самого главного в себе Лабиринт допустит только одного парня. Либо никого не допустит.

Сташка кивнул, посмотрел в иллюминатор и увидел много других гравитов, выше и ниже летящих в одном направлении над страшными и безжизненными горами в белых снежных пиках и синих шрамах ущелий и разломов. С тоской подумал, что с каждым из мальчиков в этих гравитах тоже нянчились, и что, наверное, придется драться. Иначе зачем его учили боевым приемам? Ох, не свернуть бы никому башку... Гравит чуть качнуло – стал, как и остальные, кружить над небольшим плато, ожидая своей очереди приземлиться. Сташка проследил, как один внизу сел, из-под него высыпалась стайка поблескивающих шариков и медленно покатились в сторону. Кораблик, сверкнув блестящей броней, круто взлетел и ушел в сторону. Кошей сказал:

– Одевайся. Внизу холодно.

Сташка послушно надел куртку и шапку, снова подошел к иллюминатору. Внизу еще из-под одного кораблика побежали мальчишки – сколько же их всего? Он, наверное, вслух это подумал, потому что Кошей сказал:

– В этот раз очень много детей. И несколько таких, кого уверенно выдают за дитя Дракона, – он оценивающе взглянул на Сташку, усмехнулся: – Не бойся. За каждым следят, при угрозе жизни – тебя спасут. Ярун велел за тобой особо присматривать. С тебя глаз не сведут. Но помогать никто не будет, не жди. Можешь отказаться, конечно.

– У меня нет причин отказываться.

– Что такое «Путь Драконов»? – вдруг спросил Кошей.

– ...Рецидивирующий императив, – отшутился Сташка.

Он бы и сам до конца не мог объяснить это, даже Яруну. Но шутка оказалась удивительно точной. Словами детский разум не мог выразить ту тоску, с какой из лимбы поднимался отзыв

на это понятие – «Путь Драконов». Болезнь, проклятие? Предопределенность, предназначение? Судьба? И делиться этим с Кощеем? Ха.

С высоты трапа севшего кораблика он увидел медленно текущую, посверкивающую отблесками холодного солнца толпу детей у края плато. Мороз зашипал лицо. От ужаса заболел живот, но Кощей легонько подтолкнул, и Сташка сбежал по ступенькам. Только он ступил на камень поля, гравит втянул трап и забормотал двигателями. Сташка помчался прочь. Другие корабли высаживали мальчишек кучей, одна такая группа бежала впереди – он же был один. От этого тоже болел живот, но в голове страха уже не было. Скоро он догнал остальных, вбежавших с летного поля в лиловую тень прекрасных и жутких белых гор, и оказался в толпе, где каждый, косясь, держался осторожно и обособленно. Все молчат, все рослые, тепло одетые, все старше его и выше. Позади, подвывая, садились гравиты, впереди в скалах зиял темный разлом, в который все торопились вбежать. Кто-то толкался там, кто-то уже дрался. Сташка обошел драку, стараясь никого из этих крупных, испуганных или разозленных мальчишек не задеть.

Вершины белых гор касались голубого солнца. В сумрачном разломе было теплее, из неярко освещенных пещер впереди тянуло влажной пылью. Толком из-за голов и плеч ничего было не видно, и Сташка пробрался к краю толпы, сразу наткнулся на гранитный обломок скалы и вскарабкался. Увидел, что путь впереди, как в сказке, делился на три дорожки. И справа, у высеченного на стене дракона, стоял Ярун и смотрел, иногда улыбаясь или хмурясь, на торопившихся мимо мальчишек – а почти все его не замечали. Какие-то чары были в том, что видели его лишь некоторые, сразу начинавшие пробиваться на правую дорожку. Сташка почесал бровь. Это было бы слишком легко – сразу кинуться направо, к Яруну. Далекий взгляд Императора скользнул по нему, узнал, вернулся – Сташка помахал рукой, испугался блеснувшей улыбки и спрыгнул с камня вниз. Нет, к Яруну он пока не подойдет, как бы ни хотелось обхватить его за шею и заскулить от счастья – нет. Не пойдет он и вперед, в золотистый сумрак всяких волшебных узоров подозрительных пещер, где стоят незаметные черные старики. Ему стало смешно и уж совсем не страшно. Почему у всех этих сильных больших мальчишек нет такого же чувства пути, как у него? Ну и что – слева в темноту, а там так страшно? Ведь нужно.

Он слез, немного прошел вперед и спрыгнул на узкую темную тропинку. Это, конечно, не Путь Драконов, но чувство уверенности сразу стало острым и радостным. Он вообще перестал бояться, стащил варежки и жаркую шапку, распихал по карманам, расстегнул куртку. Оглянулся, постоял, наблюдая. Эту левую тропинку тоже мало кто видел, но с нее казалось очевидным, будто кто-то разъяснял все на ухо, что те мальчишки, кто пошел прямо, переживут какие-то небольшие испытания черных стариков из Ордена, получают какие-то оценки и выйдут на другое плато, где их ждут корабли домой. Что ждет свернувших к Яруну, он не догадывался точно, но чуял какой-то подвох и закрытые школы, где растят себе кадры Контора, управленческие и научно-технические элиты, ксенологи, армия и звездный флот. Туда он не хотел. И в свою темноту слева он не хотел тоже, но в этой темноте нужны его необычные способности, и там ждет что-то очень, очень сложное и тяжелое, из-за чего Ярун и черные старики Ордена сделают настоящий выбор. Захотелось стать победителем, да. Так он и станет. Но там, конечно, опять все силы понадобятся, все-все, и ума, и тела, хоть и соревноваться надо будет уже не со всем этим парадом тренированных подростков, а с единицами, как-то сумевшими развиться настолько, чтоб заметить эту тайную левую тропинку... Отбор жестче, чем в элитные школы. Еще бы. Всегда так было. Потому что тут-то и решится, кто составит настоящий цвет поколения, настоящую элиту – и, как обычно, Орден всех этих парнишек соберет, изучит, кого-то введет в Круг и начнет готовить к тому поприщу, на котором кое-кто из них сможет стать соратником единственному победителю Лабиринта. Ему стало весело. И немножко скучно.

Исход ведь предрешен. Но, конечно, придется помучиться, потому что в прошлый раз мост-то он расколотил... Ой. Какой мост? Стоп. Спокойно. Не надо растрачиваться на напрасные воспоминания. Когда надо, тогда и разберемся. Вперед.

Тут в пещерах начинался путь к Лабиринту. И было холодно от стремительно втягивающегося снаружи воздуха, и пахло чем-то горьким. Сбежав по высоким ступеням в первый темный зал, он увидел несколько мальчишек перед грудой снаряжения – и настоящего оружия, поблескивающего в темноте стволами и лезвиями. Мальчишки, хмурые, напряженные, следили друг за другом, и на его легкий топот только покосились – он слишком маленький, они не принимают его всерьез, такого мелкого... Все – из самых старших, на голову, на полторы его выше – у Сташки опять заныл живот. Караулят, кто что схватит первым? Похватают и начнут стрелять друг в друга? Вполне могут, от нервов-то... Но он спустился к ним и подошел к грудке смертоносного барахла – обычно тут никто никого не убивает, это лишь первое испытание – кто ж тут дурак и поведется на силу оружия? Ярун на самом деле не хочет, чтоб эти дурачки стали по-настоящему убивать друг друга, но надо что-то с этим сделать, чтоб вообще никто не пострадал. Соратников-то ведь – всегда нехватка! Он увидел под черным автоматом моток веревки, ногой спихнул брякнувший автомат и подобрал веревку. Исподлобья оглядел рослых ангелочков, припомнил древние нравы мальчишеских стай и свирепо улыбнулся. Этим тоже все станет понятно. И уж точно они, соратнички, его запомнят. Сташка деловито сунул веревку под мышку, вытащил что надо из штанов и хладнокровно и старательно, стараясь по возможности на каждое дуло попасть, начал писать. Мальчишки оцепенели. Сташка тихо рассмеялся. Он давно хотел писать, еще в гравите, только боялся спросить у Кошея, где туалет. Кто-то из мальчишек выругался, кто-то нервно засмеялся, стоявший ближе хотел его пнуть. Сташка отскочил. Вот из этого всего в него точно никто стрелять не будет. И веревка сухая одна – пока они это сообразят... Подтягивая штаны, Сташка метнулся во мрак ближнего скального хода. Некоторые из парнишек бросились за ним, но скоро замялись, затормозили в полном-то мраке.

Сначала он вслепую отбежал метров на тридцать, дальше пошел на цыпочках, оглядываясь на переругивание позади, почти на ощупь, но потом глаза привыкли к непонятному мраку, в котором его было не видно, а он различал все, и со всех ног помчался по ровному, едва заметно уходящему вниз штреку. В темноте летели яркие синеватые искры из-под титановых когтей, встроенных в подошвы. Он втянул когти и побежал мягче, неслышно. Мальчишки позади шумно пытели, отставая, отбирали друг у друга бестолковый фонарик, а в густом мраке, где мчался Сташка, по сторонам появились узкие и широкие ответвления – начался настоящий Лабиринт. Дальше торопиться было нельзя. Он свернул в первый же левый ход, из которого не тянуло ни сыростью, ни холодом, сел на пол, обнимая моток веревки и стараясь унять сбитое дыхание. С чего это он запыхался? С испуга разве. Нет, от волнения. От нетерпения победить. Отдышался. На всякий случай перемотал веревку, тонкий прочный шнур, – всего-то десять метров. Но, может, на всякое лазанье хватит. Чтобы не мешала, аккуратно намотал на талию.

Здесь много отзывающегося – Сеть гуще? – волшебства. На острове чары тоже были, а здесь, в непонятном Лабиринте, их столько, что дышать щекотно. И то, что он различает в кромешном мраке стену напротив, неровности на полу, потолок, повороты, себя, застежки на ботинках – это разве не чары? Но это вовсе не волшебство. Просто люди привыкли называть все непонятные явления чарами или чудесами, а на самом деле видеть во мраке или при-манивать чаек – всего лишь его способности, с которыми повезло появиться на свет. Эволюция вида... Да, повезло с предками. Руки так вообще светятся чем-то невидимым... Надо согреться. Он снова надел шапку, укутался в куртку, сел и прислонился к стене. Спешить не надо. Надо – подумать. Куда выбираться отсюда? Лабиринт. Огромный, многоуровневый, запутанный. Затопленный чарами и набитый ценными рудами, самоцветами и сокровищами. За полтысячи лет с каждым новым Наследником полностью изменявшийся несколько раз.

Зачем Лабиринт? Кощей сказал, что до самого главного Лабиринт допустит только одного парня. Это кого? Наследника? Слишком просто... Что это значит – оказаться наследником? Ладно, надо быть собой и делать то, что считаешь правильным. Для него правильно будет пригодиться Яруну, стать ему помощником.

Ладно, надо искать, где оно тут теперь, спустя века – это «главное» -то, куда его спрятали... То есть «главное» переместить не могли, но положение всех каменных блоков и плит, образующих этот лабиринт штолен, штреков, шахт переместились, как в калейдоскопе. Лабиринт – это древний надежный механизм, который каждый раз, как кто-то берет одну из корон, непредсказуемо перекраивает свое пространство... какого черта они придумали тогда все эти сложности? Отбор, да. Ну ладно... Теперь не изменишь.

Сташка закрыл глаза, глубоко вдохнул до тоски знакомый, горьковатый пещерный воздух и сосредоточился. Сеть широких и узких ходов и штреков тут же представилась легко и во всех подробностях, будто выплыла из памяти. Он, кажется, действительно помнил эту пятиуровневую узорную, пятиугольную кружевную салфетку, где вместо ниток коридоры и паттерны, знал, где и как мощные скрытые механизмы перестраивали эти ходы. Это ему не мерещится, это не выдумки – он помнит Лабиринт, помнит так, будто сам нарисовал его на покрытом инеем стекле... А ведь правда, правда, он помнит, как скрипел иней и как стыли пальцы... Уж очень холодно было... Ох. Но где же это было? Где это зимнее окно, и – когда? Лабиринту уж не меньше двух тысяч лет... И он не нарисованный. Жилы металлов и воды, слои пород, гроты, пропасти и пещеры, бездонные колодцы, клады, парочка пыльных скелетов – вполне настоящий лабиринт со старыми механизмами. Все пути ему понятны. Вот: совсем близко несколько не слишком-то и трудных выходов на поверхность. Он это видел раньше, он это знал, он бегал изменяющимися коридорами не один раз. Помнил. И опять он несколько не удивился. Уже привык, что время от времени в нем всплывают целые материи воспоминаний. Память есть – ну и что? Вспоминается – так и должно быть... Обычное дело. Да, – выходы. И что? Из ближайшего выхода минут через двадцать выберешься под солнышко. Но сразу выбираться – главная ошибка. Из Лабиринта – не такого уж и большого, расположенного поблизости от удобного плато посреди делящего материк пополам старого горного хребта – вообще не надо искать выход. Вот в середине... Где чары сплетены в купол – что там? Шахта в центр, где круглая пещера не природного происхождения и статуи, от которых идет невидимый свет. Посмотрим, что там на этот раз. Туда-то ведь и тянет, будто магнитом. Там – самое нужное и интересное. И темноты мы тоже больше не боимся. И скелетов.

Мимо, вперед, качая фонариками, промчалось двое мальчишек. Погодя – пробрался один наощупь, свернул к тому ближнему выходу. Мальчики тоже не простые. Не наугад же они бегут и лезут. Вдруг их промчалось много, человек семь, и фонариков у них не было – молча пытели и стучали ботинками с железными шипами. Тоже знали, наверное, куда идти, но боковой ход, где сидел Сташка и откуда короче всего был путь вниз в круглую пещеру, никого из них не интересовал. Сташка зевнул и подумал: а как, интересно, за каждым из них наблюдают? Как успеют вмешаться, если один другого стукнет башкой о камень? Надо переждать суету. Может, придется активировать старые механизмы, а это лучше делать, когда никого больше в Лабиринте нет. Коридоры закроются, разверзнутся провалы – детям самим не выбраться... Снова зевнув, поднялся, убрел метров на двести вглубь, нашел узкий лаз, забрался, прополз вперед до уютной ниши там, где она и должна была быть, свернулся в ней клубком – хорошая куртка, теплая – и задремал. Лабиринт качался перед глазами, распутывал узлы ходов...

Во сне он надышался этими чарами так, что вот-вот из памяти опять всплывет какой-нибудь древний материк. Проснулся, поморщился и торопливо потянулся. Ну его, прошлое, надо о будущем думать... Хотелось пить, и он выполз из лаза, зевнул, еще разок потянулся и потихоньку потрусил к единственному в Лабиринте роднику – немного в стороне от круглой пещеры и на уровень ниже.

Прошло, пока он спал, часа полтора. Лабиринт стоял вокруг камнем и тьмой, но одновременно был весь внутри него самого. Он не удивлялся. Быстрее бы уж управиться – хотелось к Яруну. Мальчишек – теплые суетливые комочки – в путанице ходов стало меньше: больше половины выбрались наружу, остальные разбрелись далеко друг от друга. Двое уровнем выше ссорились возле полуразвалившегося сундука с проржавевшими доспехами. Все давно устали, наколотили синяков и хотели есть. Сташка тоже бы поел... но тут стало нужно перебираться через провал, и пока он сматывал с себя веревку, пока с трех попыток захлестнул ее за камень на той стороне, пока медленно шел по ней, вздрагивая раскинутыми руками и на всякий случай внушая себе, что он не мальчик, а летучая мышь – о еде забыл.

Журчание родничка звонко разносилось далеко вокруг. Над круглым озерцом, куда узким ручейком стекала прозрачная водица, светил вечный белый шарик. Сташка, жмурясь, улыбнулся ему, умылся, попил... Вдруг, вздрогнув, кое-что вспомнил. Развеселился. Скинул быстренько всю-всю одежду и нырнул в ледяную воду. Беззвучно завизжал от ужаса (а дна-то там все равно что нет, не озерцо это вовсе, а карстовый сенот бездонный), от ликования, стиснувшего холода и точного знания, что это любимейшее купание в жизни, которое бывает только раз. Но долго нельзя, сердце стынет, и он еще немножко поплавал, кувыркнулся над бездонной прозрачной тьмой и выплыл. Дрожа, стуча зубами, выбрался по острым камням, торопливо оделся. Тело горело, с волос текло, и хотелось смеяться. Чары вокруг веселились. Стало жарко, и он не стал снова надевать ни куртку, ни толстый свитер. Сел на бережок, несколько минут смотрел в бездонную воду и улыбался. Так хорошо было, что нашел это место родное. Но пора уж идти дальше.

Он не спеша шел по темным штрекам, осторожно залезал на карнизы; никуда не торопясь, обратно по веревке перешел провал и оставил ее, как была привязана – больше не пригодится. Ни ему, ни еще кому-нибудь. Пусть останется на память... Время становилось плотнее и медленнее. Сташка терпеливо принаравливался к его сопротивлению, шел в волшебном мраке и размышлял о том, кем его хотят сделать, если он выиграет. А он выиграет, потому что к круглой пещере, кроме него, разумеется, никто не идет – кто наружу выбрался, а кого привлекли другие сокровища, которых здесь в Лабиринте оставлено было с избытком. Да он не может не выиграть, потому что это его Лабиринт.

Примерно через полчаса он встретился с крадущимся навстречу мальчиком. Сам Сташка давно знал, что они встретятся, знал даже, что мальчик тоже хорошо видит во тьме, но неодолимо боится сумрачных теней, черных стариков и других мальчиков – иначе что вздрагивать от каждого шороха? Хотя впервые в Лабиринте, наверное, очень страшно. Наконец ход повернул, и они увидели друг друга – неизвестно, кем показался издерганному подростку сам Сташка в этой волшебной тьме, но тот выпрямился и уставился во все глаза. Крепкий, выше Сташки, но младше остальных. С какой-то убийственной штуковиной в руках, похожей на арбалет. Сташка снисходительно улыбнулся нервно дрожащему прицелу и попросил:

– Да не бойся ты.

– Сам не бойся, – хмуρο ответил мальчик. У него была косая темная челка и злые синие, прозрачные глаза. – Уматывай отсюда.

– Дурак ты, – хмыкнул Сташка.

Обошел хмуρο следящего за ним прицелом и взглядом мальчишку и пошел дальше, не оглядываясь. В спину этот высокий, но словно бы младше Сташки мальчик стрелять не будет. Не подлец. Наверное. Да и стремится он в другую сторону, к выходу. Или к чему-то там еще, ведь выше пещера с какими-то сокровищами и книгами в каменных нишах и сторожем-стариком из тех черных колдунов, которые вроде бы и есть, но в то же время их и нет. Вообще-то мальчик этот на кого-то будто бы очень похож... Только злой что-то – уж слишком злой. Ладно, это его не касается.

И тут мимо уха тонко пропело железо, тюкнуло в скальный выступ и звонко забренчало под ногами. Повезло. Сташка обернулся. Мальчишка бросил арбалет и тяжело побежал прочь. Все-таки – подлец. Сташка негромко крикнул вслед:

– Встречу – башку оторву!

Подобрал арбалетную стрелку – красивенькая, в протравленных узорчиках и каких-то буквах – сунул за ремень и пошел дальше. Надо спешить.

Еще с полчаса он сползал по извилистому тесному ходу в тайный коридор, который замыкался в кольцо, и в одном месте можно было по не слишком высокой отвесной стенке вцарапаться на уровень центральной пещеры. Такая стенка его тренеру с острова и в страшном сне бы не приснилась – да он бы сам утром не поверил, что умеет так лазить – как геккон... Но умел же когда-то. Еще полчаса лез по ней, разувшись и зашвырнув наверх ботинки, лез, взмокнув, размазываясь по стенке и на шаривая знакомые мельчайшие трещинки, обдирая пальцы на руках и ногах и дрожа от напряжения... Что ж, пока летать не умеешь – ползай... Это был запасной его вход. Главный – узенький мостик над пропастью – он разбил в прошлый раз. Можно было пробраться и через один из пяти входов для наследников, хоть они и отработаны, закрыты, там проще, пнуть пару раз по секретным блокам и все откроется – только ведь нечестно. Он-то ведь не наследник, он... Кто? Хозяин Лабиринта, вот он кто. Это его старинная любимая игрушка, между прочим. Полигон для тренировок, место, где можно побыть одному или как следует спрятать что угодно... Самому спрятаться... Убежище. Сокровищница. Самая надежная система для отбора будущих императоров – ведь в случайные руки отдавать Дракона смертельно опасно. Сташка лез и пыхтел. И никаких чар. Сам должен залезть.

Наконец он заволок себя на ровный, отполированный пол, повалился на спину, едва дыша – стыдно, слабак... Нет. Просто слишком маленький в этот раз... А сколько было – этих разов? Да пес с ним, с Лабиринтом, сам-то он – кто, в конце концов? Как вспомнить-то?

Несколько минут он валялся, дыша, сунув в рот ноющий палец с оборванным ногтем и сквозь прозрачный мрак разглядывая высокий свод главной пещеры – тоже слишком ровный, чтоб быть произведением подземной реки. Какие там реки. Плавил синим огнем, с градиентом как у молнии... А камень был красным, как кровь, и остывал потом еще недели две, а они изнывали от любопытства посмотреть, что ж у них получилось... Немного, но противно закружилась голова. Что это такое он сейчас вспомнил? Кто – такой родной – был тогда с ним? Ярун? Нет... Нет, не Ярун.

Отдышался. Сел, потом встал. Холодно как... Футболку продрал на пузе... Он отошел от края, отыскал ботинки, вздрагивающими руками обулся, следя за чарами Сети вокруг и размышляя, зачем их здесь едва ли не вдесятеро больше, чем во всем остальном Лабиринте – волосы встают дыбом, столько. И нет ни одного мальчика близко, и ни одного черного старика, но шея сзади мерзнет и чешется от неотступного внимания. Следят за ним, и весь путь следили, как обещал Кошей, а теперь будто не один человек смотрит, и не двое, а толпа. А что им не следить? Только он один сюда мог добраться, из остальных пацанов только тот придурок с арбалетом подошел ближе всего, но ни отработанных и запертых детских входов для наследников, ни, уж тем более, это единственное место, где можно вскарабкаться, не нашел. Да он и в принципе не годится в наследники, злющий такой. И глупый. И подлый, раз выстрелил в спину. Сташка покрутил в руках красивенькую арбалетную стрелку, плюнул и выкинул вниз. Послушал, как жалко забренчало далеко под стеной. Пусть валяется, теперь уже не важно... Что не важно?

Ну, ладно, не в наследниках дело. Ярун может править еще, по меньшей мере, лет двести. Он ведь теперь может жить сколько угодно долго, он... Кто? Незачем Яруну сейчас наследник. Он – самый лучший император Дракона, потому что... Почему? Сташка заметил, что не может додумать все эти важные мысли до конца, и усмехнулся. Память ломится в нежный детский мозг, но ей там не за что зацепиться. Ладно, есть еще время расти. К тому же он так устал...

И замерз. Так-так! Нечего жалеть себя. Вперед. К главному... А что – главное? Не что, а – кто... Ярун.

Что-то дрогнуло высоко наверху, Сташка поднял голову и прислушался: заработал лифт. Кто-то спускается, и не надо угадывать, кто. С трудом встав на ноги, побрел вперед. Он был рад, но – так устал... На этой шершавой холодной стенке пришлось преодолеть не только высоту, ребячью слабость и осыпающиеся трещинки, а...

Он там окончательно влез в самого себя.

Принял себя – со всем тем прежним, что оживает внутри.

Ну и что, что пока он не помнит ничего толком. Зато сеть помнит. Она не предаст.

Было холодно. По кругу ходил сквозняк, чуть качал такие же, как у родничка, слабо светящиеся шарики. Внизу под ними покачивались густые черные тени. Лифта не слышно, Ярун близко – Сташка пошел ему навстречу, разглядывая древнее, высеченное из базальта храмовое сооружение, тороидом основания занимавшее половину диаметра этой огромной, безупречно сферической пещеры. На стенах полузабытые барельефы с дерущимися, примиряющимся, занимающимся любовью языческими богами; какие-то химеры и чудовища, крылатые дети, женщины с развевающимися волосами, страшноватые чешуйчатые кольца Дракона, какие-то мечи, гербы и надписи. У Сташки никакой охоты не было разбирать эту каменную пыльную мифологию. Тут шифр, а не настоящая история, а все, что было на самом деле, он лучше как-нибудь потом повспоминает... Потому что печально. И ужасно. Разве что вот на этого все понимающего, все помнящего – и, да, печального, Кааша посмотреть. Какие глаза... Ну да, гордиться нечем: не выжил, прикончили. Тут, в Лабиринте. Не успел стать царем. Сташка сам окаменел. Беда была, да. Странно как: вот он – был «я»... Натворил всего... А теперь то «я» – прошлое...

– Иди сюда, – тихо позвал его Ярун.

Он повернул голову: ох. Он и забыл, какой Ярун огромный! И величественный. Родной. Он медленно подошел к узкому проходу внутрь храма. Ярун улыбнулся. Он, через силу, тоже.

– Здравствуй, – Ярун чуть коснулся кончиками пальцев его макушки и забрал страх. – Это ты, Кааш. Сердце Света, бродяжка, беглец. Мой преемник. Наследник.

– Да не хочу я, – Сташка нашарил наконец себя в яви, но Каашу говорить не мешал. Кааш ведь хороший. Замученный только всем прежним. – Надоело... Придется, да?

– Да, – Ярун усмехнулся, наклонился поближе, всматриваясь: – Ты так смотришь... Как раньше. Кааш, да... Ты же понимал, зачем идешь сюда?

– Шел за своим, – мягко сказал Кааш из Сташки. – А сейчас... Из меня наследник... Обычно не получается. Одна морока, да и то... Если повезет. Обычно это... Бойня, мягко говоря. ...А? – Сташка очнулся и тут же забыл, о чем говорил только что.

Ярун это понял:

– ...Тебе нехорошо?

– Потерял... Потерял его... Что я... он сказал? Мне тошно, что я опять здесь и опять ничего не помню. Я не наследник, Яр. Я – это я.

– ...Зачем же ты тогда шел сюда?

– К тебе, – устало сознался Сташка.

Ярун мягко шагнул к нему и поднял на руки. У Сташки не было сил даже обнять его, он только лег головой на плечо Яруна и объяснил:

– Доказать всем, что я – это я... Чтоб с тобой остаться...

– Доказал уже.

– Надо скорей все вспомнить. Я хочу в тайник, – он опять показал на Храм.

– Зачем?

– ...Ты все-таки меня пусти, – устало попросил Сташка. – За одним уж чтобы. А то я и так... Умотался. А то мост в тот раз разбить пришлось, чтоб не догнали, вот сегодня я и влезал по стенке, а это никакая не стенка, а... Сторож такой... Только я там могу влезть. Как геккон.

– Значит, что-то все-таки помнишь?

– «Что-то», – усмехнулся Сташка. – Боюсь, догнали все же... То есть... То есть он подстерег меня здесь, а я уже спрятал Венок и потому был... Был беззащитным. Да еще и думал, дурак, что он меня спасти пришел...

Глаза Яруна сделались бездонными, страшными:

– Кто «он»?

– Он был вроде как брат, – задумчиво сказал Сташка, пытаясь сложить из ускользающих кусочков целую картинку. – Только взрослый, хитрый. Но все равно, я ж ему верил. Глупый был... – глаза Яруна его пугали, и он опустил голову, снова вжался лбом в его плечо: – Это дело прошлое. Все, круг замкнулся, я снова тут. Можно дальше. И еще я чувю, тут что-то есть для меня, мое, что мне и выжить поможет, и вспомнить... Яр! Ты ведь меня не прогонишь, если я – не наследник, а так – просто я?

– Конечно, нет, Огонек.

– Как?! – в нем плеснуло знакомой мукой. Он вскинул тяжелую голову. Все это тяжелое-тяжелое время, глубокое... Волны...

Ярун молча поцеловал его в висок, и Сташка тут же забыл, как странно и точно он только что назвал его, и боль утихла. Он снова положил голову Яруну на плечо, теснее прижался. Какие-то тяжелые волны... Что это было? Ярун погладил по спине и спросил:

– Но что мешает тебе стать наследником? Тебе же все равно нужно войти во владение Драконом.

– Зачем?

– Действительно, – усмехнулся Ярун. – Ах ты малыш. Да, ты не наследуешь, ты просто берешь свое, но так и тебе, и мне, и всем вокруг будет проще. Ну, поразмысли. Как мне объявлять тебя тобой, если ты еще даже имени собственного не помнишь? – усмехнулся Ярун и снова поцеловал его в висок, крепко обнял и глубоко вздохнул.

Сташка отклонился и посмотрел ему в глаза:

– Ты чего?

– Да ждал тебя долго, – усмехнулся Ярун. – А в прошлый раз... Ох. Потом поговорим.

– Ага. Разбираться со степенью родства тоже будем потом?

– Нулевая степень. Роднее не бывает. Так что, в наследники-то согласишься?

– Возьми наследника из сыновей. У тебя ведь есть еще сыновья?

– Есть. Но у меня теперь наконец-то есть ты.

– Наследство всякое бывает, – хмуро выразил Сташка ту ледяную, сопровождаемую далекой усмешкой Кааша мысль, что всплыла в нем из всезнающих глубин. – В принципе, я ведь сам и есть Дракон. Другое, то извне, что я за тобой чувствую... Оно меня пугает.

А Ярун помрачнел и сказал:

– Конечно, только Дракон. Разве я могу просить, чтоб ты, совсем ребенок, обещал что-то еще неосознанно?

– Значит, кроме Дракона есть еще... Наследство. Куда серьезнее и ужасней. Да?

– Есть, – Ярун еще крепче прижал к себе Сташку. – Расскажу, если ты выживешь и Дракон твой выживет. А сейчас мы говорим о твоём формальном статусе в государстве.

Сташка устал сопротивляться:

– Ладно, буду. Раз ты считаешь, что это так нужно. Я вообще собираюсь во всем тебя слушаться. Я же... Знаешь, как это – есть ты!! Как солнце. Этот... маяк над тьмой. И уж потом все остальные?

– Еще бы. Здравствуй.

– Здравствуй, – Сашка невольно весь засиял. Опять смутился: – Ладно, я наследник. Но я тут должен еще что-то еще сделать, что-то забрать, чтобы вспомнить... Еще какое-то... Испытание? Пустишь меня?

– Да уже и мне, и Ордену все ясно, – он тихо рассмеялся и погладил Сашку по затылку: – И уж точно тут никто, кроме тебя, ни спать бы не стал, ни купаться в бездонном колодце!

– Да я как вошел, сразу вспомнил, что это все – мои игрушки, – улыбнулся Сашка. – Яр, пусти. Мне надо что-то еще... Там посмотреть, понять, – показал он на вход в святилище. Ничего не знаю, все – наугад... Оно там, зовет, – Сашка показал на святилище, и глазах Яруна появилось что-то странное, и Сашка взмолился: – Оно мое, оно что-то вроде интерфейса ко всему здесь... Вроде короны, но в сто раз важнее!

Ярун кивнул и за руку повел в храм. Здесь светили слабые огни, и вся середина круглого зала была занята врастающей в потолок скалой. С нее те же каменные боги, соединяющиеся в Дракона, внимательно и жутко смотрели на Сашку, и он торопливо отыскал взглядом Кааша – и ужаснулся той яростной требовательности, с которой этот маленький уставился из прошлого. Сашка потер лоб и сердито сказал Яруну:

– Вот видишь, он ждет! А чего? – Он подошел к Каашу, с минуту разглядывал его и вдруг заплакал; стыдась, вытер глаза кулаками, посмотрел на Яруна и мотнул головой в сторону узкой тяжелой дверки: – Не понимаю, явь это или сон...

– Иди, – Ярун вдруг легонько подтолкнул Сашку. – Возьми свое.

И он отвернулся и вышел. Сашка не стал смотреть вслед, а, не давая себе думать, метнулся к дверке и всем телом ударился в нее и, ничего не ощутив, будто она растаяла, покатился на мокрый пол.

Та мощь чар Сети, которую про себя называл силой мира, которую чувал везде, здесь навалилась так, что он едва мог дышать. Сила клубилась в этой маленькой пещерке, невидимая и явная, забытая и знакомая, и, как тогда на черном льду, любое неверное движение, даже любая лишняя мысль станет смертью. Сашка распластался на полу и замер. И тут же пришла простая мысль, от которой стало легко – что бояться-то своего? Что страшного в том, чтоб надеть собственную одежду, собственные доспехи? Он поднял голову. Сам положил, сам забереет!

Этой пещеры не касались ничьи руки. По природному черному камню тихонько стекала ледяная вода, чуть слышно журча по неровному полу, и все в этом звуке и в тьме вокруг было невыносимо знакомым. Он вернулся. Когда он был здесь? Казалось, что только вчера. Стена перед ним образовывала в середине выступ, и на нем таились во мраке, в котором больше было чар, чем отсутствия света, четыре тяжелых короны. Оставалось еще место для пятой, старшей, самой тяжелой – она сейчас у Яруна.

Одна из корон ждет его? Он поднялся и подошел к нише, разглядел короны в подробностях. В каждой тайна, сила, чары, стихия сплетены в бросающую на колени власть, – и, если возьмешь любую, уже никогда не станешь таким, как сейчас... Но все это уже было. Руки не поднимались потянуться к ним. Старье. Они больше не нужны, их принесли сюда после смерти носивших их императоров, они – прошлое, отработавшие ресурс механизмы. Пыльные игрушки. Цикл истек, раз он здесь. Что тогда брать? Оно ведь зовет.

Опять сел на пол и сосредоточился. Недоступная память клубилась и переливалась в стоищем от тоски сознании, как оливковые плавающие плюмы в кипящей мантии планеты. А ведь глубже еще – ядро, сверхплотное, тяжелое, живое... Кто же он? Даже Лабиринт знает, кто он, и Сеть знает, и Ярун знает, и Гай догадывался – а он понять все еще не может! Потоки силы неслышно взвыли вокруг, тугими жилами дрожа в заволновавшемся поле, это было больно, это мешало, и Сашка рассердился – это чтобы он не мог владеть собой? Спокойно!

И стало тихо, только чуть-чуть дрожал пол, но он уже ничего не замечал. Еще никогда он так глубоко не уходил в себя, еще глубже – и он вывалился в бесконечность, где он был всем...

И все было им. Он был тьмой и звездами, травой и облаками, был даже бликом света в глазах птицы – и одновременно был в середине оси, вокруг которой кружится созвездие, в центре, из которого вот-вот должна была потоком рвануться его воля – он улыбнулся и отпустил ее. Он был светом, он был любовью, он был источником всех урожаев под всеми своими звездами, таинственным кладом, мигом и вечностью, чем-то крошечным и в то же время бесконечным, мальчиком и созвездием, – и, кажется, знал все.

...Водичка все так же журчала по стенам и полу. Он лежал в ледяной воде и был замерзшим до смерти ребенком, промокшим насквозь, голодным и бессильным. И уже плохо помнил, что был бесконечным Драконом, и странная тоскливая пустота лежала под сердцем – зато теперь помнил, что забрать из этой каменной потайной пещерки: Венок. Симбионт. Интерфейс Сети. Еле поднявшись – со штанов, оглушительно капая, текло; тело в прилипшей рваной футболке окоченело – и медленно, отодвигая ненужные тяжелые короны, обшарил весь выступ. В самой дальней глубокой щели, под слоем мокрого песка, он нашарил узенький обруч, ударивший в пальцы теплом. Пришлось еще, обламывая ногти, расшатать и вытащить небольшой контрольный камень, придавливавший обруч, и наконец вот он, в ладонях! Сташка притиснул Веночек к себе и зажмурился от счастья. Венок согрелся в руках, грел пальцы, и Сташка шептал ему какую-то ерунду, и плакал, и гладил, и отряхивал налипший песок, и безумно любил эту свою родную милую штуку, которую, кажется, всегда помнил, и берег, и которую кто-то – кто?! – сделал для него, и это он сам спрятал Веночек здесь, чтоб никто больше не умирал зря... А теперь нужно его надеть!

Бабахнул тяжкий гром ликования, встряхнув счастьем весь его мрачный разум, и водопадом с Венка окутал тело свет. И пещерка сияла, а камень под ним стал таять, будто мороженое. Он расплакался, расхохотался, потом закружился, брызгая светом вокруг, наконец крепко обхватил себя за плечи. Трясся в неровной, туго натянутой на кости дрожи, сердце колотилось в гортань и мешало дышать – надо успокоиться. Все. Он взял Сеть. И Дракона – взял.

Ярун ждет.

Он выбежал наружу из пещерки и растерянно посмотрел кругом. Ярун ведь ушел, чтоб не мешать, он давно ждет наверху – здесь только неровные тени качают каменных истуканов с живыми глазами. Сташка попытался выжать набравший ледяной влаги подол футболки. Бездна. Как холодно. Зубы постукивают, так колотит. Конечно, можно пойти в лифт, на котором спускался Ярун, но это нечестно. Снова задрожав, он из последних собственных сил сообразил, что в Лабиринте (волшебный камешек-то он вынул) старые механизмы медленно передвигают гранитные плиты с места на место. Надо поторопиться.

Он вернулся в мокрый грот.

Венок потеплел на голове, Сташка благодарно погладил его, почувствовал, что надо чуть его передвинуть, чтоб самые ласковые лапки тепла прилипли к вискам. А теперь подзвать все, что здесь клубится, забрать свое с собой... Ну... И ждать нечего.

Узкая торпеда сил, в которые он запеленал себя, задрожала и, оставляя под собой вой и грохот, легко вошла в скалу. Сначала было трудно, потом от его восторга, что все на самом деле и получается, торпеда разогналась и, расталкивая гранит, вырвалась в холодный воздух и прозрачно-синий предвечерний свет.

– Я летаю, – вспомнил он и засмеялся.

Какое бездонное небо! Он взмыл выше, еще выше, набирая скорость, и даже не осознав, зачем и как – на уровне рефлекса вытянул вперед руки, будто ныряя в этот синий вечер над горами, и кувыркнулся в воздухе так же, как в ледяной воде подземного колодца. И – перекинулся, раскинув руки... Крылья. Черные. Ура. Так, держать угол атаки... Поймать тягу... Ух, тяжело, отвык... Нагрузка на крыло – предельная... Ну, он же не птичка... Снизу ветер, поймать его... Можно парить... Ура. Инстинкт. Полет!! Горы. Небо. Закат. Синяя долина внизу... там Ярун. Он совершил медленный разворот и начал снижаться. Ярун дороже небес, и он изме-

нил профиль крыла, вильнул хвостом, переходя в отрицательный тангаж – только не пикировать. Не торопиться. Такая тушка... Осторожно... Земля все ближе... Скалы, камни... Он задрал голову, широко развел крылья, увеличивая угол атаки, выставил вперед лапы, гася скорость – ой... Он слишком громадный, а человечки – такие маленькие, да их же сметет... И Сташка, не перекидываясь (крылья сломаешь), усилием воли превратился обратно в пацана. Ох, какое маленькое тело... И с аэродинамикой беда. Честно не полетишь, нужны чары... Но это не так уж и трудно... И привычно... Да, он теперь стал собой. Собой настоящим... И можно летать... И жить... Ярун! Где Ярун?!

Только он уже слишком устал, чтоб удерживать себя в воздухе, и Венок стал горячим. Внизу люди, поднятые белые лица. Нашарив взглядом (скорее сердцем) Яруна в толпе чужих, Сташка рванулся к нему сквозь густой синий воздух, вниз, вниз, теперь тихонечко, а солнце, красное, тоже садится за фиолетовые горы... Ну вот, наконец земля... Он мягко встал на вздрагивающую темную землю. Стряхнув с себя, отпустил тугие послушные вихри. Все вокруг стояли белые. И тихие. Даже Ярун. И в синевато-белом отсвете сташкиного угасавшего света... Разве он и светиться умеет? Приходя в себя, Сташка глянул в небо с красивыми облаками, потом виновато оглянулся на оплавленную дыру невдалеке, из которой все еще вылетали мелкие камешки и глухо грохотало. Рядом валялись и потрескивали, остывая, гранитные глыбы. Ох, только бы никого не пришибло... Кто-то прошептал позади знакомое:

– Кааш Властитель...

Ярун очнулся. Вдруг схватил Сташку за плечи:

– Ты ребенок... Ты же ребенок! И сразу – полновластный... Так же нельзя! Нельзя – сразу... Да что ж ты натворил опять... Ты же маленький, ты – даже себя не помнишь!... О небо, Кааш, да. Вечный Властитель, как же... Родной мой! Сташка! Где... Ты это взял? Как нашел? Разве он там был?

– Я ведь его хорошо спрятал, – Сташка коснулся обруча на виске, погладил. – В самом углу, песком засыпал и велел затаиться. Под контрольный камень... еле вытащил... А те старенькие короны мне, конечно, не нужны, только этот – мой.

– Твой, – усмехнулся Ярун. – Ох, Огонек! Конечно твой, чудовище, чей же еще. Кто его тронуть-то посмеет – это ж смерть...

– ...Какая смерть? Нет. Это ж всего лишь Corona Astralis, Венок. Просто симбионт. Чтоб легче возвращаться... Ну и... Ой. Ты сердисься?

– «Всего лишь»? Ничего-то ты не понимаешь еще... Нет, на тебя не сержусь, – Ярун притянул его к себе, прижал. – Но я не ожидал... Ох, трудно смириться, что ты, Сердце Света, взял Венок сразу. Ты маленький еще. Тебе прежде хоть чуть-чуть надо подрасти, хоть что-то самому вспомнить... Это опасная вещь. Не надо было тебя пускать.

Сташка хотел прислониться к нему – ноги не держали, но укрепился: все же люди смотрят. И что-то заболела голова, теплый Веночек разгонял его, но слабо... Как холодно быть человеком.

– Яр, я не понимаю, что ты говоришь. Я там внизу, конечно, понял, кто я такой, только сейчас уже почти забыл и спать хочу, – пожаловался Сташка. – А, Лабиринт-то. Перестраивается. Там если кто остался... Ну, пусть не боятся, он через сутки встанет по первому циклу, как пятьсот лет назад. Планы же сохранились?

– Да. Не беспокойся, – Ярун махнул свите, и вокруг началось торопливое движение. Притянув Сташку, Ярун завернул его в свою нагретую, мехом внутрь куртку и хотел подхватить на руки, но Сташка не дался:

– Я сам... – как же тепло в тяжелом волчьем меху... Какой этот мех... Родной от начала времен. – Люди смотрят же... Я – могу.

– Ты очень сильный, – кивнул Ярун, но, как маленького, взял за руку, едва нашарив его ладошку в длинном широком рукаве: – Пойдем, пора Домой.

Сверху сияло синее вечернее небо с красивыми облаками, выстроившимися в золотой парад, а снизу, в глубоких недрах, погромыхивало. Куртка Яруна такая тяжелая. Нельзя спотыкаться. Терпеть. Все смотрят, как он идет... В гравите Яруна было тепло и тихо. Пережитый день остался снаружи, а тут, в салоне – никого больше. Ярун подтолкнул в кресло – Сташка бессильно плюхнулся вместе с тяжелой курткой; тогда Ярун сунул ему бутылку с водой – он скорей выпил все в пару секунд и спросил:

– Еда?

Через пару минут принесли разогретый контейнер из пилотского дежурного рациона, Сташка быстро съел оттуда полкотлеты – и вдруг глаза закрылись и голова упала в мех воротника. Он преодолел себя. Выпрямился, посмотрел на Яруна.

– Не надо терпеть. Спи, – велел Ярун. – Спи, малыш, можно...

Он проснулся уже во Дворце: Ярун нес его по знакомым комнатам своих частных покоев... Только тут, кроме каменных мраморных стен – все другое, новое... А пахнет постарому. Как будто лесным дымком. Это потому что так Ярун всегда пахнет.

– Привет, – сказал Сташка из мохнатой теплоты своего свертка. – Давай я сам пойду.

– Да уже пришли... Есть будешь?

– Нет... Я хочу пописать... И опять спать.

Ярун сгрузил его на громадный черный диван:

– Сегодня тут будешь спать, у меня... Надо за тобой присмотреть.

Сташка через силу выпутался из куртки, встал. Покачнулся, но устоял. Скорей прошел наискосок через громадную темную спальню Яруна в угол, там за дверь, короткий коридорчик – а дальше все, что нужно... И все на месте, ничего не перестраивали... В зеркале какой-то ужас: белое лицо, черные круги вокруг глаз... Ой, и кран над каменной раковиной какой милый, знакомый... Но вообще-то страшный, в виде корявого грифона, маленьким он его ужасно боялся... Когда был маленьким?! Давным-давно... Когда Ярун был не Ярун, а старенький старичок с белыми волосами... Он почти не вставал, но держал при себе, и все дарил игрушки, игрушки... Он целыми днями играл на ковре под взглядом умирающего человека... А ночью спал – тут ведь комнатка есть маленькая... Там была кровать... И игрушки... Сташка скорей умылся и вернулся к Яруну:

– Яр! А в прошлый раз мы не совпали!! Я был слишком мал, чтоб хоть что-то понимать, а ты...

– Слишком стар, – кивнул Ярун, мрачно взглянув на Венок поверх Сташкиных глаз. – Не вспоминай, не мучай мозг. И вообще лучше сними эту штуку. Тебе сегодня воспоминания ни к чему.

– Да увидел, как водичка у грифона из пасти течет, и вспомнил, как его боялся... Ну, крана, – Сташка снял Венок и поискал глазами, куда бы его деть. Отдал Яруну: – Ты ведь никому не дашь его трогать? А то Веночек терпит только тех, кого я люблю!

Ярун осторожно положил Венок на стол:

– Знаю... Ох, знаю. Ты еще мал, чтоб его носить.

– Не... Чем я младше, тем он мне нужнее... – Сташка показал на открытую дверь в маленькую спальню: – Мне туда? Как раньше?

– И это помнишь, – Ярун подошел, поцеловал в лоб, повел в спальню. – Это... Многое исцеляет.

– А?

– Потом. Раздевайся... Что ты мокрый-то?

– Насквозь, – кивнул Сташка и сел на пол снимать ботинки. – Камни таяли. А в гроте – ручеек... – он оглядел маленькую комнату с кроватью у стены. – Я буду тут жить?

– Нет. Это комнатка на всякий случай: если ты заболеешь или будет много работы... Ну, в общем, когда тебе нужен будет присмотр, как сегодня.

– Как же тут... Все осталось, как было?

– Нет. Я восстановил, когда ты родился. Как сам помнил. Надеялся, что пригодится. Похоже?

– Я не очень хорошо помню, – сознался Сташка, сдирая промокшие лохмотья футболки. – Тут валялось много игрушек... О-ой, – он снял наконец штаны и вдруг увидел, что ноги-то... и руки... Все тело в каких-то черных страшных узорах! – Ай. Ярун!! Чего это я... Такой?

– Рано превращаться было, мал еще, – спокойно сказал Ярун, проведя пальцем вдоль черной вены по его руке. – Болит?

– Нет, – Сташка разглядел, что черные узоры – это все-все ветвистые и переплетающиеся, страшно потемневшие вены под кожей: – Кровь тяжелая... Не надо бояться, да?

– Выживешь. Но показывать тебя такого никому нельзя, – это ж... Ужас, – Ярун засунул его в белую сорочку и подтолкнул в кроватку. – Ложись. Дня за три пройдет. Поболеешь пока тут, отоспишься.

– Я хочу тут жить.

– Нет.

– Ну Яр, ну, хоть первое время... – белая подушка... И одеяло, как облако...

– Первое время – эти три дня. Потом – в Башню. Все, давай, отдыхай... Заслужил. Ничего, отлежишься. Сутки ты, наверно, проспешь... Буду приходить, будить, отпаивать, не испугайся спросонок, – Ярун наклонился, поцеловал в лоб и еще спросил, укрывая: – Так что ты понял-то там в гроте про себя, Сердечко? Кто ты такой?

– Дракон я, дракон... Всю жизнь думал – нет, чтоб ангел какой-нибудь, или хоть... пегас, так ведь нет, – чудовище же... Зверюга звездная...

– Спи, зверюга, – Ярун тихонько засмеялся. – Спи, не бойся.

8. Крипта

Солнце защекоало теплом нос. Сташка выполз из сна и с тоской постарался запомнить золотистую невнятицу, что снилась... Открыл глаза: большая солнечная, как праздник, комната. Здесь не так пахнет, как у Яруна в покоях... А, ну да, этой ночью Ярун нес его подземными тайными переходами и объяснял что-то про Детскую башню, мол, уезжает по делам на несколько дней, а его, маленького, надо под охрану в башню, что пора привыкать... Сташка в полусне все плохо понимал, но соглашался, ведь Яруна надо слушаться... Он уехал? Тоска... А когда вернется?

Вдруг противный, холодный голос Кощея сдернул его в явь:

– Пора вставать.

Сташка приподнялся – и обрадовался, увидев, что за Кошеем затворилась дверь. Тьма и камни Лабиринта загрохотали в голове – Ярун, и Венок; он схватился за голову и задохнулся от невыносимости утраты. Вскочил и закричал:

– Ма-акс!!

Кощей тут же распахнул дверь, словно не успел еще отойти. Так и держась за голову, Сташка спросил:

– Где?! Я не отдавал его Яруну насовсем! Он мне очень нужен!

– Тебя не спросили, – еще никогда Кощей не смотрел на него такими жуткими, пронзительно ледяными глазами.

– Где Венок? – Сташка наконец отпустил виски. Сознание, что Венок необходим, что его немедленно надо ощутить на себе, прижать узенький ободок ладошками, сосредоточенно закрыть глаза и выйти в Сеть, жгло все его существо. – Он мне нужен!

– Ярун так не думает, – страшно ядовитые глаза. – И в ближайшее время ты не увидишь ни Яруна, ни Венка.

– Ты с ума сошел? – ужаснулся Сташка. – Так нельзя!

– Иначе нельзя, – зло усмехнулся Кощей. – Ты откуда-то выкопал эту древнюю и смертельно опасную во всех смыслах вещь... Которую Ярун ненавидит. И ни один человек не скажет, что рад этому Венку. Или теперь – тебе. На этой штуке сотни смертей! Сотни, а может, тысячи, даже бессмысленных, когда человек лишь случайно ее касался! Да сколько народа погибло просто потому, что какой-то небесный изверг подсунил нам... Это проклятие! И твоя собственная смерть, мой милый черный ангел, тоже очень, очень близко... Хоть ты и уцелел в Лабиринте.

– Да вы не знаете, что такое Венок! Его никому, кроме меня, и трогать нельзя! Не то что надевать! Это ж настоящая корона Дракона! Конечно, он убьет любого, кто не Дракон... Идиоты... Венок – мой!

– Вот потому всем захотелось, чтоб... Ты понимаешь. Никому, и тем более Яруну, не нужны хлопоты ни с Венком, ни с тем тобой, кем ты стал, надев эту проклятую штуку. Не нужны. Черт тебя знает, что ты в ней начнешь творить. А так ни летать не сможешь, ни мешать нам. Ты понял?

Стало тошно от горя и страха. Его угораздило оказаться совсем не тем божественным детишкой, которого они тут все ждали, а кем-то куда более опасным. Очень страшным. Ненужным? Венок возвращает память и дает ему нечеловеческое могущество, и всем этим дуракам, конечно, жутко – наследничка с такой короной на башке разумнее, даже лишь в интересах стабильности, удавить в самом начале... Каким бы он послушным не был. Но Ярун-то знает про Венок. Яруну он, Сташка, нужен настоящий... Но в этой комнате нет Яруна. Есть лишь этот интриган Кощей, у которого, конечно, свои расчеты... А тут вдруг, отметая все просчи-

тантные варианты – настоящий Дракончик... Что, убьют? Сташка осторожно сел. Незнакомая солнечная комната, кажется, качалась. Что теперь делать? Так, не бояться. Соображать.

– Вижу, что понял: побледнел и глазки прояснились, – усмехнулся Кощей. – Ты же умница. Да и вообще чистый ангел. Но это ничего не значит.

Сташка согласно кивнул и отвернулся. Кощей вдруг глубоко вздохнул и серьезно, без намека на издевку, сказал:

– Ты был бы хорошим наследником. Более того, ты так точно подходишь на это место, что весь ритуал Избрания кажется выверенным именно по тебе... А может, так и есть на самом деле. Но это тоже ничего не значит.

– Насчет Яруна ты врешь. Ярун не хочет меня убивать, – прошептал Сташка и тут же вспомнил, что Ярун велел никого не бояться и слушать только его самого. – Потому что он и сам – Дракон.

– Конечно, не хочет, – Кощей хмыкнул. – Да и я не хочу.

– Неправда.

– Ты непредсказуем. А нам нужна стабильность. Зачем всем – считаться с тобой, таким? Зачем нам – твои цели? А ты уверен, что Ярун их разделяет? Вот-вот, задумайся. Да, конечно, ты с ним на одно лицо, это не может ему не льстить, но – ничего это не будет значить, если он решит избавить государство от страшного несчастья... Даже если верить вашим сказкам – ну-ка, что происходит, когда малолетний Дракон приходит в жизнь? Свистопляска, перемены, жертвы, катастрофы, династическая резня... Ты явил себя так зловеще, так явно, когда там над Лабиринтом превратился в громадную черную ящерицу – мерзкая зверюшка, надо сказать, – что поневоле все поверили в мифы про ребенка Дракона, хором его проклинают и тревожатся за будущее... Никому не нужны никакие потрясения. Особенно политические. И финансовые.

– Да, бизнес-элиты всегда очень осторожны, – вздохнул Сташка. – Что, уже струсил настолько, что делегировали тебя прикончить меня?

– Пока еще нет. Да я и не буду пачкать руки убийством незаконнорожденного ребенка моего друга. Более того, я даже буду тебя очень тщательно охранять. Но... Контора ведь не все-сильна, а ты – своевольный, убежишь, например... Сташ. Я изучил теперь тебя очень хорошо. Ты – именно тот Настоящий Наследник, которого ждал Ярун и которого описывают наши предания как Вечного Властителя. Но... Ты не дурак, пойми: всем был бы выгоден нормальный Наследник, обычный. Не Настоящий. Не кошмар из мифов со смертью на башке. Сам подумай... Вспомни мифы: ведь от тебя избавлялись довольно быстро, потому что ты сносил к чертовой матери все порядки. Почему в этот раз будет иначе? Вижу, понимаешь.

– А Яруну... Какой наследник выгоден?

– Вопрос детский... Но разумный. Ярун... Он очень много скрывает. Он... Бывает непостижим. Отсюда вывод – у него есть свои цели. Если ты сможешь их разделить, то, наверное, будешь для него ценен не только как внебрачный ребенок с его лицом. Ты ему дорог, видимо, пока лишь в таком качестве. А это, уверяю тебя, немного. На то, что ты какай-то там Настоящий Вечный Властитель Дракона – да плевать ему десять раз. У него на тебя свои планы. Насколько ты будешь им соответствовать – настолько и будешь ему нужен.

– Неправда! Ярун меня...

– Любит? Ярун – никого не любит. Ценить – да, ценит. Очень немногих. «Любит»... Да с чего это он будет любить одного тебя из всех своих деток? У него законных сыновей сейчас – двое, а сколько внебрачных... Так, дай прикину... В прошлом году родился восемнадцатый младенец. Понимаешь? Ярун сеет, где хочет! Но ты – необычный, конечно. Поэтому ты здесь. Яруну, ты прав, нужны какие-то твои врожденные способности. И я его не подведу: охранять тебя Контора будет очень тщательно. Но... Бывают ситуации... Потому и говорю с тобой откровенно: ты – нужен Яруну лишь до тех пор, пока отвечаешь его целям. Побереги себя. Никакого фанатизма. Могут дать совет – веди себя так, будто тебя настоящего – нет. Имитируй поведение

нормального ребенка. Слухи про то, как ты летал драконом, расползлись, да, но к ним пока и относятся, как к слухам. Серьезные люди, конечно, в курсе, что все это правда, но пока... За тобой будут наблюдать. Не надо чудес. Не надо полетов. Будь понятным. Будь предсказуемым. Тогда, может, у тебя будет шанс уцелеть.

Сташка кивнул. Странно, но особого страха, пережив первый накат, он уже не испытывал. Не убили, пока спал – не убьют и сейчас... Кощей одновременно и врал и не врал ему – Сташка вспомнил свой страшный черный лед и сквозь белые искры в глазах посмотрел на Кощю. Кощей не чувствует той вечной связи родства, что есть между Сташкой и Яруном. Они – не такие, как все, у них – общая наследственность, странные способности и Сеть, которые дают возможность раз за разом появляться на свет и чутьем находить друг друга... Бессмертные Сети. Все люди – как тени, мимо и мимо, Настоящие – лишь они двое. А Кощей думает – это выдумки. Вздохнув, Сташка улыбнулся ему:

– Бизнес есть бизнес. Обычно я нарушаю экономическую стабильность, да. Ваше опасение мне понятно. Обещать никому ничего не буду, потому что я еще не в курсе всех наших финансовых дел... Хотя вряд ли Ярун дал волю акулам. Но, Макс! Я чувю, что у тебя расчет свой в этом деле есть, ох, есть... да? Не только в деньгах дело? В чем-то еще... Не пойму пока, в чем. Противно... Да, я сейчас так мал, кажусь таким уязвимым... Ну-ну, попробуй, рискни. Не ты первый, не ты последний... Вам таким всегда никак не поверить, что я... Что я – правда. А слова твои – ложь и ничего не значат. Значат – только слова Яруна. Но... Но я признателен за этот разговор. Я буду настороже. Спасибо.

Кощей смотрел невозмутимо, но сквозь все его оболочки Сташка увидел испуг. Ух ты. Ему удалось напугать главу Конторы? Весело. Неужто Кощей понял, что Сташка на самом деле – из того, что скрывает Ярун, «непостижимое»? А раз непостижим – значит, вне контроля. Это пугает, конечно. Только за испуг он будет мстить и раз за разом пытаться от него избавиться. Глянул в его неподвижное лицо, ударился о мертвящий изучающий, пустой взгляд – глупо вообще разговаривать с ним. Можно только уклоняться. И быть очень осторожным.

– Ярун не желает сейчас тебя видеть. Вернется – позовет тебя, если захочет, – сказал Кощей. – Все, заканчиваем этот бесполезный разговор. Жить ты будешь здесь. Это пятый этаж Детской башни, вниз тебе нельзя, вверх – там класс и комната для игр. Здесь рядом столовая, еду будут приносить, пока ты в классе. Все уроки и все просьбы только через терминал. Слуг за общение с тобой будут штрафовать. Все ясно?

– Да, – показалось, что человеческого в Кощее только кожа да одежда.

Потом он задумался, какая охрана может удержать его здесь. Может быть, вообще – взять и уйти отсюда? А когда вернется Ярун – тогда и вернуться?

– Система слежения уже работает, при малейшем поводе к нашему беспокойству у тебя будут неприятности. Веди себя смирно.

Плевать на систему. Что она может ему сделать? Сташка смотрел в окно (ничего не видя) и не повернулся смотреть, как он уходит. Закрылась дверь, стало легче дышать.

Он догадывался, что Ярун упрячет в башню – он предупреждал. Он же не знает, как опасна теперь эта Детская башня... Но что захочет избавиться – уж это Кощей врет! Неужели он с Венком – не тот наследник, кто нужен Яруну? Неправда... Ну да, если уж явился Настоящий Дракончик, то, как обычно, вся государственная стабильность полетит к черту, но... А почему, собственно? Зачем все рушить? Нет... Нет. Надо научиться. Пусть Ярун расскажет, как, что и зачем в государстве. Если Ярун теперь тут самый главный, так зачем все ломать? Ярун – он тоже правда, он и сам Дракон. Нет, уходить нельзя. Этому только Кощей рад будет.

Слегка кружилась голова. Он повернулся, оглядывая комнату, и сразу наткнулся на приготовленную одежду и удивился – тяжелое, очень красивое торжественное платье, темно-синее, с серебром вышитых императорских драконов – это ему? Сташка не стал это платье надевать. Поискал гардеробную с одеждой, и там обнаружили не только новые темные торжественные

платья, но и те вещи, которые он носил на острове. Он оделся, потом вышел в соседнюю комнату. Там, на краю большого черного стола на треугольной большой салфетке накрыли завтрак – он сел, посмотрел на сахарные булочки, на желтую запеканку с кремом и встал.

Из узкого глубокого окна было видно низкое серое небо. Он залез на холодный подоконник, прислонился лбом к стеклу – вокруг и внизу башню, из которой смотрел, окружали черные стены и такие же черные широкие высокие башни. Вниз смотреть – все равно что в пропасть... Толстый слой снега на всех карнизах и выступах, на непонятных геральдических, унылых барельефах очерчивал все мрачные строения белой слоистой скукой и отчетливым равнодушием. Все казалось забытым, знакомым, старым и покинутым. Никого нет. Опять один. Захотелось плакать.

Без Венка нельзя... А без Яруна?

Ярун забрал Веночек. Он думает, что Венок вредит, калечит памятью детский мозг. Он думает, что Сташка в Венке тут же опять превратится в Дракона и умчится гонять облака – ну да, он бы так и сделал. Да он облетел бы весь материк, купался бы в океане, спал бы на самых высоких горных вершинах под синим солнцем, может, даже на орбиту бы слетал, посмотреть на космические корабли. ...Нельзя? Ярун не хочет, чтоб Дракона видели. А может, Ярун разделяет мысли Кощея – насчет того, что Наследник из мифов для государства – кошмар? И хочет скрыть про него правду? Тогда понятно, почему он спрятал и Венок, и самого Сташку... А если никогда Венок не просить, не превращаться в дракона, не вытворять ничего необычного – все еще можно поправить? И Ярун тепло посмотрит и положит руку на голову? И не разрешит Кощею его запугивать?

Сташка слез с подоконника. Венок помнит все, что помнил он сам, что знал, что видел, что умел в прежнем. Что такое, кроме полетов, он мог бы натворить с Венком на башке? Чего они боятся? Главное, для чего Венок, кроме прямого контакта с Сетью – это чтоб вспоминать легче, чтоб незрелый детский мозг справлялся с жутью жизни, чтоб выживать. Ладно, первый раз, что ли, отбирают и прячут? Находил всегда и сейчас найдет. Пойти и забрать. Но Ярун-то? Если это Ярун не хочет, чтоб у него был Венок? Так защищает? Чтоб всем казался обычным ребенком? Но разве Венок делает его Драконом? Венок – ерунда, помощник, симбионт. Он и без Венка всегда был Драконом. Обычным – предсказуемым – ребенком он долго притворяться не сможет... Сташка встал ровненько и потянулся вверх – летать!! Подошвы оторвались от пола – ура! Еще! Еще!! Он изо всей силы тянул себя вверх – и, взмокнув, дрожа, с двадцати сантиметров свалился, ушибив пятки, обратно. Так, надо почаще тренироваться.

А вообще – хоть бросайся на пол, катайся и визжи от отчаяния. И почему, почему Ярун не поговорил про все это сам? Разве вместе они бы не нашли решение? ...А он отправил в Детскую башню... Уехал. Значит, дело все-таки не в Венке, а в нем?

Он тихонько, чтоб не подать виду, что дрожит и плачет внутри, поднялся наверх. Там был класс, почти такой же, как на острове, стол для него да для учителя, и лежали на детском столе его собственные знакомые учебники и тетрадки с острова. И даже те же самые ручки и карандашники в том же черном керамическом стакане. Сташка прошел мимо и открыл дверь дальше – за порогом высилась пирамида коробок в блестящей бумаге. Он быстро закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Это не ему подарки. Это тому ребенку, которым он был, пока не взял Венок.

Глаза не смотрели на свет. Он сел к учебникам, полистал, нашел уравнение поизвилистей и стал над ним мучиться... Ярун. Яруун. Ужасно как жить без него. Надо проситься обратно в ту маленькую комнатку... Пусть тяжело было там болеть после превращения, пусть температура, кровь тяжелая, голова ноет – но Ярун поил водичкой, носил на руках; когда было совсем плохо – купал в прохладной воде, придерживая под лопатки и тяжелую голову, чтоб не тонул в громадной ванне... Да, нельзя так рано превращаться... Сколько, интересно, дней прошло?

Ярун его выходил, вылечил. Знал, как. Незаметно приручил. И теперь он нужен, как воздух... Яруун...

Так, не ныть. Сколько дней Ярун потратил на возню с больным ребенком? Понятно же, как у него теперь много дел. Чтоб отвлечься, он оглядел комнату класса. Просторная, трапециевидной формы, с двумя окнами в слегка выгнутой наружу стене. Проемы окон глубокие, на черных подоконниках хоть валяйся. Он бросил учебник, пошел и взял с дивана подходящую подушку, бросил на подоконник и улегся. Спине было знакомо твердо. С одного бока забытая свеженькая комната с новыми вещами, с другого, за стеклом – зима и старые стены, башни, дворы... Он в Детской башне. Тюрьма это, а не башня... Опять попался... Он внимательно посмотрел за окно.

Ой. А этаж-то низковато расположен... Не так все снаружи должно быть видно из дома... Ага! Надо наверх. Это же только шестой этаж – выше столько забытого! Сташка соскочил с подоконника и помчался – домой?? Да, домой, по-настоящему домой! На лестничной площадке дверь наверх была, конечно, заперта, но замок сдался Сташкиной ладони так же легко, как любой другой. Вздымая пыль на каждой ступеньке, он бегом помчался мимо запертых дверей на площадках на самый верх. Тут – пустая застекленная галерея, в щели надуло снежок на каменные узорные плиты. Оставляя на пыли и снегу колючие от шипов следы, он пробежал к черной чугунной винтовой лесенке с кружевными – листочки и травы, подорожник и крапива – ступеньками. Пыль набилась в крапивные чугунные зубчики... Но ступеньки, будто вчера, зазвенели под ногами, дверь вверху сама распахнулась, и, как заря над океаном, поднялось в нем предчувствие простора и летнего ветра...

Зима. Холод. Низкие серые тучи. Снег в лицо. Другая эпоха. А простору все равно вон сколько под этими тяжелыми тучами... Степь вокруг, бескрайняя, белая, и над тучами, хоть и не видно, синее небо и белое зимнее солнце. Дом. Сташка вытер растаявший снег со щек и засмеялся, разглядывая круглый лабиринт Дворца, натываясь взглядом на флюгеры, флаштки и соседние башни там, где и ожидал их, миленьких, увидеть. Старшая... Братская... Архивная... Тайницкая... Черная и Белая спят, как прежде, ждут будущего...

Прыгая по колено в снегу, Сташка очертил круг, сквозь зубцы выглядывая в простор над Дворцом, все осмотрел-проверил. Дом. Все в порядке, все на месте, каждый флюгер. Протрог до костей под тяжелым, снежным северным ветром, забившем ему волосы мелкой ледяной крупой. В ботинках снег... Он выпрыгнул в лестничную башенку и крепко закрыл дверь. Ступеньки зазвякали под застывшими ногами, потом пыль и снежок чуть слышно скрипели на каменных узорах пола... А! Не будет он спать в чужой комнате, где спали, наверное, все эти мальчишки-наследники... Он в своей спальне будет спать. На восьмом этаже... А на девятом что сейчас? Он открыл все запертые двери – пыльные пустые комнаты. Это сколько же лет тут никто не ходил? Да он и был пустой, вспомнил Сташка, этот девятый этаж всегда стоял пустой... Девятой звезды ведь еще нет. А жил он действительно на восьмом... Хотя звезд в прошлый раз было только семь... Он сел, где стоял, и сжал башку руками. Заныл тихонько. Почему так страшно вспоминать? Почему нельзя вспоминать? Нельзя думать о звездах...

Он вскочил и прижался лбом к стене, чтоб ничего не вспомнить. Но постепенно, в тишине знакомой лестницы, пусть и покрытой мохнатой слежавшейся пылью, он успокоился. Осталось только обида на бестолковых больших, отнявших у него Венок. Если б он только догадался, что Ярун забирает его насовсем... Объяснил бы как-нибудь, что без Венка так тяжело вспоминать, так болит голова, когда стараешься запереть детский разум от памяти...

Запереть?

Он стоял на площадке восьмого этажа. И все три двери были куда основательнее, чем все другие внизу, заперты. На каждой, кроме замка, по два, по три накладных засова, на них тяжелые печати на витых шнурах, толстые, из красного, бурого, синего воска. Шмыгнув носом, Сташка сел на пол под ближайшую дверь. Самая пыльная и выцветшая из печатей казалась

знакомой и забытой. На самой новенькой, из синего яркого воска, был оттиск JARUN REX. На четырех других печатях – тоже всякие REXы, – что, каждый из императоров запечатывал тут эти двери? И что, входить туда нельзя? Ага, как же... Ни мгновения не промедлив, Сташка вскочил, оборвал все печати, аккуратно снял и поставил, кряхтя, к стеночке тяжеленные засовы; приложил ладонь к одному, другому, третьему замку. Замки послушно хрипели, скрипели, скрежетали и в конце концов отпирались. Дверь будто вздохнула, освободившись. Сташка уперся ладонями в теплое дерево, покрытое знакомой резьбой из крапивных листиков, и дверь бесшумно отошла, взметнув пыль. Темнота и тишина. И пыли куда больше, чем на лестнице... Тут уже не на года счет, а на столетия. Но ведь это – его дом... Прежний дом... Сташка перешагнул порог и чихнул. Потом еще. Сюда никто не входил лет пятьсот... Мебель под чехлами, как призраки чудовищ... Окна за черными выгоревшими полотнами, сквозь состарившуюся ткань едва сочится дохлый свет... Сташка кинулся к окну и дернул занавеску. Никак. Тогда он подпрыгнул и схватился повыше, повис, поджав ноги – ткань затрещала, поползла и вдруг разом оборвалась и обрушилась на него клубами пыли и тяжелыми складками. И хлынул сквозь грязные окна зимний снежный свет.

Сташка сидел в грязной тяжелой, громадной тряпке, чихал и ревел сразу и от счастья, что помнит эти стены и что никакой смерти нет, раз он снова живет, и от обиды: с Венком-то управился бы с этой грязью веков в два счета... Наревевшись, принялся за дело. Он ободрал, чихая и кашляя, во всех пяти комнатах портьеры, содрал все чехлы с мебели, – и комнаты сразу улыбнулись ему сквозь грязь и пыль. Все игрушки и сокровища выглянули из углов и с полок, откуда-то подкатился под ноги тусклый золотой мячик. Он что-то важное напомнил, только никак не вспомнить... Опять что-то про звезды. Света в затхлой ванной комнате не было. Надо включить рубильники внизу в подвале... Воды, само собой, тоже не было, трубы перекрыты в том же подвале... Он сел на край ванны и опять заревел, чихая и размазывая грязь по щекам и прижимая к себе почему-то ненаглядный мячик, который так хотел помыть.

– Где ты там... баловень судьбы, – позвал его Кощей. – Иди сюда.

Сташка вытер грязное лицо подолом, чихнул и вышел. Кощей стоял посреди комнаты и оглядывался с почти человеческим любопытством. Усмехнулся, увидев Сташку:

– Чудовище. Мне так хотелось в детстве сюда хоть одним глазком заглянуть. А тут – ничего особенного...

Сташка чихнул и потер рукавом мячик. Все равно этой одежде уже ничем не поможешь. Ответил Кощею:

– А что тут может быть особенного... Просто оно все – мое.

– Поверить в это трудно.

Сташка пожал плечами, постукал мячиком в пол, но это поднимало клубы пыли, и он прекратил. Тогда он просвистел тихонько пять простеньких ноток, и из угла, зафыркав и потянув за собой содранный со стола чехол, выехала золотая тяжеленькая машинка. Сташка победил ей навстречу, отцепил грязную тряпку. Перевернул, покрутил ключик в золотом пузичке, снова поставил на колеса, подсвистел, пятясь, и машинка, весело жужжа, поехала за ним. Сташка не выдержал, счастливо рассмеялся и сказал Кощею:

– А мне – так легко!...

– Но ты-то, понятно, сумасшедший, но вот с чего Ярун тебе потакает... Я б тебе за это самоуправство, даже если ты не просто бастард, а наследник... Иди вниз и приведи себя в порядок.

– Не пойду. Я тут... прибираться буду.

– Иди, – мягко сказал Кощей, глядя, как машинка тычется в Сташкины ботинки. – Не надо, чтоб тебя персонал видел.

– Персонал?

– Без тебя приберутся. Иди, не бойся. Я послежу... За сохранностью этого музея.

– Это ведь Ярун велел? – уточнил Сташка, сообразив, что по своему желанию Кощей не стал бы утруждаться.

– Ну, не я же. Ему сразу сообщили, что ты печати оборвал.

– Весь этот этаж приберут? А Седьмой тоже?

– Не испытывай мое терпение, маленький наглец.

Сташка все-таки прихватил с собой вниз мячик и, когда сам влез в душ отмыться от пыли, паутины и грязи, отмыл и его хорошенько, так что он засиял, как маленькое золотое солнышко. Будто и не было этих веков, которые тут прошли без Сташки. Он посмотрел себе на руки и ноги – уже почти все в порядке. Вены почти такого же цвета, как должны быть у человека... Только чуть-чуть темнее.

Когда внизу принесли обед, он почувствовал голод. Но, едва спустился и увидел эту красивую полезную еду, затошнило так, что едва успел в туалет. Долго умывался дрожащими непослушными руками. Когда проходил в столовой мимо еды и ее запахов, отворачивался и не дышал. Подошел к двери на лестницу – Кощей настрого запретил выходить и показываться людям – прислушался: вверх и вниз по лестнице торопились взрослые, кто-то хрипло крикнул сверху:

– Восьмой вентиль, тебе говорят!...

Сташка тихонько вернулся в класс. Поиграл с мячиком. Лучше бы Ярун пришел... Он все милые старые игрушки не глядя отдал бы за пару слов от Яруна. Он вспомнил про Венок и чуть не заплакал. Ужасно больно узнавать все это детское древнее барахло наверху. Он опять подошел к двери на лестницу и прислушался. Женщина в годах торопливо и тихо спрашивала:

– ...много детской одежды, старинной такой, но размерчик точно тот же, как вот мы на пятом этаже готовили, как вы распорядитесь, господин Максимилиан?

– Если одежду можно привести в порядок, то это надо сделать к завтрашнему утру, – ответил Кощей, стоящий, кажется, сразу за дверью. – Пусть ребенок носит, если захочет.

– ...посуду мы уже перемыли всю, но там в буфетной орехов запасы, как у белки, – смеясь, сказал какой-то парнишка, – окаменевших...

– Заменить, – равнодушно распорядился Кощей. – И добавьте там каких-нибудь конфет. Метрдотелю передайте, что ужинать ребенок будет уже наверху. И пусть поразмыслит над меню, а то дитя опять ни к чему в обед не притронулось. Нехорошо.

– ...Искусствоведы с коврами и игрушками закончили, но с книгами, говорят, не успеть, а книги, те, что вы оставили...

– Знаю, уникальны. Ничего, перебыются...

– Господин Максимилиан, портьеры настолько ветхие, что мы сочли возможным...

– Конечно, заменяйте... Раму балконной двери в большой золотой комнате починили?

– Да, мастера уже занимаются паркетом в библиотеке и в игровой...

– Господин Максимилиан... На дату гляньте...

– Любопытно... Поставьте на место. А где мой помощник? Александр, вы уже собрали со всех присутствующих обязательства по неразглашению?

– Конечно, господин Максимилиан.

– Уведомите всех немедленно, что я повышаю сумму штрафа впятеро, налагаю полное поражение в правах, не подлежащее никаким апелляциям, а еще... Да-да, любой проболтавшийся будет выслан на рудники астероида Минерва. Даже если мне лишь померещится, что он проболтался. ...Это что вы мне показываете? ...Господин ювелир, давайте спокойнее. Я тоже никогда не видел, чтоб камешки такой стоимости использовались как груз для вагончиков игрушечной железной дороги. И в коробках с играми тоже? Ну, приведите как-нибудь это в порядок, только сложите, как было. Нет, чинить все эти золотые кораблики мы будем постепенно, в рабочем порядке. ...Госпожа кастелянша, пожалуйста, не вздумайте мне задавать вопросы по поводу детского постельного белья, распорядитесь, милая, по своему усмот-

рению. ...Алло. Да, Яр... Насколько мне память не изменяет, они уже четвертый раз просят... Дашь четверть? Я бы и десяти не дал... Все нормально. Биржа закрылась с прибавкой в полпроцента. У тебя там как? Понятно. ...Да, не отложишь, но все таки жаль, что ты этого не видел... Пятьсот лет грязи... История в деталях, вот что я тебе скажу. ...Игрушки, в основном. ...Ты был прав, да, все двенадцать томов, уже у тебя в кабинете, и еще, чтоб уж он раньше времени ни на что не напоролся, все, какие есть, рукописные документы, даже детские прописи... Обязательно. ...Нет, законсервировали все очень грамотно, в частных покоях на восьмом ремонт не нужен, так, столяр немного рамы поправил, да паркет отциклевали и полируют. А на седьмом придется повозиться, что-то с потолками. ...Карта обсидиановая целая, там, где ты и говоришь... И глобус еще там в полкомнаты... Окна домывают...Мебель в порядке, даже мастера удивились, не беспокойся... Знаешь, Яр, тут даты всплывают уже другие, два объекта я сам видел – полторы тысячи. ...Нормально ребенок себя чувствует. Меня пытается подслушивать, стоит вот сразу за дверями...

Сташка отскочил и убежал. Пусть лучше на все наплевать, и на старые игрушки, и на это... как называется... а, реинкарнация, – чем от одного имени Яруна ноги делаются ватными. За окном стало смеркаться, и мягко загорелся желтоватый свет. Он нашел золотой мячик, закатившийся под стол с учебниками, поднял и прижал к себе, как нуждавшуюся в спасении звезду, пошел прилег на диванчик. Кошью Ярун позвонил, а ему – нет... Но зато Ярун все-таки разрешил пустить его в те верхние комнаты, в прежний дом...

Вдруг проснулся. Тьма за окнами. Он вскочил и, подхватив с пола золотой мячик, побежал наверх. Дверь на лестницу открыта, и там, в сияющем колодце ступеней и перил, никого не было. Сияли молочные плафоны, отражаясь в ступенях, пахло моющими средствами. На площадке седьмого этажа белые резные двери тоже стояли распахнутыми. В комнатах все сияло чистотой и позолотой. Слегка закружилась голова, едва он перешагнул порог. Стучая мячиком в скользкий узорный паркет, он обошел все эти скучные парадные покои, не понимая, помнит их или нет... Ой. Сташка даже мячик упустил, увидев глобус. В полкомнаты. Громоздкий... Он подпрыгнул, ухватился за экватор и торжественно описал дугу, уткнувшись носом в какой-то горный хребет. Спрыгнул на пол. Голова закружилась еще сильнее... Этот глобус планеты Дом был так прекрасен, что хотелось сесть на пол и долго-долго его разглядывать. Сташка так и не понял, помнит он эту огромную диковину или нет. Латунный обруч экватора был мил рукам, да и тело вроде бы отозвалось на это торжественное движение по кругу над сияющим паркетом... Он вдруг вспомнил, что внутрь глобуса можно залезть... Потом. Скорее дальше. В следующей комнате во всю черную стену сияла бриллиантами звезд и сапфирами планет огромная карта созвездия. Стучая мячиком в паркет, Сташка пересчитал звезды – семь? Как – семь? А где восьмая? Ну да, Кааша-то ведь нет на месте почему-то... Почему? Взгляд рассеянно упал на золотой мячик – а этот-то почему весь день звездой кажется? Он прижал его к груди и, нервно подрагивая, отправился выше. На восьмом этаже двери черного дерева, в узорах, стояли приоткрытыми. Он подошел к той, что открыл утром, оглянулся на остальные две и вспомнил: за той – библиотека и класс. А за другой дверью – круглый зал пустой... Почему-то важно, что именно круглый, но почему – не вспомнить.

Он отнес мячик в игровую, ласково катнул по ковру к остальным игрушкам. В столовой съел сладкую булочку и попил молока. Было уже очень поздно, и в ушах толкалось горячим, а глаза жгло... В спальне горели только маленькие узорные фонарики в углах, и стараниями кастелянши сияла белая постель с отогнутым углом толстого одеяла... Ой, спать скорее... Едва он разделся и лег, свет погас. Он вспомнил, что Кошей говорил о системе слежения, и ему опять стало мерзко где-то за ребрами. И тут уже они свои устройства пристроили? Чтобы стать незаметным, он сжался в клубок. Неужели только для того, чтоб испуганной зверюшкой прятаться под одеялом, он вернулся домой? И его на самом деле тихонько убьют, если он не будет послушным и предсказуемым? Неужели угрозы Кошей насчет Венка – не пустое дело? Это

всяким старичкам можно умирать, они пожилы и что хотели, сделали. А он что сделал? И что должен сделать, раз для этого ему нужен Венок, которого боится даже Ярун? А что нужнее – Венок или Ярун?

День за окнами так же начался с яркого солнышка, которое быстро спряталось за тучи. Сташка обошел дом прямо так, в пижаме, с удовольствием гуляя босиком по мягким, тусклым от времени коврам и с ознобом – по ледяному паркету. Замерз и пошел одеваться. В гардеробной новые темные платья висели справа. А слева – безумно нарядные, разноцветные, сияющие от камней и вышивок одежды – но тоже словно бы немножко выцветшие от времени. Сташка перетрогал их все – они пахли чистотой и больше ничем – и нашел вдруг среди золотых нарядов простое черное платье, при виде которого сердце екнуло и застучало быстрее. Ага.

– Мое, – быстро надел и посмотрел в зеркало.

Платье и платье. Воротник, рукава. Никаких камней и вышитых драконов. Но оно, хоть и чуть-чуть великоватое, охватило тело, как родная шкурка – стало тепло до самого костного мозга. Среди нового нашел подходящие черные штаны, обул ботинки и снова посмотрел в зеркало. Ну вот. Теперь там в зеркале действительно он как есть... Только лицо детское совсем и космы дыбом... Когда он причесался, что-то в отражении слегка напугало – а пока разглядывал этого синеглазого мрачного мальчика за стеклом, испугался еще больше, так, что убежал из гардеробной, не оглядываясь.

Отправился завтракать: честно попил молока. Полстакана, больше не смог... От взгляда на еду тошнило. Чтоб не думать ни про Яруна, ни про Венок, занялся игрушками, и довольно увлекательно провел полдня. Все жужжало, елозило, звенело, бибикало; он не мог бы сказать, помнит или нет эти диковинные, милые сердцу игрушки. Руки сами знали, как что заводится, и ныли от приязни к этим заводным паровозикам, лошадкам, самолетикам, музыкальным шкапулкам, играм. И к тяжелым каменным шарикам, разложенным в бархатные гнезда огромных золотых коробок с узорами. Но потом, когда он вдоволь покатал эти черные, прозрачные, пестрые тяжеленькие шарики по ковру – так закружилась башка, что он даже лег на ковер и закрыл глаза... Пока лежал и приходил в себя, вспомнил, что он ведь большой уж мальчик, десять лет, и в малышовые игрушки нелепо играть... Но уж очень они красивые. Он встал, собрал каменные шарики, еще разок обошел все комнаты, то беспричинно улыбаясь, то сдерживая слезы: все такое чистое – и старинное... Свое... Какие милые часики, луковичкой, надо завести... Он помнит, как, вот за этот твердый ребристый барашек покрутить... Тик-так... Пошли!! Ура! Время пошло!! Не забыть завести потом.

В конце концов он сбежал в класс. А там школьный интерфейс обрадовал обычной порцией заданий. Он раскрыл уроки и занялся делом. Зная, что оставлять назавтра – ведь новые пришлют – ничего нельзя, возился с ними до вечера. Только разок сбегал попить, да больше из любопытства, чем из чувства долга, заглянул в свой круглый спортзал – а там поиграл с мячиком, повертелся на трапеции, но башка опять закружилась и он вернулся к урокам. Только не думать про Яруна... Сколько еще терпеть?

И третий день наступил и прошел так же, за игрушками, уроками и тоской. Есть он все еще не мог и голода не испытывал, только голова кружилась, если быстро встать. Когда же Ярун обратит на него свое высочайшее внимание? Только бы увидеть его, и пусть он даже ничего не говорит, Сташка и так сразу почувствует, что он там решил, какой ему наследник нужен. Как Яруну нужнее, так и надо поступать... Прав Кошей, у Яруна свои цели. И надо, надо их разделить. Стать помощником. Во всем, всемерно. Только... Его ведь все нет и нет... А тут, в этой Детской башне, все отравлено одиночеством. Ведь он всегда жил тут один-одинешенек...

Целых пять дней прошло уже. Не ел все еще: не мог себя заставить, только водичку пил; не спал, не знал, к чему себя пристроить и бродил по своим нарядным комнатам, не находя места. Вещи и игрушки царапали его по живому страшным одиночеством забытого времени.

Никогда, ни с кем он не играл этими игрушками. Всегда был один, запертый в Детской башне. Вот если бы у него сейчас был Венок... Было бы легче, если б он вспомнил все во всех подробностях? Вряд ли бы он, взяв в руки серебряного рыцаря на золотой лошадке, расплакался оттого, что не помнит, почему так любит эту игрушку... Он пытался делать гимнастику и бросал от слабости. Начиная делать какие-нибудь уроки и тут же бросал. Их в компьютере накопилась такая прорва, что слезы на глаза наворачивались. Голова болела, то и дело мутило. Никогда раньше он и представить себе не мог, что одиночество может быть отвратительным. Как будто теперешнее отсутствие Яруна было перемножено на непоправимое, тошное одиночество из прошлого, от которого ныл тут в башне каждый нерв... Сбежать? Куда? А смысл? Он все еще ждал, что Ярун придет и все объяснит...

Но ведь он действительно вернулся домой? Пусть эта башня была его домом пятьсот совершенно невозможных и непонятных лет назад, но ведь она и сейчас дом. Что же делать-то? А может, вообще убежать в снежную степь, кусочек которой видно из окна класса? Он зачем здесь оказался? И зачем Ярун так хорошо говорил с ним раньше? Выхаживал... водичкой поил... Ярун ведь тоже – радовался ему...

Все из-за черного Венка. Зачем брал? Но ведь нельзя было не брать... Это ж Сеть, это – память... Что ж делать? И зачем тут оставаться? Наследником притвориться обыкновенным? Тьфу...

Спать уже не мог – глаза не закрывались, пустота в сердце сделалась нестерпимой, и, когда бессмысленно и тупо закончился шестой день, а Ярун не пришел и даже не позвал, Сташка, повертевшись под постоянно сбивающимся одеялом, затих и сосредоточился. Как в Лабиринте. Надо найти Венок, он где-то во Дворце. А Дворец тоже старый, значит, он его должен знать. Дворец тоже встроен в Сеть. Он поможет. Ждать больше нельзя, надо выбирать: Ярун или Венок со всей той памятью, что хранится в нем веками и со всей бессмертной мощью Сети... А раз Яруна нет, то...

Он лежал на спине, ровно дышал, и скоро в уме предстала архитектурная система Дворца. Идеально правильный девятиугольник со строгой системой всех внутренних чертежей, образующих мудреные узоры переходов, плацев и дворов вокруг центра с храмовой башней... Башни, здания, стены, потайные переходы, лифты, подземелья и чердаки. Людей не так уж и много... И Кошечка нет. И Яруна тоже... Нигде нет... Зато Детская башня недалеко от центра Дворца. Там храм. А под храмовой башней, под круглым залом в ее основании, ровно в центре всего Дворца мерцает кружочек тепла. Очень похожего на тепло Венка. Сташке показалось даже, что он различает, что тепло это свернуто в обруч.

Глаза сами открылись. И, уже не думая ни о чем, он вскочил и, напяливая на бегу платье, проскочил сквозь комнаты и, перепрыгивая ступеньки, поскакал по лестнице вниз.

Ярун мог все объяснить, а не прятать как в тюрьму! Не бросать одного! Система слежения, заискрив, издохла, едва он с ненавистью посмотрел на замаскированную камеру в углу, и так же легко издох замок, едва он стукнул кулаком по тяжелой двери, перекрывающей выход с пятого этажа вниз на свободу. Кто может его удержать? Кто попытается остановить? Он черным привидением мчался вниз. Ни в башне, ни в подземном тайном переходе никто не попался ему навстречу, ни на дуге, ни на радиусе. И к лучшему: ничего хорошего он, полная отчаяния и решимости тварь, не сделал бы с тем, кто преградил бы ему дорогу. Быстрее вниз. Двери сами распахивались за несколько шагов, а в темноте он, кажется, стал еще лучше видеть.

Где-то вверху над крышами неслись черные ночные тучи. Завтра пойдет снег, зачем-то подумал Сташка, вбегая в круглый зал. Здесь пахло горькой пылью... И каким-то скорбным чувством давило на душу. Сташка споткнулся и застыл. Повертел головой: узкие, высоко прорубленные окна, тусклые безжизненные зеркала на стенах, черный пол. Страх опять настиг: он узнал это место. Это сюда он выпал из прежних миров, как из пеленок, и, кроша на себе ледяную корку, покатился под ноги Яруну. В расплакавшейся надежде Сташка прижал холодные

ладони к горящему лбу и осмотрелся внимательнее. Как тут тесно. Как здесь всего – мало... Как выбраться обратно? В волшебный лесок, к родному Котье? Храм замыкался неодолимо, как окаменевшая скорлупа. Сташка всхлипнул и перестал об этом думать. Бежать некуда.

Напротив была узнаваемая дверь вниз. Он заставил себя подойти. Жутко: что там за дверь? Вообще-то он знает, что... А Венка там внизу – нет, потому что тогда его никакие страхи не то что не остановили бы, а даже замечены бы не были. А пятнышко тепла – только старый-старый его след. Нет там внизу теперь Венка... Потому что там внизу – плохое место, Ярун бы там Венок не оставил... Он чуть не заревел.

И лучше, наверное, бежать обратно, чтоб не слишком попало, ведь, наверно, и сам Кощей уже откуда-нибудь мчится сюда, и его верные слуги с холодными глазами... И прочая стража.

Но он чуял, что внизу есть что-то жуткое. Важное. Он должен это увидеть. Так же должен, как должен был взять Венок. Вздохнув, уперся лбом в пыльную дверь, постоял, закрыв глаза. Там сколько-то могил под гранитными черными плитами – какая ему разница, чьих? Зачем ему они?

Во мгновенном всплеске решимости Сташка слабо пихнул дверь на лестницу в крипту, и она легко отворилась. От густой тьмы, что встала перед ним, Сташка ослаб. Но видел отчетливо и стены, и спускающиеся пологие, широкие – чтоб удобнее сносить вниз тяжелые гробы – ступеньки – конечно, проклиная и трусость, и свою способность видеть в темноте. Его тоже тут похоронят когда-нибудь? Медленно, по шажочку, едва удерживая себя от визга и бегства, он двинулся вниз. Как трудно всегда, когда вот так же страшно, быть одному... Да разве не было б жестокостью еще кого-то заставить выносить вот это, что сейчас терпит он? Нет, одному проще... После плавного поворота лестницы перевел дыхание и удивился, что ничего ужасного не произошло. Потом лестница повернула еще, и он, сквозь тоскливую одурь, будто все это происходило не с ним, наконец увидел неправильной формы подземелье с возвышениями надгробий на полу. Сунув в зубы кулак, он подошел к ближайшему и посмотрел на глубоко вырубленные, тонкие, чуть светящиеся серебром буквы. «Дракон»? А, это же просто титул императоров... На соседних надгробиях над другими именами тоже стояло слово «Дракон», и, переходя от одного к другому, Сташка чуть успокоился. Эти имена он видел на печатях, что болтались на засовах дверей его запертого дома: спасибо им всем, что за полтысячи лет они этот дом для него сберегли, не уступили любопытству, не нарушили печатей... Интересно, а кто первым решил, что все это жалкое детское имущество на седьмом-восьмом этажах Детской башни надо сберечь? Почему? Кто? Как звали того императора, который правил после умершего белого старика, дарившего все эти золотые игрушки? И при котором... Память ускользнула, оставив след пережитого давным-давно ужаса. И так можно догадаться: убили. В Лабиринте. Чтоб не стал наследником и не мешал... Но это не помешало убийце сберечь все это детское барахло? Почему? Сташка вздохнул. Нашел последнее по времени захоронение, на котором поверх плиты еще лежал тяжелый черно-серебряный флаг – Даррид, чьим преемником был Ярун. А ведь Ярун тоже когда-то был мальчиком в Лабиринте, и его тоже что-то вело – что? Ой, как это: Ярун по правде был ребенком, жил где-то в Детской башне? Ведь в самом деле это было, всего-то лет семьдесят-пятьдесят назад – где, в какой комнате он жил? Ярун был мальчиком, ребенком – даже и не поверишь... Особенно отсюда, из крипты с мертвецами под полом. Да отсюда не поверишь, что Ярун или вообще кто-нибудь еще живой на свете есть. Не поверишь даже, что день там наверху когда-нибудь наступит.

Посреди подземелья возвышался широкий черный столб – на нем когда-то лежал Венок, зачем? Сташка встал на цыпочки, изо всех сил вытянулся и кончиками пальцев смог потрогать на его торце желобок – протаявшую в камне окружность. За что Венок тут хранили? Он ведь был сначала белым, его Веночек, а полежал вот тут – почернел... Он опустил руку и замер, прислонившись щекой к столбу и глядя на надгробия вокруг. Драконы. Как странно, что это имя – для них и не имя вовсе, а только титул. По созвездию. Если б это было имя рода, насто-

ящее имя, а не титул, и он был бы им ребенком – то стоял бы сейчас среди надгробий своих родных. Его замутило.

Нет у него никаких родных!

...А Ярун?

И не было. Кажется, никогда.

...А Ярун-то?!

Но ведь Ярун был не всегда... Гораздо больше он прожил на свете один. Без Яруна. Сам. Хорошо это или плохо? Да разве хорошо так, как он, жить без никого во всем свете, «без роду, без племени»? Если бы хорошо, то разве б он тосковал все время о Яруне, как об отце? Как глупо. Нужна Яруну такая зверюга в сыночки... Да, зверюга. Тварь огненосная, опасная. Сташка и есть – сам Дракон. Настоящий. По имени, по сути, по звездам... Как ему снилось – зверюга звездная. Сеть. Созвездие. Так и есть. Это надо для дела. Плохо только, что один совсем на свете...

Ой, а Ярун?

Но его ведь тут нет.

Что ему свет клином сошелся на Яруне, едва он увидел его? Почему страшный огромный, чужой человек кажется родным существом из прежнего, из снов, из всего забытого? Почему, чтоб остаться Яруну нужным, чтоб взял в дети – надо от Венка отказаться? А Венок спасти может, помочь... Много, что может. Нужен очень. Сеть нужна в полном доступе. Там память, там знания. Там сила. Там инструменты.

А если Ярун – только если он правда родной – нужнее Венка? Но где тогда Ярун? Где? Родной бы – не бросил одного в душных от прошлого, ядовитых от одиночества комнатах с мертвыми игрушками...

Ярун. Ну, ты где? Ярууун...

Яр, зараза, спаси меня! Спаси меня сейчас!!

...как тихо. Пусто.

Так Венок или Ярун?

Сташка, не отлепляясь от столба, снова посмотрел вокруг – теперь всегда помнить, что когда-то давно Венок много лет лежал тут над могилами. У дальней стены плиты, составляющие пол, тоже были покрыты золотыми надписями. Уже привыкнув к страху и стараясь понять, что и зачем его сюда привело, он оторвался от столба и, сразу замерзнув, подошел к плитам, присел, разбирая буквы – и от ласковой, уменьшительной формы имен задохнулся и ослеп. Из-за внезапной слепоты и шорохов, которые стали мерещиться, ужас разросся в нем так, что, наверно, задевал тучи... Он замер, боясь даже дышать во мраке. Но скоро собрался, изгнал прочь панику и опять увидел буквы. Это детские имена. Раз, два... всего семь. Над некоторыми именами были высечены маленькие короны. Он несколько минут, оцепенев, сидел на корточках над детскими могилами и ни о чем не думал. Потом думал, понимали ли эти пацанята, что умирают, когда последний раз закрывали глаза. Он обычно понимал... И еще думал обо всяких печальных вещах... И о каменных полях где-то далеко-далеко... О Сети. О себе. О бессмертии.

Вдруг он увидел еще надгробие в стороне, заморгал. Вроде бы он только что смотрел в эту сторону: не было. Оно само появилось? Сеть активировалась и что-то подсказывает? Или кто-то с того света весть подает? Он усмехнулся: призраки императоров, этих преданных созвездию мудрецов, или тени несчастных наследников испугать его не смогут. Нет никаких теней. Есть только камни на далеких каменных полях... Так, вперед. Он промерз до костей и с трудом встал. Неохотно шагнул к этому непонятному надгробию – давайте, пугайте.

Камень был чуть светлее, чем остальные, и меньше. Сташку шатнуло, когда взгляд ударился об имя: «КААШ». И пониже полное имя: «Кааш Сердце Света. Вечный Властитель. Дракон». А вместо короны над именем – кружок. Это Венок наверно?

И он – был на самом деле?! Был! А Сеть его опять вернула – у нее протокол такой, возвращать владельца!! Собирает по квантам – и возвращать! Вот оно, бессмертие – радуйся! Сеть, зараза, что ты со мной делаешь?!

Стоять стало трудно. Он виновато сел на край холодного, будто ледяного, камня – Кааш не обидится. Сташка сам бы не обиделся. Это имя задевало его, жгло ум. Еще когда Ярун впервые сказал: «Кааш» об изваянии хмурого мальчика в углу его кабинета. А в Лабиринте? Тогда он был словно во сне, но помнит, как каменный Кааш со стены храма нетерпеливо смотрел на него, почти живой. То «я». Предыдущее. Он наклонился к буквам и медленно обвел их пальцем. «КААШ». «Кааш Сердце Света». Снова обвел слово «сердце». А ведь убили, не сам умер. В каноне говорится, что он был священной жертвой, и будто бы сам себя принес в жертву Дракону – тому космическому единству, созвездию, которое и есть настоящий Дракон. Вранье. Просто настоящий Дракончик, как всегда, помешал планам людей. Тому хитрому очень-очень старшему брату.

Он снова медленно обвел холодные глубокие буквы. «С-Е-Р-Д-Ц-Е». Палец замерз. Как раз Сердца-то в нем самом и нет... Понятно тогда, где оно. Кааш – это его собственное прежнее имя. Кааш – это был он сам. До этой вот жизни.

И опять он, так же, как Кааш, оказывается лишним в отлаженном, сбалансированном, совершенном мире. И его опять, наверное, убьют. Не проще ли самому сразу лечь в могилку? Во внезапном глупом отчаянии он всем сознанием рванулся вниз, к себе прежнему, под тяжеленную плиту. Платиновый, в синих камнях саркофаг, чем-то напоминающий золотые игрушки в Детской башне. Внутри еще один, из непонятного металла, – и уже устыдившись, уже заплакав, уже понимая, что совершает кощунство, уже отворачиваясь – он увидел жалкий, обтянутый коричневой кожей скелетик в платянице вроде тех золотых узорных, что висят у него в гардеробной. Увидел и глубокие темные глазницы со щеточками ресниц, и толстую храмовую косу, и понял, что – да, убили, и вспомнил, что задолго знал, что убьют... И вдруг жуткая, нестерпимая боль вонзилась куда-то под сердце и с влажным хрустом вспорола грудь. И сразу прошла. Слезы, крик, дыхание – все в нем застыло. Он опять видел только внешнюю сторону вещей – пыльный камень с именем.

Он вскочил. И вспомнил, что Ярун в Лабиринте, встретив его, сказал: «Здравствуй. Это ты, Кааш...» И Сердцем Света назвал тогда же... А потом наверху еще кто-то назвал его: «Кааш Властитель»... Да, это... его могила. Его игрушки и платья там наверху... Его глобус... Его золотой мячик, который должен был стать восьмой звездой... Это все принадлежит ему. Все – его. Могила – тоже.

И внезапно увидел, что камень вновь становится прозрачным. Оцепенел – это же не он делает! Это само! Сеть, зараза!! Близко-близко под камнем, прямо под руками, проступило что-то совсем нестрашное... На миг показалось, что он смотрит в зеркало. Мальчик с закрытыми глазами, с такой же, как у Кааша, храмовой косой, мертвый мальчик – и он узнал себя. С мертвым бульжником вместо сердца – там, где должен быть свет. Он еще почувствовал, как не больно и тупо ударился об камень, еще ощутил под щекой и виском впадинки букв, и стало пусто и больше не страшно.

9. Это все разговоры

Надо очнуться. А смысл? Зачем двигаться, говорить, делать что-то... Зачем? Всегда убивали, убьют и в этот раз. Какая разница, когда и кто. Отстаньте все. Считайте, что уже умер.

Его кто-то куда-то нес, что-то говорил. Не вникнуть в журчание слов, не выбраться из под тяжелой прозрачной плиты. Не волновало, кто-то трясет его, потом кладет на твердое и колет иголками прямо сквозь одежду, и едкое лекарство вползает в кровь, не волновало, что тело как тряпка, и башка катается на тонкой шее. Ничто не могло пробраться к нему под прозрачное надгробие, и он даже улыбался этой недостижимости.

Вдруг пощечина ожгла лицо. Слева. Голова мотнулась – тут же справа ожгла другая. Сташка открыл глаза: Ярун. Ну и что. Большое окно, за окном идет снег... Разве уже день? Ну какая разница, день, ночь, снег, солнце. Зима, лето... Пусть Ярун возьмет это все себе.

– ...Сташка, где болит?

Но болела вся кровь, текла внутри, мучительно холодная и медленная, мертвая. Он давно уже умер. Пятьсот лет назад. Он смотрел на снег потому, что не мог закрыть глаза.

– Что ж ты делаешь с собой, ребенок глупый, – от отчаяния Яруна снег снаружи взметнуло и сухо бросило в стекло. Вообще все вокруг вздрогнуло и сдвинулось с мертвой точки. Ярун поднял руку, Сташка инстинктивно зажмурился – но теплая ладонь нежно легла на лоб: – Какой ты крохотный... Худой стал... Что ты, дурачок, творишь? – он другую ладонь положил Сташке на грудь, как раз туда, где было больше всего – сразу ударило внутрь жаром, сжигая боль, и стало можно глубоко вздохнуть, а глаза закрылись. Ярун попросил: – Живи. Жить надо. Расти надо... Дыши.

Сташка послушно дышал теплом, что текло с рук Яруна. Щеки жгло. Он вспомнил про Венок и мертвого себя, и рывком сел и отбросил руки Яруна со лба и сердца. Вскочил – почему он лежал на столе? – даже отбежал в угол. Ярун взметнулся за ним – да что ж он такой огромный-то! – схватил за плечи. Сташка в накачивающем ужасе рванулся, но Ярун ухватил его крепче, тогда он извернулся и впился зубами, куда пришлось – в горячее широкое запястье. Свободной рукой зашипевший Ярун тут же схватил его за шиворот, встряхнул, как щенка, скрутил – не вырваться, как не изворачивайся. Он еще потрепыхался, слабо царапая ему руки, потом обессилел.

– Огонек, – через долгую минуту ласково позвал Ярун. – Хоть глаза-то открой.

От этого имени тяжкая, знакомая боль всколыхнулась в самых глубинах. Какие тяжелые, какие черные волны... Это время, а не боль. Сташка поднял тяжелые веки, покорно посмотрел на Яруна. Ничего не увидел, только теплые пятна. Буркнул:

– Ты запер меня в башне!

Ярун перестал его крепко сжимать. И погладил по затылку:

– Чтобы тебя уберечь. Ты сокровище, ты Сердце Света. Все царевичи сидят в башне. Даже в сказках.

– Врешь ты все, – через силу сказал Сташка. – Никакое я теперь не Сердце. Света нет, – Сташка наконец посмотрел ему в глаза. – Пусти. Такой я тебе незачем.

– Глупости, – Ярун не отпустил. Какой он громадный и страшный. Горячие ладони у него какие. Взгляд как ветер из пустыни. – Я-то думал, вот он ты, опора, соратник, делом займешься, а ты... Нет у меня времени с тобой нянчиться!

Сташка съежился бы, если б мог. Значит, у Яруна не будет времени и когда Сташке придет смертельная нужда в нем? В груди опять стало тошно и пусто.

– Я думал, ты взрослее... Щенок. Недели не прошло, а ты уж опять за свои выходки... Какие выходки? Почему – опять?

– Зачем ты туда пошел? ...Сташка, не молчи, – он снова больно притиснул его к себе. – Отвечай мне, негодяй! Какого черта тебя понесло в крипту?

– ...Венок там раньше лежал.

– Ну да, лежал. Лет семьсот назад. Тебе нельзя Венок. Мозг детский – никаких нейро-симбионтов. Что там в крипте стряслось? – мягче спросил Ярун. – Я нашел тебя на полу между надгробий. Ты упал, ударился?

– Нет.

– Что тогда? Сташка, отвечай, – Ярун слегка ударил его меж лопаток. Совсем не сильно, но боль пронзила грудь насквозь. Сташка задохнулся и вспомнил смерть. – Не молчи! Говори! Правду говори!

– Я нашел свою могилу, – послушно сказал правду.

– С ума сошел?!

– Нет. Я – Кааш. Меня убили. Я вспомнил.

– ...Зря я разрешил пустить тебя в покои Кааша. Но ведь это самая безопасная оказия тебе начать себя вспоминать... Родной мой. Ты посмотри на себя. Посмотри, посмотри. Вот руки... Пальчики замерзли, но шевелятся... Вот коленки... костлявые... Сам весь тепленький, живой. Ну, ты – живой?

– ...Это ненадолго.

– Ах ты засранец. Нет! Будешь жить, жить и жить, – будто поклялся Ярун. – Как тебя теперь зовут?

– Сташ.

– Проведи границу между прежним Каашем и теперешним Сташем. Все. Та жизнь прошла. Началась эта.

– Я только и делал все эти дни, что эту границу проводил.

– Пожалей еще себя, пожалей.

Сочувствия нет и не будет. Наверное, сам виноват. Натворил в прошлом, наверное, что-то плохое. Ведь просто так не убивают... Ну, что теперь... Терпеть? Вон как крепко держит, чтоб не убежал, не улетел или не умер.

– Сеть атакует, без Венка – как по живому, – безнадежно объяснил Сташка. – А там в крипте на столбе след остался, светится... Скажи, почему там... Мальчики у стены похоронены?

– У Кааша были предшественники. Это двое.

– Что, я опять? – сквозь изнеможение удивился Сташка. – А, ну да. Я еще думал, почему каменные шарики старше всего остального... Раз – Кааш, два – Таг, а еще кто? Хотя все одно – Дракон... Это я – в какой же раз домой вернулся? Отдай Венок, пока я с ума не сошел!

– Нет. Ты видел могилы остальных детей? Это кое-кто из императоров проверял Венком сыновей в надежде, что они окажутся хотя бы подобиями Астропайоса Дракона, Сердца Света – тебя. Некоторые, как Вук, не погибали сразу – это было еще хуже. Поэтому я забрал у тебя Венок.

– Моя память, ты сам сказал, убьет кого угодно. Моя Сеть – тоже. Но не меня же! Это мой Венок. Мой! В нем моя память, не чужая. Мне он ничем не грозит. Он мне вспомнить помогает, пока неокортекс не созрел. Он незрелую лимбическую систему, незрелую кору защищает. Не заставляй меня выбирать между тобой и Венком!

– Какой бред!! Тут другой выбор. Да, с Венком, с Сетью ты все вспомнишь. Но опять станешь чудовищем, бешеным неврастеником Каашем и сдуру снова погибнешь раньше времени. Так что выбор – жизнь или смерть, вот и все. Ты мал и глуп, я выбрал за тебя. Живи. Тебе нельзя в Сеть.

Ага, значит, Яр в курсе. Тем проще:

– Но Сеть – это я!

– Ну и что. Ты на себя посмотри – ящерица. Сташка. Ты с ней не справишься сейчас. Тебе сорвет мозги, сожжет их. На кой черт нам безмозглый Дракон? Нельзя, понимаешь, нельзя. Выжди. Вырасти хоть немного. Ты понимаешь, какво – свихнувшийся Астропайос? Ты понимаешь, почему – ты каждый раз оказываешься в могилке? И все твое дело – вместе с тобой? А потом Сеть тебя заново воспроизводит и воспроизводит раз за разом, а ты все не справляешься и не справляешься... Просто потому, что она сводит тебя с ума?

– Нет!!

– Я не буду спорить, – Ярун обнял и поцеловал его в лоб. – Я просто не дам тебе погибнуть снова. Хватит с нас того, что Вук из-за этого проклятого Венка погиб.

Вук? Кто это – Вук? Он растерянно посмотрел вокруг. Снег падал, падал за окнами. Хоть бы зима засыпала все-все страшное и плохое. И в голове тоже чтоб так же бело, чисто и тихо. И никаких ужасов. Он глубоко вздохнул, но вздох не дал сил, а утопил его в нем же самом, погрузил глубоко в сумрак, в память, в бездну и какую-то подмогильную тьму, в которой звезды светили совсем тускло, будто и не звезды, а какие-то засохшие и противные круглые конфетки. Тьма прежнего взорвалась в нем:

– Но я-то не Вук! И нечего вешать мне на шею еще и эту смерть! Мне своих хватает!...

Сташка сам себя не слушал: стало дурно, стыдно – и он вдруг очнулся. В комнате звенело эхо слов на забытом языке... И все слова были про смерть...

Он посмотрел сквозь синие искры в глазах на черный гладкий, бездонный до тошноты пол под ногами – не упасть бы... Все качается и будто синие невидимые огни падают на черный пол жутким дождем. Горло саднит от крика. Оказалось, он не в руках Яруна, а стоит посреди комнаты, и платье на нем сбоку разодрано... Что это было? Что стряслось? Шагнул к окну, где белый снег, ухватился обеими руками за ледяной черный подоконник. Что за противные бесполезные звезды ему только что мерещились? Да и не звезды это были, а детские пустые черепа, белые от времени. Дракон проваливался в него, гас, отдалялся. Сташка, наоборот, постепенно приходил в себя, будто поднимался из колодца. А тот всезнающий и проклятый оставался на дне, с черепами и звездами. Сташка посмотрел вокруг своими глазами – вот снег... Вот дом... Оглянулся – Ярун, ужасный, с глазами как синий нож, смотрел так, что Сташка стремительно и осторожно сел на пол и прижался хребтом к холодной стене под подоконником, хорошо защитившим голову сверху. Сжался.

– Не смей бояться меня, – с угрозой сказал Ярун. Встал, огромный, выволоч окоченевшего Сташку из-под подоконника и затряс, как тряпку: – Не смей строить из себя жалкого младенца! Мерзавец! Чья вина в том, что ты раз за разом стремишься сдохнуть, вместо того чтобы наконец закончить все, что сам же и затеял? Проклятый трус!

Оторвется башка, и все, – Ярун так тряс его, что Сташка перепугался насмерть. Ледышки внутренностей оторвались со своих мест, перемешались и жутко больно колотились друг об друга. Не вздохнуть, ни закричать.

Ярун прекратил его тряссти, отбросил на жесткий диван. Сташка больно ударился рваным боком о деревянный подлокотник и чуть не взвыл. Не подал виду, как больно. Он скорей сел, потом встал. Ноги ничего, стояли и держали. Только колотит. Вдруг икнув, он попросил, не поднимая от ужаса глаз, по слогам, потому что трясло и икал:

– Из-ви-ни... те. Мож-но мне пой-ти к се-б-бе. Я н-не б-бу-ду...

Страшный черный, как туча, Ярун опять схватил его на руки, и сердце чуть не оторвалось к черту. Но руки Яруна были нежными-нежными, он заглядывал в лицо:

– Сташка? Это ты? Маленький?

– Я п-по-нял, что... Ты... В-вы с К-ка-ашем сей-час гово-рили... И... что все п-пло-хо... Совсем... п-пло-хо... П-пусти м-меня.

– Сейчас, – Ярун на миг поставил его на ноги, мгновенно завернул в свою громадную куртку с родным ласковым, теплым-теплым мехом внутри и куда-то понес. – Потерпи.

Наверное, в Детскую башню? Сашка взмолился:

– П-прости! – голос звучал противно тонко, по-детски. Сашка передохнул и скорей сказал, как сам думал: – С-слушай... Ты хочешь, чтоб я рос без Венка, но ведь это вопрос... вопрос очень большого доверия... Венку-то я могу доверять, Сети – тоже, а тебе? Вот ты говоришь – бред, что я должен выбрать или тебя или Венок, но разве это не так?

Ярун на ходу заглянул к нему в куртку:

– Что ты там бормочешь, чудовище?

Он не слышал!! Сашка, высовывая из жаркого меха тяжелую голову на какой-то совсем ненадежной шее к его глазам, заторопился договорить:

– Разве ты уже не поставил меня перед этим выбором?

– Каким? – остановился Ярун.

– Каким?! Пока я ребенок, меня может защитить этот проклятый симбионт – а ты? Ты разве можешь? Меня ведь всегда убивают. Даже если ты рядом! Но чаще, конечно, когда тебя нет.

Ярун усмехнулся, посадил его в коконе куртки на подоконник какого-то другого окна, за которым все падал и падал вечный сегодняшней снег.

Сашка опустил глаза, не снеся тяжелого зимнего взгляда Яруна:

– Ты сам сказал, я трус. Да. Это правда. Все эти дни... Венка – нет. Тебя – нет... А там... Там все отравлено одиночеством... Без тебя – боюсь... Всего боюсь, даже старых игрушек... И тебя... Тоже боюсь.

Он закрыл глаза руками. Казалось, что от куртки Яруна пахнет горьким дымом и холодной землей. Что будет дальше – все равно, только хочется спать. Ярун взял его за плечи:

– Не бойся. Я всегда с тобой, даже если меня рядом нет.

– Это разговоры, – буркнул Сашка сквозь ладони.

– Нет, это правда. Это – родство. Мы всегда вместе.

– Яр, – он опустил мокрые ладони, вытер их о штаны и уставился на Яруна: – тебе, значит, противно, что я взял Венок? Что я – дракон? Что я – Сеть? Почему нельзя – с тобой? И сразу – работать, а не в игрушки дохлые играть? Я ничего не помню!! Тебе противно, что я Кааш? Что я сделал такое ужасное, когда им был?

– Не ужасное, а просто – ничего не сделал. Из того, что надо было. Не смог. Не поладил с людьми, свихнулся, погиб. Вот и все. Давай вместе постараемся, чтоб эта твоя жизнь не стала такой же бессмысленной. И не противно мне, что ты Кааш. Мне страшно, что ты снова сойдешь с ума. А ты свихнешься, такой маленький, если Сеть откроет тебе все свои уровни. Ты сразу перестанешь быть человеком. С тобой никто, даже я, не сможет нормально разговаривать. Зачем нам недопонимание, конфликты, твои приказы, которые непонятно как исполнять – сам подумай? Все. Ты начал новую жизнь.

– Ну, может быть, – Сашка подумал, что новая не жизнь, а лишь фаза этого дрящегося и дрящегося пути во тьме, изредка прерываемая светом, когда выныриваешь в жизнь. – Я снова живу, да.

– Да. Все другие люди... Рождаются, живут, исполняют свой долг, умирают. А мы – возвращаемся. Твоя Сеть нас возвращает. Не дает сознанию распасться. Адские технологии Золотых, в которых почти ничего не понять... Система систем. Квантовые интеллекты. Лабиринты интеллектов. Технологическое бессмертие. Ты и я. Сеть Дракона возвращает нас почти одновременно, в одно и то же место – сюда, домой. Только я живу нормальную жизнь, а ты... Как падающая звезда. Не успевая выполнить свой долг.

– Ключевое слово в твоём объяснении – ДОЛГ?

– Это звучит просто, – усмехнулся Ярун. – Для начала... Мой долг – тебя наконец вырастить. Не дать Сети снова тебя сожрать. Твой – вырасти. Выжить. ...Как ты?

– Мне ужасно плохо, – Сашка потер лоб. – Можно, я еще спрошу?

– Спроси. Погоди чуточку, – Ярун плотнее завернул его в куртку, снова взял его, безвольного, как червяк, бессильного, на руки, понес дальше. – Хороший мой. Маленький. Маленький Сташка. Прости, что я тебя так напугал, и без того уже перепуганного... Тебе расти надо, а не вспоминать! Ох, ребенок. Я потому и отобрал у тебя Венок, чтоб ты не вспоминал. А то опять все испортишь. Ведь Кааш... Он был... Правда слегка сумасшедшим. Никого не слушал. Ни с кем не считался. Считал себя неуязвимым. Ты прав в том, что одиночество – это яд. Кааш был отравлен им насквозь. Поэтому сейчас... Я так рад, что ты – малыш. Что у тебя ясные глазки, из которых смотрит не Сеть, а ты сам. Что ты – умный, что стараешься во все вникнуть, понять, как жизнь сейчас устроена. И ты должен многому – простому, человеческому – успеть научиться, пока Кааш не взял над тобой верх. Он хороший, прежний Кааш, но – псих, наивный, неопытный одинокий псих, он живет древними сказками, научным синергизмом Ордена, а не реальностью, он не понимает людей, все хочет сделать сам, сам, сам... Поэтому жизнь быстро его отторгает.

– ...Я должен перерасти прежние сказки?

– Не знаю. В этих сказках очень много смысла. Но чтоб их исполнить, надо действовать с умом, с терпением. Вырастить себе помощников, обозначить новые цели... Понимаешь?

– Исполнить... Цели... Ты будешь во мне воспитывать ум и терпение?

– Я – буду тебя растить. Пойми, «я сам» – это не значит «я один».

Почему-то стало тепло-тепло, и что-то нежное внутри Сташки от этого тепла жадно и виновато начало выздоравливать. Сташка больше не боялся прислоняться к Яруну. В куртке неудобно и жарко, зато защищен от всего на свете... Все-таки какой он родной – этот страшный Ярун. Несет куда-то, чтоб спрятать и уберечь от всего плохого. Все сказать можно:

– Знаешь, я...

Ярун остановился и заглянул к нему в куртку:

– Что? Скажи мне.

– Я посмотрел в могилу, видел там... Ну, себя мертвого, внизу, в саркофаге. Ресницы густые... Мумия. – А потом опять себя, но не такого, как... Не сухенького, а такого же, как вот, как только что убили, и сердце погасло – он зачем-то выпростал из куртки и показал очень внимательно Яруну ладони. – Сразу под плитой. И я был сразу и там, под плитой, мертвый, и снаружи, живой... Испугался, что опять убьют. И... И все. Пришибло. А потом сразу тут, и люди трясут и мучают. А потом ты, и я очнулся. Понял, что вроде бы – нет, не умер.

– Нет, конечно. Ты живучий. А это было только видение, – очень тихо сказал Ярун. – Потому что этот храм на Оси с... Ну, со стартовой точкой.

– А?

– Потом подробности. Пока пойми, что Сеть атакует тебя в таких местах, да. Предупреждает об опасности. Это – только видение. Как сон.

Сташка устало покачал головой. То, что он видел – не сон.

– Видение. Атака Сети, – действительно повторил Ярун. – Чтоб ты испугался. Сеть хочет, чтоб ты взял Венок. У нее такой протокол. А на самом деле там нет могилы Кааша. Ее вообще – нет. И быть не может. Понимаешь?

– Не понимаю.

– Могилы Кааша – нет.

– Нет?

– Нет.

– Почему?

– Он превратился в звезду.

– Миф.

– Нет, правда.

– Но вот же я. Он – это я. А я – не звезда. Я мальчик.

– Он – это ты, – согласился Ярун. – Ты был им. Стал потом звездой – вон, Кааш на краю созвездия. А теперь вернулся и снова мальчик. Сеть помнит все и делает с нашими атомами и нейронным контуром сознания то, чему вы ее научили. Воспроизводит.

– Я умер тогда или не умер? Я тот же самый или новый, просто с той памятью? Я не понимаю, – жалобно сказал Сташка и закрыл глаза. Как хорошо, что он не там, а здесь. И хорошо, что есть Ярун. – Убили же. Я же помню. Какие там звезды.

– Целое созвездие.

Сташка смотрел из меха на потолок. Ярун теперь нес его подземным тайным коридором – как несколько дней назад. Скоро тяжело отошла небольшая дверь в верхний подвал Детской башни. Сташка вдруг вспомнил ледяную тьму тайных нижних подвалов и тяжелые механизмы под фундаментом. Надо там все проверить... На всякий случай. А вот и белая-белая лестница и высокие золотые двери на площадках.

– Что тут на первых этажах? Макс сказал, мне сюда нельзя.

– Да можно. Все равно все твое, распоряжайся. Там архивы, библиотека, игрушки других наследников, их комнаты, классы. Я тоже тут жил, на третьем этаже.

– А ты Дракон? Как я?

– Дракон, да. Это в самом деле имя рода, – странно неохотно сказал Ярун, поднимаясь по ступеням. – и в этом смысле мало хорошего в нашем имени. Быть всего лишь Драконом – это беда. А здесь императоры созвездия зовутся Драконами лишь потому, что когда-то давным-давно ты, Дракончик, – почему-то так назвал эту группу звезд. И тем, что так назвал свою новую землю, дал мне шанс найти тебя.

– А почему ты меня искал?

– Чтобы спасти, – Ярун внес Сташку в обжитые комнаты шестого этажа, сгрузил в первое же кресло в столовой: – Вроде не жрешь ничего, а сам будто несколько тонн вешишь... Так... Ага, вот. Держи, – он сунул Сташке в руки горячую чашку: – Пей.

– ...Это ...м-молоко! Ффу!!

– Звездного меда у меня нет. Пей.

Сташка, давясь, отпил белую гадость. Ярун следил, сидя напротив, поэтому пришлось пить дальше. Если Сташка давился и опускал чашку, Ярун молча приопускал бровь. Жуть. Когда допил – Ярун забрал чашку, отставил на стол и мягко попросил:

– Давай еще поговорим.

– Давай, – нерешительно согласился Сташка. – ...Ты Максу доверяешь во всем?

– Да. Он мне брат названный, соратник.

– Друг?

– Мы росли вместе. А почему тогда ты ему правду про меня не рассказал? И про себя? Потому что он человек?

– Потому что тогда пришлось бы сказать, что он-то на бессмертие рассчитывать не может. Не злись на него, Сташ. Он мне предан.

– Наверно, он тебя от меня защищает, – усмехнулся Сташка. – Он знает про Сеть?

– Нет. Про Сеть никто не знает. С ней в контакте только ты, даже я – очень опосредованно... Это она меня сейчас позвала. Всегда сообщает, когда ты в опасности.

– ...Боюсь, скучать она тебе не даст.

– Последний раз мне было скучно лет этак одиннадцать назад. А потом ка-ак даст: во всех темных углах твои привидения. И – пожалуйста, скоро наяву: вот он ты. Плюс Сеть активировалась: во все структуры встраивается, зараза, готовит тебе плацдарм... Сташка. Все, что она для нас с тобой делает – для людей необъяснимо. И мы не будем об этом ни с кем говорить, само собой. Макс бесится, конечно, когда не понимает, откуда я что знаю, – Ярун как-то странно на него посмотрел, спросил: – Он тебе что-то говорил?

– Например, что тебе тоже выгодно, чтоб меня не было.

– Конечно, – улыбнулся Ярун. – С тобой хлопот сколько было и сколько еще будет! Все, мне пора, – он встал, поцеловал его в макушку, забрал куртку. – Ты... Вот что: ты слушай, что Макс говорит, но запомни накрепко, что ничьи слова, кроме моих, для тебя ничего не решают. Вот если я сам тебе что-то нехорошее скажу, вот тогда ты и будешь думать. Понял? Все, иди к себе наверх и спи. Завтра пришло за тобой.

Утром Кошей вел его к Яруну. Вокруг угадывалось присутствие множества людей, но никого не было видно. Только двое пажей, чуть старше Сташки, торопились чуть впереди, открывая высокие серебряные двери с черными узорами. Сташка мерз в новом жестком и тяжелом платье, с отвращением ощущая внутри себя комок каши, с которым организм не знал, что делать – еле-еле он заставил себя проглотить две ложки. Кошей молчал, но в нем ярилось что-то скованное до поры, страшное.

Чтоб отвлечься, Сташка хмуро разглядывал огромные, сквозь которые шли, торжественные комнаты с высокими окнами, за которыми шел и шел снег. Он подробно представлял весь дворец как архитектурную систему – огромный девятиугольник, узорный и многоуровневый, но величественное мрачное, черное-черное убранство внутренних покоев Старшей башни, которое не узнавал, его слегка ошеломило. Когда-то давно эти комнаты выглядели куда светлее. Все незнакомое было слишком черным, чтоб он мог вздохнуть свободно, лишь иногда поблескивало серебро или змеились извивы геральдических драконов. Похоже на траур. Из узких глубоких окон мало света. Холодно... Наконец у очередных дверей пажи не стали открывать тяжелые двери, а замерли у створок, исподтишка разглядывая Сташку. Кошей спугнул их коротким жестом и сам приоткрыл дверь перед Сташкой.

Сташка шагнул в узкую щель тяжелых дверей и оказался в беспредельном черном зале. Тут еще холоднее, чем в узорных коридорах. Все это черно-звездное пространство, которое пустотой полированного черного гранита глубоко раздавалось под ногами и расступалось в бесконечности зеркальных стен, напомнило то смертельное катание на коньках. Он стал уже не он – а маленькая черная, поблескивающая тень с пятнышком лица, что отражалась где-то невероятно далеко. Эхо себя самого.

Впереди ждал Ярун. Смотрел так странно, что Сташка испугался. Жалость? Боль, тоска? По нему? Да так на мертвых смотрят, а не на живых! Значит – все равно...

Убьют.

И все эти разговоры, участие, поддержка, чувство родства – все это особенно ничего не значит. Родных-то обычно и приносят в жертву. Ведь так – нужно... Нужно Яруну и всем-всем... Даже ему самому. «Кто меня любит – тот меня убьет»? Откуда эти слова?

Ну... Разве он не был там, под каменной плитой? Опять тупо заболело пониже ребер. Он подошел к черным ступеням, что вели к трону, глянул вверх. Ярун ждал. Невыносимо огромный, величественный, снисходительный.

– Здравствуй, – кротко сказал Сташка.

– Здравствуй, – усмехнулся Ярун.

Сташка проверил его взглядом, растерялся и рассерженно скатал себя в холодный и блестящий ледяной шарик. И больше ничего не боялся. Даже того, что Ярун смотрел как на мертвого. Да и когда там его еще соберутся убить. Что ж, и из-за этого не есть, не смотреть на небо, не разговаривать с Яруном? Сташка не хотел тут глупо стоять внизу, и быстро и сердито спросил:

– В чем мне поклясться, чтоб ты поверил мне?

Ярун вдруг оказался, громадный, черный, рядом, а его ладони – у Сташки на плечах:

– Что-то ты имеешь в виду ужасное, – наклонился Ярун. – Глаза безумные, еще хуже, чем вчера.

– Ярун, ну... Я же все понимаю... Я согласен и не боюсь.

– Что ты понимаешь, чудовище?

– Когда надо будет стать звездой, я стану.

– Не смей так говорить! – Ярун вдруг схватил за бока, поднял перед собой и встряхнул. – Ты что, опять в жертву себя собрался приносить? Ты жить, ЖИТЬ должен!

Его крепкие ладони больно сжимали грудную клетку, удерживая высоко над бездонным черным полом. Сташка терпел, вдруг подумав, что Ярун никогда-никогда не допустит, чтоб он вдруг упал. Не уронит. И – он разом забыл и про смерть, и про Сеть. Перестал стискивать широкие запястья, за которые уцепился, едва Ярун схватил его. Посмотрел в глаза и улыбнулся:

– Не надо жертву?

– Надо, – усмехнулся Ярун. – Жертвуй жизнь, а не смерть. Издохнуть любой может. А ты – выживи в конце концов.

– Я постараюсь, – подумал вслух Сташка. – Ты теперь всегда, чуть что, будешь меня на руках таскать?

– Меня это успокаивает, – усмехнулся Ярун.

– Меня тоже, – буркнул Сташка. Хотел обнять Яруна и не решился.

– Я жалею, знаешь ли, что в младенчестве тебя носили на руках другие люди... Да ты и до сих пор кажешься мне маленьким. Но это не важно. – Он вдруг развернулся и посадил на трон, отступил: – Это место долго ждало тебя.

Сердчишко заколотилось так, что ребра заболели. Он возмутился:

– Это – твое место! Не надо мне раньше времени! Сам – живи!

– Примерься, – улыбнулся Ярун. – А так – еще подождет... Ну, каково?

– Холодно, – Сташка, больше от слабости, прислонился затылком к резному камню спинки, осмотрелся: – Очень высоко и очень холодно. Как в стратосфере... Ой. – он посмотрел на Яруна: – Это еще хуже одиночество, чем мое в башне. Ярун. Прости меня. Я не хочу, чтоб тебе было так одиноко. Я... Ладно. Я попробую. И выживу, и все остальное.

– Обещаешь наследовать? – усмехнулся Ярун.

– Еще в Лабиринте пообещал. Или как-то надо торжественно обещать?

– Надо честно. Давай так, Сташек. – Ярун свел страшные брови: – Ты обещаешь быть верным Дракону?

– Это созвездию, что ли? Да, – чуть удивился Сташка. – Я и так уже... Чешуей обрастаю. Ну... Я и тебе весь верный, ты знаешь.

– Знаю, – Ярун взял его руку и странным жестом на секунду прижал костяшки Сташкиных пальцев к своему лбу. – И ты тоже... Знаешь.

Потом он снял с себя и осторожно надел на Сташку платиновую цепь с тяжелым сверкающим драконом.

– Это всерьез, малыш. И это навсегда, до самой смерти... Все, брысь, – усмехнулся Ярун. – Успеешь еще... Пойдем-ка, – он пошел в угол зала за трон.

Сташка спрыгнул с трона и побежал догонять. Ярун ждал у высоких дверей в зеркальной стене, и Сташка, подбегая, удивился себе – этот со сверкающей зверюшкой на груди мальчик, маленький, такой быстрый, резкий, лохматый, с горящими щеками и яркими глазами – он сам? И вдруг он увидел: как похож на Яруна! Замер. Не только такие же серебристые, с темной полосой волосы и синие глаза, но и – еще что-то, отчетливое и сумрачное в чертах лица, в выражении – родственники. А волосы-то! В жизни ни у кого он не видел таких же волос... Эта странная, похожая на седину масть и черная полоса ото лба к затылку – ни у кого так не бывает, только у него да у Яруна! Ярун тоже посмотрел в зеркало и встретился со Сташкой глазами. Слегка нахмурился и сказал:

– Я знаю, о чем ты думаешь. Забудь, что был бастардом, – положил руку Сташке на голову и еще повторил: – Забудь. Я даю тебе теперь свое имя. Но не отцовство.

Сашка кивнул. Отцы и сыновья... предки... Да в общем, это все неважно. Или нет? Вот было бы хорошо, если... И вдруг опять что-то ринулось изнутри, его качнуло, как вчера, невидимым огнем вспыхнули волосы, и из темного колодца своей недоступной памяти хрипло и яростно сказал он настоящий:

– Ты знаешь, что мне все равно!

И голоса этого, и древних тяжелейших, гневных чувств Сашка не вынес. Успел еще почувствовать себя тонкой оболочкой на тяжелой, какой-то вневременной, разозленной и страшно нервной сути, и, рассыпая ярко-синие искры, упал в черное.

Пришел в себя спустя миг – даже упасть не успел, а Ярун не закончил подхватывать его на руки. Подхватил и не даст упасть... А сам он был всего только дрожащим в ознобе Сашкой. Ребенком. Но он все помнил. Тот, изнутри – соврал!! Соврал... Понятнее, почему Ярун не говорит прямо, что отец. Той нервной зверюге, что таится у Сашки внутри – быть отцом? Ужас какой... Потер лицо ладошками. Пожаловался громадному надежному Яруну:

– Опять это. Пусти меня... Ты будишь во мне какого-то нервного звероящера. Каждый раз все глубже в прошлом. Он, кстати, соврал.

– Ты не ври, вот что важнее.

– Я не буду. Потому что... Ну, мы с тобой... Я... То есть мы со зверюгой – это ведь твое продолжение.

– ...Ты правда это понимаешь?

– Скорей, чувствую.

– Так даже лучше, – хмуро кивнул Ярун. – А что ты о нашем родстве – думаешь?

Сашка уткнулся в него лбом, потому что обнять боялся. Ярун погладил по спине и попросил:

– Говори давай. А то сил нет тебе в глаза смотреть.

– Ты даешь имя, но не называешь сыном, хотя когда-то я рожден от тебя. Это, наверное, потому, что у меня эта ...Всезнающая звездная зверюга внутри... которая, чуть что, огрызается...

– Нет, – улыбнулся Ярун. – Зверюгу я тоже люблю.

– Тогда... Дай подумать... Чего бы проще: отец и сын... Ты ждешь, чтоб я сначала что-то вспомнил? Мы ведь волочим за собой столько всего прежнего. Наверное, плохого тоже много было. Я чувствую вину.

– Не ты один. Подними глаза. Ну, Сашек!

Сашка послушался. Посмотрел в глаза: сколько тревоги! Скорей сказал:

– Только когда я буду все помнить и понимать, да? Яр? Да? Тогда только ты меня сыночком назовешь?

– Если ты сам назовешь меня отцом несмотря на все, что вспомнишь, – Ярун поставил Сашку на ноги. – Зараза упрямая. Знаешь, какая у нас тобой первая самая главная цель? Да чтоб ты уцелел в конце концов, чудовище. Чтоб перешагнул порог и жил дальше. Я ни во что тебя посвящать не буду, пока ты этого не сделаешь.

– ...Яр. А что... Я еще никогда... Никогда не выросал?

– Сам же чувствуешь... Сашка. Доверься мне. Тебе необходимо быть ребенком. Играть. Укрепнуть. Еще поумнеть. Накопить побольше силы жизни. Чтоб все время очень-очень хотел жить. Понятно?

В настоящем, а не парадном кабинете Яруна было светлее, чем в любой из комнат дворца, потому что стены были не черными, а серебристо-светящимися. И огромное окно, и мальчик каменный в углу – Сашка узнал эту комнату. Он здесь был в первый день, когда ослепительно сияло за окном солнце. И когда-то очень-очень давно раньше. Теперь за окном снег. Одну стену

в кабинете занимал огромный, пугающе сложный терминал, тихонько мурлыкавший. Ярун, приложив ладонь к сенсору, включил большой пульт. Усмехнулся:

– Терминал – как пульт управления крейсером. На самом деле – Империей. Понимаешь меня? – он глянул на Сташку. – И никто другой не может тут работать. Кроме тебя. Иди сюда... Приложи ладошку.

Хотя сенсор на ощупь был холодным, от него шло тепло. Терминал пикинул. Ярун похлопал Сташку по лопаткам:

– Все, признал. Теперь у тебя тоже есть выход не только в общую сеть, но и в сеть, управляющую всеми системами государства, и во все закрытые сети. Тебе понадобится, когда начнешь работать.

– Наша Сеть контролирует их все?

– Само собой. Но в основном она отслеживает тебя.

– Чтоб ты знал, не намерен ли я развеять рутину твоих обычных забот?

– О, она первым делом меня о твоих фокусах извещает. Ты уж... Давай без фокусов. Я должен знать, что ты в безопасности, – улыбнулся Ярун и потрепал по лопаткам. – Так что, пока мал и слаб, сиди в башне.

– Я не хочу... У меня начнется эта... Пространственная депривация, – растерялся Сташка. – Никогда? Почему? Меня убьют?

– Нет. Сеть сама убьет любого, если увидит прямую угрозу твоей жизни. Так что тебя невозможно убить, если ты этого не хочешь. Другой вопрос, что ты легко сдаешься... После об этом. Выходить нельзя, потому что тебе нельзя контактировать с другими людьми. Ни с кем. Сейчас самая большая опасность в том, что ты мал и сознание твое несовершенно – тобой легко манипулировать. Не доверяй никому.

– А ты... влиять и манипулировать?

– О, я буду, не сомневайся, – Ярун опять поцеловал его в макушку. – А уж ход событий... Путь Драконов, – он вздохнул. – Созвездие трясет, когда ты, с твоим норомом, являешься. Я надеялся какое-то время выдавать тебя за обычного наследника, но после твоего явления в Лабиринте уже узнали. Да и после того, как ты распотрошил Детскую башню, атмосфера во Дворце изменилась. Персонал молчит, конечно, дураков тут не держат, но... у них такие глаза... Да, сиди в башне. Постоянно. Иногда сюда приходи. Иногда я тебя с собой, если это будет безопасно, буду брать. Но вообще – да, башня. Чем дольше там просидишь, тем целее будешь... Учителей больше не будет, учишь сам, дистанционно, ума хватит... Присядь-ка и подумай, каких игрушек или там чего тебе хочется. Да, кстати... У меня для тебя есть сюрприз... Потом. Успокойся пока. А я поработаю, дела ведь не ждут.

Сташка послушно отошел от Яруна и сел на краешек старинного огромного кресла у окна, в черной раме которого падал и падал снег. Кресло было покрыто сложной непонятной резьбой, и за несколько столетий темное дерево совсем почернело, стало похоже на камень. Сташка медленно водил пальцем по теплым узорам, которые будто бы помнил, а сам смотрел на падающий снег. Игрушки?

Ярун работал с документами, разговаривал на разных языках с разными людьми, делал еще что-то непонятное. Сейчас изредка Сташка чувствовал на себе его спокойный вдумчивый взгляд. Как странно. При взгляде на Кошея или оставшихся в прошлом учителей на острове мгновенно делалось ясно, что у них на уме. Да и раньше Сташка видел людей насквозь. А вот на Яруна сколько ни смотри – ничего не поймешь... Он закрыт. Заперт. Как сказал Кошей: «он бывает непостижим»? Ну-у... Да. Его мир куда больше Сташкиного, сложнее... Реальнее... Его мир – громадная вселенная. Реальное, трудное настоящее, через которое он превращает тяжелое прошлое в великолепное будущее. Любую мечту можно сделать явью, если хорошо постараться. Сейчас, в реальности, в настоящем. Что у него на уме и на сердце? Только изредка

блеснет тепло в синих пристальных глазах, и все. Живи и догадывайся, лови каждый знак, слово, жест.... Сташка встал, подошел к Яруну и улыбнулся:

– Яр, ну на кой черт мне игрушки? Лучше поручи мне какое-нибудь реальное дело. Чтоб польза была.

– Польза будет. Вот подрастешь, начну натаскивать, – согласился Ярун. – Ах, да... Сюрприз, Ярчик-то.

– Ярчик?

– Понятно, не помнишь. Ну, что ты знаешь о Береге Яблок?

– Что рассказали, – Сташка хмуро посмотрел за окно, где под ленивым холодным, полным снега ветром за черными стенами лежала степь. – Что о нем почти никто не знает. А кто знает, не считает это пространство вполне реальным. В лучшем случае думают, что это зона аномалий, запретная искусственная среда или что-то подобное, и нормальному человеку там делать нечего. Более того, взрослый человек туда не может попасть, а те дети, что там живут, не взрослеют, пока там находятся, – Он наконец взглянул на внимательного Яруна. – Типа сказочной страны «Нетинебудет». Если бы я сам не встретил Гая, то не поверил ни в какой Берег Яблок... Но даже мне кажется, что эта слишком сказочная страна в одно и то же время и есть, и нет.

– Еще и как есть, – Ярун усмехнулся. – Это один из немногих реально удавшихся тебе проектов прежнего. Да, я помню, что ты мечтал о безопасной, запретной для взрослых стране вне времени. И у тебя хватило умения ее создать.

– Я думаю, это одна из зон вневременных портов Сети, – чуть слышно сказал Сташка. – Эталонное пространство, в котором хранится все самое ценное. Вот как ЛЕС – сердце Сети, ноль координат, да?

– Вспоминаешь что-то?

– Не отчетливо. Но и Берег, и ЛЕС – это не иммерсивное игровое пространство, нет, они материальны. Просто вынесены из истинного времени и в то же время прикованы к каждому его мигу. Думаю, такие пространства еще есть. Это якоря Сети, что ли... Точки входа в нее, точки, где есть доступ к ее коду. Понятное дело, никто кроме нас не должен иметь туда доступ.

– Берег открыт. Его видно с неба и с моря. У него есть границы. Но в реальности истинного времени он пуст: берег и берег. Море и пляжи. Государственный заповедник, вход всем запрещен.

– Для детей открыт, – кивнул Сташка. – Надо только выйти из этого времени, истинного, обычного, во время Всегда. Гонцы знают, как и где это можно сделать. Это Берег для непростых детей, для нужных... Сеть знает, кому туда нужно, притягивает... Ее гонцы знают, кого надо туда уводить. Это такой отбор внутри популяции, – не сразу решившись, он положил обе ладони на его черный рукав: – Яр, а девочка? Помнишь, я спрашивал про девочку? Она уже там, дома?

– Нет.

– Почему?!! Как же Яська-то без Берега?! Она же – фея...

– Не волнуйся, – мягко сказал Ярун. – Никто ни ее, ни Гая не обидит.

– Где она?

– Тебе не надо знать. Они под защитой и ни в чем не нуждаются.

– Мне надо ее увидеть!

– Не надо. Сташ. Спокойно. Ну, какие феи? Ты уже вырастаешь из сказок... – Ярун вдруг смолк. Вгляделся: – Что свирепеешь? Э-э... Да ты не фею крошечную в ней видишь... Что, правда? Сердце задела?

Сташка отвернулся.

– Извини, – тихонько сказал Ярун. – Это... Неожиданно. Ты и сам-то малыш... А она – не выше травы...

– Ну и что, – буркнул Сташка.

– Повернись. Давай решать... У нас есть Девичья башня, и твоя девочка... Твоя девочка?!

Сташка, ты – малявка, да и она – кроха, как можно об этом всерьез говорить?!

– Всерьез-то можно, – вздохнул Сташка. – Она у меня из головы нейдет. Дело в другом...

Она, кажется, про меня больше знает, чем я сам про себя... Но ведь не все же. Вдруг, когда я стану самим собой, в полной памяти – она отвернется?

– Все может быть. Если ты станешь прежним психом и опять начнешь вытворять черт знает что... Ох, нет. Сташка, чтоб твоя настоящая девчонка от тебя не отвернулась – ты стань собой настоящим. Стань лучше, чем раньше. Сильнее, умнее. Понял? Если правда сердечко задела – не смей ее предавать. Живи. Может, она правда – твое будущее. Растите. А пока... Если не в Девичью... Дай мне подумать. Обещаю, все с ней будет хорошо. Так... Главное – их сейчас нельзя отпускать на Берег. Тогда ты окажешься в опасности.

– Почему?!

– Не сможешь противостоять притяжению Берега. А если появишься там, еще вот такой маленький... Гай и даже сам Лигой недооценивают опасность, не знают, какой у тебя... склад ума и характера... А вот позже, как будешь в полном разуме – сам тебя туда отпущу. Тебе видней, что с Берегом делать.

– Позже... Ну, ладно... А Лигой – это кто?

– Наместник Берега, – усмехнулся Ярун. – Ему больше пятисот лет, а выглядит он на пятнадцать. Рассуждает примерно так же – юн. Да, – задумчиво кивнул Ярун. – Юн он слишком, чтоб с тобой совладать. Ты, мой родной, пока – доверься мне, ладно? Все узнаешь в свое время. Я тебя десять лет назад в лесу расти и не оставил главным образом из-за Лигоя, и уж во вторую очередь потому, что ты должен был обыкновенную жизнь узнать, вжиться в новое время... А Берег – это сказка, а не жизнь. Старая сказка. Иногда я бываю и в том твоём лесу, и на Берегу. У них там своя жизнь, они шастают по планетам Дракона и по сопредельным мирам, уводят-приводят волшебных деток, путаются под ногами у Ордена, у Службы Безопасности, безумно злят Макса, но больших проблем не создают. И с тех пор как Берег возник, нам не составляет особого труда всех их кормить, одевать и защищать от внешних воздействий.

– Вот как, – Сташка преодолел удивление. – Не настоящая сказка-то.

– Да настоящая, настоящая, – усмехнулся Ярун. – Куда уж более. Твоя, кстати. Эту-то сказку тебе удалось сделать реальностью... Но еще есть и статья в скрытом бюджете, и караваны грузов.

– А как вы их туда доставляете? В другое время-то?

– Волшебные корабли, которыми управляет Сеть. Секретная логистика, автоматика. Тут грузятся контейнеры – Сеть контролирует погрузку и отправку, корабль уходит в море и где-то под присмотром спутников Сети совершает переход во время Всегда. Там доходит до Берега и встает под разгрузку. Потом так же возвращается, но Сеть ведет его уже в другой порт и замечает все следы в документах. Не так и сложно, если не задумываться о физике времени. Продовольствие, вещи, учебники и детская одежда – в общем, это копейки, не жалко... Берег нужен, да, – Ярун взглянул мрачно: – Но... Гай едва не увел тебя у меня из-под носа к Лигю. Ярчика надо благодарить, что Лигой все-таки, когда ты был в Волшебном лесу у своих ребят, так и не пришел и не сбил тебя с толку. А то опять бы... По тому же кругу. Увлёкся бы сказками, игрушками.

– ...А кто такой Ярчик?

– Скоро познакомишься, – улыбнулся Ярун. – Вот-вот. Завтра.

– Завтра?!

– Ему надо привыкнуть, – Ярун вдруг погладил Сташку по затылку. – Не беспокойся, без твоего ведома ничего с Берегом Яблок не случится. А пока... Знаешь, когда я стал наследником, ко мне оттуда прилетел один старый дружок. Я его узнал. Не первый раз он мне расти

помогает. И потом прилетал и поиграть, и поиздеваться. Но сегодня утром он вернулся. Только не ко мне.

– Ярчик... – почему-то больно сжалось сердце.

– Ты его вспомнишь, родной. Это же Ярчик. Пусть с тобой поживет, сколько захочет, – он опять ласково погладил Сташку по макушке. – У тебя хоть будет компания в башне. Я знаю, тебе там одиноко.

– Да я привык, – растерянно сказал Сташка.

– Да-да, как же... Ярчик поймет, остаться ли... На рассвете явился, душу мне вынул, проглотил, молоком запил, пряниками заел и пошел спрятался в дальних комнатах. Дрыхнет сейчас, акклиматизируется. Ему тут не нравится, особенно зимой. Сказал, что завтра утром пойдет к тебе, что сразу – боится...

– Завтра... – никак не вспомнить что-то страшно важное, злое, связанное с именем «Ярчик».

– Да. А то у меня к нему еще есть разговор... А ты, смотри, с ним осторожнее, он, если говоришь глупости, кусается и пинается... Пойдем-ка обедать.

Сидение над красивыми тарелками, жесткие салфетки, тяжелые столовые приборы, запах блюд сначала тяготили, но точное подшучивание Яруна скоро заставило улыбнуться, потом засмеяться, – и он нечаянно попил молока. Спустя какое-то время под нос поставили тарелку с протертым супчиком, он возил-возил по нему тяжелую ложку, пока Ярун не сказал:

– Слушай, хищник, может, ты и предпочел бы вместо детского супа кабаньих бок или оленя на вертеле, но нельзя ведь еще сегодня. Ешь, что врачи разрешили.

– Ладно, – Сташка попробовал – вкусно. – А когда ты возьмешь меня на охоту?

10. «Око Дракона»

В холле Детской башне Кощей сказал:

– Ярун велел заменить тебе терминал и подсоединить новый к своей системе, чтобы ты посмотрел Совет. Чтоб начал учиться. И, хотя я думаю, что он опережает события, я это сделал.

В классе светился большой экран. Сташка с минуту посмотрел на еще безлюдный зал Совета, потом отошел к окну. Тихо падал крупный снег. Он перебежал в соседнюю комнату, открыл узкую балконную дверь и задохнулся от морозного воздуха. Темно, никто не увидит, и он осторожно выбрался на узкий балкончик, опоясывающий башню. Оставляя в пушистом слое снега темные следы, походил по балкону; замерзая, сгреб с обледеневших перил снег, слепил крепкий снежок и запустил в соседнюю башню. И угодил прямо в сердитый глаз каменного дракона – морда у того сразу стала дружелюбнее. Руки ломило от холода, самого уже трясло тугой дрожью, но уходить в тепло он не хотел. Горели белые огни на стенах, крупные снежинки медленно падали вокруг, пронизывая пунктиром синие тени от башен и зубцов стены. Алмазный дракончик на груди посверкивал золотыми, красными, фиолетовыми колкими искрами, а вокруг стояла такая тишина, словно никого больше во дворце и не было. Он застыл, вслушиваясь в одиночество до серебристого звона в ушах, но тут замерз уж совсем нестерпимо, до сдерживаемого визга. Очнулся и быстро скользнул в комнату.

Следить за Советом было интересно только сперва. Он плохо понимал, о чем говорят взрослые. Недолго развлекался тем, что оценивал отношения этих людей друг к другу и к Яруну – но ничего настораживающего не почувствовал. Это единомышленники. Все они были преданы Яруну, работали вместе. А работа была тяжелой... очень. Сташка слушать и то устал. Что-то там важное они наконец решили, и возникла долгая пауза в общем разговоре. Потом кто-то неожиданно спросил:

– А как... Мальчик?

– Статус Наследника я ему уже присвоил, – ответил Ярун. – Переход власти уже никак не может быть оспорен. Он Преемник. Дракончик.

– Мальчик уж очень не прост, – осторожно сказал сухой старик в светлой форме. – Все мы видели Лабиринт.

– И Корону Астралис вы видели, и лицо его. Да, это на самом деле Кааш Дракон, во всяком случае, даже более Дракон, чем традиция нам позволяет его идентифицировать, – кивнул Ярун. – Не узнать невозможно. Историки уже воют, я знаю. Но что будет, если мы подтвердим, что это Кааш? Надо защитить ребенка. Он мал. Пусть подрастет.

– В жизни ни одного ребенка с таким самообладанием не видел. И с самоуправством... – сказал Кощей, сидящий рядом с Яруном. – Его надо держать в ежовых рукавицах.

– Да, только смотри, как бы он их не отнял и сам не примерил.

– Этот может, – усмехнулся кто-то. – Я был на плато, видел... Эти лапки. Самые те, что нужны для примерки ежовых рукавиц.

– Верно, – усмехнулся Ярун. – Да только мальчик не о том сейчас должен думать. Пусть спокойно растет.

– Его лицо... Мало того, что он, как даже я убедился, Кааш, он же, оказывается, на тебя похож, – совсем угрюмо сказал Кощей. – Мелковат, правда, но видишь его – и сначала не о Кааше думаешь, а о тебе. Все решат, что он твой бастард.

Ярун пожал плечами:

– А это что, имеет значение? Имя я ему вернул. Сын или не сын – Дракон принадлежит ему. Это он – Астропайос. Кааш Дракон, не больше, не меньше. Маленький только еще. Пусть сидит в Детской башне и растет. Этот обычай именно ради него и был придуман.

– Сколько? Пять лет, десять?

– Нет, – вдруг рассмеялся Кощей. – Столько он не высидит. Я думаю, этот птенчик скоро рванет из гнезда.

– Да, – сказал до этого молчавший другой старик в черном. Кажется, это был сам Яда-Илме, глава Ордена. – Он настоящий. Я даже догадываюсь, когда он... Явит себя.

– Великие Мистерии, – кивнул Ярун. – Нет. Ни в коем случае.

– А если он сам решит?

– Это ребенок, – сухо сказал Ярун. – Ему десять лет. У него детский мозг, и нам всем нужно, чтобы он был в покое. А то он явил вчера, что там у него в подкорковых структурах, какие чувства. Никаких с ним контактов – никому. Особенно Ордену. Успеете... Ты тоже, Макс, оставь мальчишку в покое, хватит ему характер ковать. Давно откован и так закален, что нам в страшном сне не привидится. Если он этот кладенец в ход пустит... А он пустит, если пугать.

– Не очень-то испугаешь, – пробормотал Кощей. – Это не ребенок, это...

– Это Дракон, – усмехнулся Яда-Илме. – Сам Дракон, истинный.

Ярун тоже усмехнулся:

– Уж будьте уверены. Вы просто не понимаете, что это за существо, не представляете, на что он способен. Не будите лиха.

– Леги в курсе, что он тут, – сказал кто-то справа.

– Знаю, – кивнул Ярун. – А мы будем молчать. Преемник, Дракончик, бастард мой неизвестный – такие разговоры людей ему не повредят. Он другим занят. Ему бы с памятью своей совладать, а то раньше времени она его разорвет. И учиться ему еще сколько.

Сташка все выслушал. Про меч-кладенец ему понравилось. Про птенчика – нет. Про бездонную память, что разорвет ему мозг – сам знал... Да, интересно: неужели он правда настолько похож на Яруна, что его принимают за незаконного сына? Это стыдно – считаться бастардом. Может, Яруну – еще стыднее... Или нет? Сколько, Кощей проболтался, у него сейчас деток?

А память – правда, ну ее. Страшно.

Прав Ярун, еще учиться сколько, этим... государственным делам.

Ага... А главное-то во взрослых разговорах: что же это, такое-этакое, – Великие Мистерии?

Утром он проснулся поздно и долго валялся в постели, глядя, как переливаются цветные огонечки в прозрачных драконьих колючках под узким солнечным лучом из окна. Ожерелье с драконом с вечера лежало на подушке рядом. Вокруг привычная тишина, только чуть слышно тикают хриплые старинные часики под подушкой. Те, из игрушек... Сташка достал их, завел. У них завода надолго не хватает... Конечно, ерунда, если встанут, что они, игрушка, но все равно как-то не по себе. Пусть ходят. И тикают. Тиканье родное... Вокруг – дом.

Лениво он встал; умывшись и одевшись, опять вышел на балкон. За ночь его следы засыпало. С минуту он сосредоточенно ходил по снежку, стараясь угадать, где ступал вчера, потом решил, что все угадал и стал смотреть вокруг. В морозном бледно-синем небе истаивала кружевная полоска инверсионного следа. Внизу, здесь – все та же безлюдная тишина, что и вчера, и позавчера... И всегда. Только не так холодно. Хорошо бы, если б уже скорее наступило лето. Хотя здесь во дворце, где нет никаких кустиков и газонов, ничего и не изменится. Только степь снаружи будет зеленой. А потом – желтой и пыльной.

– Простудишься, – сказал Кощей, неслышно появившись в проеме дверей. – Служба не против твоих прогулок на балконе. Только надевай верхнюю одежду. Или тебе нужны няни, чтоб присматривали?

– Нет.

– Иди ешь, – Кощей усмехнулся. – Если хочешь. Доктора говорят, у тебя странный метаболизм. Не человеческий.

– Ты же сам сказал, что я чудовище... Незаконнорожденное, – тоже усмехнулся Сташка и прошел мимо него в комнату.

И тут же увидел совсем маленького, не выше Яськи, мальчика в золотисто-пушистом комбинезоне. Замер.

– Не будем развивать тему, – Кощей плотно прикрыл дверь на балкон. – Не советую выгуливать эльфа на балконе. Если он простудится – не вылечить. А они и так недолго живут в неволе. Разумнее поберечь.

Эльф был чудом, даже несмотря на то, что рядом стоял Кощей. Лица этого золотистого мальчика Сташка никак не мог разглядеть, так низко он наклонил лохматую, слегка светящуюся голову.

– А я думал, что у эльфов есть крылья.

Малыш блеснул изумрудным глазом сквозь спутанную светящуюся челку, а Кощей неожиданно смутился:

– Действительно есть. Но ты не первый, кому этот детеныш служит, и к нам он попал уже с ампутированными крыльями. Странно, что он выжил.

Сташке стало плохо. Он вдруг понял, что это пушистое – не комбинезон на нем, а собственная короткая густая шерстка, и все равно он, кажется, мерзнет. Или боится.

Кащей усмехнулся, еще взглянул на эльфа:

– Да, странное существо...хлопот с ним особых нет. Ест он все то же, что и мы – когда хочет. Смотри только, чтобы не мерз. И не заставляй долго летать.

– ...Летать? Разве он может?

– Крылья для эльфов рудимент. Они используют свет, чтобы летать.

Сташка подождал, пока за Кощеем закроется дверь и подошел к эльфу поближе. Тот попятился. Сташка тоже попятился, отошел подальше и сел в кресло. Он не понимал, помнит ли этого пушистого мальчика. Он слишком невероятен. Как из сна. Параллельная ветвь эволюции? Ой, нет... Нет... Он как-то связан с Сетью, он... Природа не создавала таких. А вот Сеть... Сеть могла. Но с какой целью? Не вспомнить... Эльф не поднимал головы. Он не был похож на обезьянку. Он не зверек, как хотелось бы думать Кощею. Просто очень-очень печальный мальчик в золотой шерстке... Он живой и настоящий. Он... Ярчик. От слова «яркий». А на самом деле это – Айр, «Око Дракона». Будущая девятая звезда. Но Ярчик этого не знает... Наверно. Он сам не знает, что он, как и Агаша, Кира, Митька в ЛЕСУ, – персонификация одного из мощных искусственных интеллектов Сети. С операционным доступом к собственному исходному коду. Для него стать звездой – значит перейти от одной платформы к другой, более мощной. Он и создан был с этой целью, чтоб Сеть стала умнее и мощнее... Сколько ж он уже ждет Сташкиной команды стать самим собой? Он помнит, наверное, про Сташку вообще все... Из-за шерстки он кажется толстеньким, но на самом деле под этой шерсткой хрупкие легкие косточки да жалкие жгутики мышц... Ни перед кем, кроме Яруна, Сташка не чувствовал такую вину.

Эльф вдруг поднял голову и прямо посмотрел жутко-зелеными глазами. Сташка закрыл лицо ладонями. Он испугался. Чтобы Ярчик стал звездой, надо его убить, вдруг понял Сташка с обдирающей кожу ясностью. И мальчика маленького в золотой шерстке – больше никогда не будет, а будет звезда. Для Дракона. Для этих крупных ярких звезд в черном бездонном небе. Ярчик знает это давно.

Ох, нет. Только не это. Пусть он живет, как есть, шерстяной, худенький, счастливый и не подозревающий, что он такое на самом деле... Создавать звезды Сташка и сам может.

– Уходи, – попросил Сташка. – Уходи скорей.

Маленькая холодная ладошка погладила руку, чуть коснувшись щеки. От его шерстки знакомо пахло сухой листвой. Потом он сел, притиснувшись к Сташке всем своим пушистым тельцем, как-то влез горячей башкой под его локоть и хрипловато сказал:

– Ты в прошлый раз тоже меня прогнал. И – что было? А так и ты бы жил, и я бы давно стал звездой... Нельзя больше меня прогонять.

– Я тебя плохо помню, – Сташка отнял руки от лица. – Только какой ты худой под своей шерсткой и легкий. Я сам-то плохо еще осознаю, что уже был.

Глаза у Ярчика были мальчишечьи, веселые – но мудрые.

– Был, – вздохнул он так же тяжело, как иногда вздыхал Ярун. – Ты вспомнишь. Ты всегда вспоминаешь. Только иногда поздно. Не прогоняй меня. Я буду тебе помогать. И вспоминать, и вообще. Я уже ведь долго живу. Много помню... Должен рассказывать тебе обо всем, что ты пропустил или забыл... Знаю все-все про тебя и про Яруна. А! Вот Макс тебя убить хочет, ты знаешь?

– Да, – усмехнулся Сташка. – Я ему мешаю.

– Он считает тебя бастардом. Незаконным ребенком Яруна, которого тот захотел сделать наследником в обход признанных детей. Тогда как сын сестры Макса – законный первенец Яруна и внук Даррида. Династический брак такой был заключен. Макс был уверен, что наследником станет этот его племянник. Воспитывал его соответственно. А тут вдруг – ты.

– А Ярун мне не говорил про своего первенца.

– Хочет сначала тебя покрепче к себе привязать. Он не подозревает, какие мысли у Макса в голове. Привык ему доверять. Ну, так ведь Макс и не подводил его никогда. Но в Драконов Макс не верит, кто ты такой – не понимает, хотя теперь ты Лабиринтом и Венком здорово сбил его с толку.

– А как ты все это... узнаешь?

– Знаю много. Просто знаю, и все. Мне не объяснить, откуда. Что я хочу узнать – знание приходит. Спрашивай.

Сташка кивнул своим мыслям: Ярчик – часть Сети. Интерфейс такой... Созданный давно, чтоб маленькому Тагу не было так тошно и одиноко в громадном летучем дворце... Созданный хранить знания, обучать, помогать вспоминать... А когда Таг вырос бы – Ярк стал бы звездой, и Сеть скачком поумнела бы... Но Таг не вырос, а погиб. Через индиктион Сеть восстановила его, и началось новое детство. Потом опять... Ярчик был нужен ему маленькому снова и снова... Где, когда было это детство – в летучем дворце? Они там жили... Вдвоем, что ли? Два малыша? Он и Ярчик? Облака далеко внизу... Ой... Ой, не вспоминать, не надо... Лучше спросить:

– Кто у тебя крылья отнял?

– Ты. Тебе тогда было нужнее.

– Когда?

– Давно. Сам вспомнишь, когда страдать по этому поводу перестанешь. Хотя ты вечно находишь еще более дурацкие поводы пострадать. Это связано с нарушением работы протеиновых рецепторов нейронов, распознающих уровень гормонов в крови. Молекула метила...

– Замолчи. Нашелся доктор.

– Вообще-то да, я много знаю о твоём здоровье. Я-то помолчу, но тебе не стоит недооценивать химию своего мозга. И свое прошлое. Просто это так глупо – быть заложником того, что, в общем, нетрудно победить, – он поднял к Сташке странную бледную мордочку, улыбнулся, и у Сташки, вспомнившего свой снежок, озноб прополз по спине. И его нужно будет убить? Вот этого живого волшебного умника? – Ты не бойся, – попросил Ярчик, будто прочитав его мысли. – Все будет не так.

– Где? Когда?

– Я еще не знаю. Отстань. Об этом рано думать. А вот о чем давно пора – так о том, как Гая выручить.

– Как? – Сташка вскочил. – Ты знаешь, где его держат?

– Его нельзя держать, он сквозь стены ходит. А твоя девочка – нет. Он ее не может бросить. Вот и сидит. Я расскажу, где... Ты им можешь?

– Ты знаешь! Да! – Сташка даже схватил его за мохнатые, но худенькие и сильные под шерсткой плечи. – Где они?

– ...А Ярун? Он не терпит, когда ты не слушаешься.

– Я ему объясню. Нельзя таких маленьких девчонок держать в неволе.

– Ты ее скорей спасай. И потом береги, – странно сказал Ярк. – Только она одна на всем свете может... Нет, рано об этом. Вырасти сначала.

Мгновение они молча смотрели друг на друга. У Сташки на миг закружилась голова. Потом весь он до краев налился пламенно-ледяной решимостью. Ярчик предложил:

– Вспомнить тебе невидимость?

Сташка почему-то сразу понял, что он имеет в виду. И минут через десять уже тихо смеялся перед зеркалом. Спасибо, Сеть. Ярк сидел на подоконнике и устало улыбался. Потом хриловато сказал:

– Что-то ты тяжелый очень. Я не могу больше. Отпусти меня пока. Сам придешь, когда будут вопросы... К себе самому.

– А? – не очень понял его Сташка. – Я думал, ты мне сразу все расскажешь...

– У тебя же есть Венок. Только он почему-то в Стограде.

– Ярун отобрал.

Ярк мгновение смотрел на него, потом засмеялся и нечаянно скатился с подоконника. Смолк. Глянул на сердитого Сташку и опять расхохотался.

– Котьке расскажу, – он даже всхлипывал. – И Митьке. Девчонкам не будем, они тебя любят очень... Это же надо! Нет, ты, наверно, уже сам себя боишься! – Он наконец перестал смеяться и сел на полу, взъерошенный и бесстрашный. – Да я знаю, каково тебе. Не сердись, что я смеялся. Просто для меня ты – самое главное. Ладно. Ты... Ничего не помнишь. А Ярун – тоже хороший. Только много, наверно, забыл. Вспомнит.

– Если раньше мне башку не оторвет, – Сташка пошел к шкафу. Там нашлись и теплая обувь, и куртка. И даже варежки. – Ты пойдешь со мной за Гаем?

– Сам справишься, – улыбнулся Ярк. – Через полчаса с западного двора взлетает гравитатлан в Стоград. Ускоряйся.

– Не вели мне, Ярчик, – попросил Сташка. – Это как-то неправильно. Лучше еще расскажи... Какой был Кааш?

– Посмотри в зеркало, – Ярк немного съежился. Что-то очень робкое мелькнуло у него в глазах. – Но... добрее тебя. Да... А Таг был добрее Кааша... Что ж, с каждым циклом ты что-то теряешь... А за время жизни восполнить – не успеваешь.

– Я все меньше человек?

– Смерть ожесточает, – вздохнул Ярк. – Прости меня. Мне надо уйти уже. Прости. Ты все сможешь сам.

Плевать на все запреты. Скорее, скорее! И вообще нужно быть бесшумным. Иначе это полтергейст будет какой-то. Он торопился. Глаза Ярчика мерещились ему в темных углах. Чтоб знать, куда бежать, пришлось поколдовать, и теперь слегка кружилась голова. Но бежать надо скорее. По широким черным коридорам министерств с зеркальными полами, мимо множества деловитых людей – откуда столько и зачем все они здесь? – как бы ни на кого не натолкнуться... Мимо Кощея, неожиданно вывернувшего из-за угла. Сташке удалось прижаться к стене. Кощей едва не задел его локтем, продолжая говорить вполголоса в прижатую к уху трубку:

– ...не в мальчике проблема, а в Яруне. Это Яруна надо спасти. Чудовище... Да просто мороз по коже. Дети такими не бывают. Пусть убирается, откуда пришел, упырь. Откуда? Да с того света – если верить их сказкам про реинкарнацию – так, значит, упырь... Паршивый фольклор, ты права. Но он правда чудовище. Поэтому не будем медлить – пока не было Представления и народ не знает. Можно заменить нормальным наследником, пока Ярун еще не показал всем этот ужас. А это – это что-то жуткое. Что-то... Бесчеловечное. Какая-то непонятная скверна. Но еще все-равно – ребенок, в чем-то наивный... и нервы дрянь. Сам в любой момент может себя погубить. По глупости. По самонадеянности. А вот Арес станет прекрасным наследником. В конце концов, он тоже сын Яруна и внук императора...

Сташка шел за ним, как на веревочке. От страха заболел живот, но он сообразил, что Кощей идет тоже на западный двор. И Кощей был в длинном черном пальто – значит, полетит в город? Что, с ним лететь?

– ...Это будет похоже на обычную детскую глупость... С каких это пор, дорогая, тебя волнует душа Яруна? ...Нет, не смешно. Все, сестренка, я спешу, завтра поговорим...

Сташка так и следовал за хмурым Кощеем, стараясь не шуршать курткой, и так же в шаге от него поднялся на борт гравита. И бесшумно приткнулся в уголочке. ...Неужели Ярун не знает, с каким человеком вынужден считаться? Разве не предательство – замышлять убить ребенка собственного друга? Как там Ярун сказал – соратники... Предположить, что Ярун не знает сути господина Максимилиана? Ведь что-то заставляет самого опытного и мудрого на свете человека доверять ...этому бледноглазому...

Надо научиться неслышимости. А то сиди и не дыши... Кощей скинул пальто и сел у иллюминатора с какими-то ожидавшими его двумя военными. Заговорили они о каких-то энергоблестах, и Сташка не стал вслушиваться. Они были поглощены этим разговором, пилоты же вообще ни на что внимания не обращали, и Сташка настолько успокоился, что даже тихонечко расстегнул жаркую куртку.

Облака стремительно летели вниз, мохнатые, опалово-дымчатые, тяжелые. Кощей в глазах Яруна – главный попечитель Сташки, и Ярун ему признателен в том числе и за то, что Кощей вынес его из крипты... Ярун мысли не допускает, что Кощей хочет Сташку, новое воплощение Кааша, убить. Он Кощею до-ве-ря-ет. Ведь Кощей так тонко ведет себя. Даже со Сташкой говорит по-человечески, приручает... Как на самом деле глупостей не натворить? Может, рассказать Яруну? Он поверит? А факты? Сташка вспомнил, как Ярчик катался по полу от смеха, и сам усмехнулся. Если это действительно его Венок – кто может отобрать? Надо же быть таким дураком. Это не Венок его убьет. Это без Венка его тут аккуратно умертвят так, что даже и Ярун не догадается... Интересно, а какой он – Арес, законный сын Яруна? Внук императора... А Кощей – сын императора... Кем же Кощею приходится этот Арес? Он говорил по телефону: «Сестренка», да, у императора Даррида была дочь... Династический брак, сказал Ярчик. А, ну да. Есть у Кощея сестра. Супруга Яруна. Значит, Арес – Кощею племянник. Ярчик так и сказал.

Спустя час он крался вслед за Кощеем по подземным коридорам большого мрачного здания в центре Стограда. В любом государстве должна быть служба безопасности. Он начал понимать, что Кощей на самом-то деле Яруну верен полностью, что именно из верности убежден, что без Сташки всем будет лучше и ничто государственную стабильность не нарушит. Из-за этой верности Сташка не мог его ненавидеть. Понятно, что за десять сташкиных лет Кощей привык считать его всего лишь незаконнорожденным ребенком Яруна, позором императора или как там... в общем, тем bastardом, которого надо прятать подальше... Приязнь Яруна к своему bastardу он еще мог простить, пока этот bastard не прорвался к трону. Остров и Лабиринт сбили его с толку. Венок и крипта – заставили счесть настолько опасным, что он принял решение Сташку побыстрее уничтожить. Но почему? В чем его выгода? Этот Арес,

сын Яруна – чем он устраивает Кошея? Племянник, просто ребенок, а не умник-упырь, им можно будет управлять... И ничто не нарушит стабильности в государстве.

Он заставил себя отстать от Кошея. Тот и так уже раза два оглянулся на его невидимый, но, видно, осязаемый, свирепый взгляд. Сташка свернул за угол коридора. Покрутил головой, прислонился к стене и закрыл глаза, чтобы не видеть круглых, тошнотворно розоватых светильников. Сосредоточился. Потом торопливо побежал к лифту... бегал он уже почти совсем бесшумно. Еще два этажа вниз. Точно такой же серый коридор с точно такими же розоватыми светильниками. Только перегороденный в нескольких местах толстыми прозрачными мембранами. Но электроника замков в их узких прозрачных дверках молча, не поднимая тревоги, сдавалась с одного прикосновения. Спасибо, Сеть.

Наконец черная дверь в стене с непонятной желтой табличкой. За ней держат Яську? Маленькую девочку? В подземной тюрьме для преступников?

С яростью уже почти невозможно справиться. И невозможно будет это простить им – Кошею. И Яруну.

Да: и Яруну.

Замок легко хрупнул, и Сташка, цепляясь курткой, протиснулся в щель. Внутри все было выкрашено в невыносимо розовый цвет. Не страшно. Ковер на полу толстый, игрушки, на столе под высоко повешенной лампой сидит красивая лупоглазая кукла... Гай, сдвинув брови, испуганно смотрел на приоткрытую дверь, а Яська спала в уголке кровати... Сташка узнал ее по шемящей нежности и тревоге, плеснувшей под сердце, хотя не было рыжих косичек, и платье не сказочное зеленое, а серенькое... Он очнулся и торопливо скинул с себя невидимость:

– Это я.

Яська открыла глаза и подняла стриженую лохматую голову. Да какому извергу понадобилось косички-то ее отстричь?! Гай молчал, но глаза у него сделались неправдоподобно огромными. Все это время... Эти месяцы, что он читал учебники и плавал в океане... Эту неделю его паршивых страхов... Они были здесь. В тюрьме. К Лабиринту, видите ли, надо было готовиться... Ярун, видите ли, его покинул... Превозмогая вину и стыд, Сташка сказал:

– Пойдем скорей отсюда.

– Да, – медленно кивнул Гай. И вдруг вскочил: – Да как ты вообще про нас узнал? Как сюда попал?

– Эльф сказал, Ярчик, – торопливо отмахнулся Сташка, боясь взглянуть Яське в глаза. – Давайте скорей.

Гай торопливо подхватил вяленькую, не отводившую от Сташки глаз Яську на руки, и закутал ее в свою куртку. Сташка, как одеялом, накрыл их невидимостью. Как выбираться? Куда? Гай сказал:

– Нам бы только на крышу. А если там солнце...

– Улетишь? – изумился Сташка.

– Вроде того. На родной планете на Берег мы умеем мгновенно возвращаться из любого места. Только солнце нужно, живое, чтоб лучи... В них такая... сила, что ли. Переносит домой на Берег... А нам сказали, ты про нас не помнишь.

– Нет, вас я помнил. Простите, простите, что так долго... Я был далеко. И они ввали мне, – Сташка торопливо, но тщательно открывал и закрывал замки, чтобы они не подняли тревожный визг. – А потом Лабиринт, а потом в башню посадили, и я боялся удрать...

– Лабиринт? – Гай замер в створе лифта.

– Да, – Сташка впихнул его в кабину и нажал самую верхнюю кнопку.

– Ты был в Лабиринте Императоров?!

– Конечно. Только я его развалил, – Сташка почесал взмокший под теплой шапкой лоб. Поймал пристальный взгляд Яськи и смутился. – Простите меня, что я так долго не шел. Я не знал, где вы.

Гай отмахнулся:

– Да это понятно. А ты теперь – Дракон? Ярун признал тебя? Ты правда – Настоящий? Тебя охраняют?

– Уймись, – попросил Сташка. – Все пока в порядке. Если сейчас не поймают. Ярун... Хороший, но он не хотел вас отпустить, чтоб я не пошел с вами на Берег.

– А разве ты не пойдешь с нами?

Сташка споткнулся. Берег – это рай. И Кощея там нет. Только и Яруна там нет. И Венка. Но там будет Яська... Поэтому Берег действительно будет его к себе тянуть. Яська все смотрела и смотрела на него зелеными, как сказка, глазами. Он ей виновато улыбнулся. А она вдруг тоже улыбнулась и серьезно, совсем как большая, сказала:

– Еще не время.

Они молча вышли из разъехавшихся створок лифта и поспешили в конец коридора, в торце которого сиял голубой квадратик неба. Яська впервые отвела от него глаза и смотрела вперед.

Гай на ходу сказал:

– Извини. Я глупость спросил. Раз уж ты попал сюда, значит, тебе сюда и нужно было. Ты же – настоящий.

По узенькой лестнице в конце коридора они стали подниматься выше. Сташка занимался замками и молчал. Его смутно тревожило, что никого в этих коридорах не попалось им навстречу – работают люди? Заняты? Не до малышни? Или все подстроено? Кто же знает меру коварства Кощея... Или Сеть помогает? Это она сейчас перенесет Гая и Яську домой. Она работает на фотонах, Сеть. Чем больше звезд в созвездии, тем Сеть мощнее... Она могла бы и Сташку отнести на Берег. Прямо сейчас. Но... Нельзя.

Морозный свет лился с неба. Солнце стояло в серебряном тумане, и Сташка забеспокоился:

– Вам хватит столько солнца?

– Хватит, – Гай поплотнее закутал Яську в куртку. – Главное, чтоб она его увидела... Она дома поправится... Они знают, что мы умеем по солнцу, хоть по маленькому лучику, потому и запрятали под землю. Хорошо, что ты успел.

Успел? Куда?

Яська вдруг закопошилась, выпростала тонкую руку и на растопыренной ладошке протянула Сташке деревянное узенькое колечко. Сташка непонимающе взглянул на Гая. Тот, глубоко вздохнув, сказал:

– Бери... Это... Нет, пусть она сама тебе потом скажет. А если ты бросишь его в землю, оно как семечко – сразу, мгновенно, вырастет сад. Хоть на голом камне. Или даже здесь, в городе. Хоть сквозь асфальт.

– Насовсем вырастет? – удивился Сташка. – Настоящий?

– Игрушечный, что ли, – Гай подождал, пока Сташка возьмет колечко и снова укутал закрывшую глаза Яську. – Ну, мы пойдем. Ей тяжело.

– Спасибо, – Сташка посмотрел в бледное лицо девочки и перестал дышать, чтоб не заплакать от тоски и еще чего-то мучительного. – А мне потом... как-нибудь... можно будет вас повидать?

– Только уж ты сам к нам, ладно? Мы тебя ждать будем. Прощай пока...

Они исчезли, так и оставшись невидимыми для всех, кроме Сташки. На мгновение в небе повис золотой след и растаял. Накатило облегчение. Гай и Яська теперь в безопасности. Облегчение сияло в сердце зимним солнцем, огромное, прозрачное – не заплакать бы. Сташка укрепился. Ладно, все теперь с Яської хорошо.

Яська... Малявка, девчонка крохотная... От земли почти не видно... Яська... Вдруг почему-то стало больно, что не он сам нес Яську на руках, а Гай. Сташка понял, что точно

расплатится, если еще немного постоит здесь, под этим беспредельным зимним небом, и побежал вниз.

Надо надеяться, у Сети хватило ума не выдавать Яруну, чем занят Сташка? Если Сеть хочет, чтоб он взял Венок, и даже подслала Ярчика с его издевательским смехом – так ведь должна все сделать, чтоб Ярун думал, что Сташка сидит в Башне? Хотелось бы.

11. Звезда лучше

Выскочив на морозный, в синих тенях, простор площади, под белое солнце и высокое небо, он бросился бежать. Снег как праздник сверкал под ногами. Он так давно не бегал на улице! Под открытым небом! И один, совсем один в городе! Да, только подальше, скорее подальше от этого мрачного здания с колоннами и тюрьмой в подвале. Да, заведение нужное, вот только Кошей... Скоро он запыхался, устал и, свернув в улицу, перешел на шаг, чтоб не налетать на людей, зорко и жадно глаза по сторонам.

Стоград, столица Дракона. Но этих недавно застроенных пространств Сташка не узнавал. Новый тут город совсем: площади, проспекты, мосты... Не его город. Но все такое поразительное, что он порой останавливался и, как дикарь, глазел, задрав башку, на невероятную красоту. Не вполне даже понимая, что перед ним за здание и зачем. Архитектуры такого уровня он не встречал еще нигде. Мощь.

Опасности и тем более погони он не чувствовал, и спустя полчаса решил вытаять из невидимости. Потому что сил что-то маловато. Люди вокруг ходят, обычные, нестрашные, красивые. Женщины, дети. А по той стороне улицы мальчишки бегут. Он зашел в мраморную колоннаду какого-то огромного музея и придирчиво оглядел себя: куртка у него такая же, как у пробежавших мальчишек, даже с таким же смешным гномьим капюшоном, только черная и немножко длиннее. И ботинки. И выглядит он в черных узких штанах так же голенасто, как они. Платье, правда, на нем не простое, а дворцовое, только его тяжелый узорный подол из-под длинной куртки не высовывается. Так что никакого особого внимания он к себе не привлечет. Не сразу решившись, он сбросил невидимость, вышел из-за колонн и огляделся. Свобода, пахнущая морозом и солнцем.

Ну, и куда идти?

Яруну уж, наверно, сказали, что он удрал. Только это почему-то кажется сейчас не страшным. И не важным. Важно то, что опять тянет, настойчиво тянет по невидимому Пути. Вон туда, в старый город, на тот берег, за Арсенал, за путаницу каналов и малых рек. Как далеко!! Ничего, дойдет. Ведь после Лабиринта он куда отчетливее понимает, куда надо мчаться. Он посмотрел на солнце. Наверное, как и Гаю с Яськой, оно помогает находить Путь. Потому что оно – часть Сети. Бедная. Как она замучилась уже с ним, таким тупым без Венка...

А куда идти – да к Венку же! Он и в Лабиринте шел, похоже, не сколько к Яруну, сколько к Венку. Венок никогда не предаст. Венок не будет хватать и трясти, не обзовет чудовищем и мерзавцем... Нет, Ярун, конечно, родной, но... Но у него бывают ледяные глаза... И он врал про Яську.

Где же тут этот главный Храм Дракона, как туда быстрее попасть и чего там нужно бояться? Его тянуло к Венку так, что, казалось, закрыть глаза и Сеть поднимет и понесет, как воздушный шарик. Он улыбнулся и пошел быстрее. Точно так же его вело к Венку в Лабиринте.

Под ногами сиял белый снег, сверху низкое солнце обливало его серебряным зимним светом. Все так просто! Это не Ярун, это Кошей хочет, чтоб у Сташки не было Венка. Потому что с Венком он защищен. Кошей хочет, чтоб его не было? Понятно, почему. Но он все равно будет. И тем, кем должен быть. А не испуганным ребенком. Когда-то он ведь ушел в Храм из Дворца, и был даже младше, чем сейчас. Наверное, надо уйти снова? В Храме-то его никто никогда маленькой деточкой не считал. Чарам, как и Сети, все равно, сколько ему лет. Чары тоже никогда не предадут. Он там в Храме быстрее вспомнит все нужное. Все то, по сравнению с чем бегать невидимым – это буквы в детской азбуке!

День стоял в самой своей середине, все вокруг было восхитительно интересным. Почти не попадался наземный транспорт, но над домами по обозначенным какими-то невесомыми яркими штуками трассам летали люггеры с блестящими днищами. Где бы такой взять? А то

что-то холодно. Хотел зайти погреться в кофейню, съесть какой-нибудь коржик – а денег-то нет, ни копейки. Не отдирать же сапфиры с тяжелого подола... Он забрел в жилой квартал – не слишком высокие, красивые белые дома с большими редкими окнами – вошел в ближайший двор. Вот как тут обычные люди живут. Красиво. Только никаких деревьев нет. В просторе и пустоте между домами была огромная детская площадка с качелями, всякими лесенками и лазейками, мостиками и башенками, с сооружениями, напоминающими звездолеты. Все это окружало извилистое рельсовое кольцо. Невдалеке стоял белый с синим вагончик, похожий на старинный трамвай. И, кажется, не игрушечный, а настоящий. Нарядный, как подарок. И что – пройти мимо?! Народа вокруг не было, только тетеньки с малышами в дальней от Сташки стороне возле малышей лошадок и качалок. Он подошел к трамвайчику и забрался внутрь по серебристой лесенке. Узорчатые стекла, синие сиденья, лопатку красную кто-то забыл... Шикарная игрушка – настоящий трамвай! Он уселся на водительское место и начал рассматривать и трогать все кнопки и блестящие рукоятки.

– Хочешь проехаться? – звонко спросил кто-то.

– Я не умею. Только смотрю, – оглянулся Сташка.

Рядом стоял мальчишка в синей великоватой куртке. Синяя штанина на коленке была продрана и неумело зашита. И вообще он был встрепанный, словно только что проснулся. Только все равно хороший. Как солнечный лучик.

– А ты что не в школе? – он разглядывал Сташку большими серыми, в коричневую крапинку глазами, и что-то в его взгляде очень напоминало Гая. И улыбался он похоже. – Выгнали?

– Сам убежал, – Сташка тоже улыбнулся. – А ты?

– А я тоже сбежал. Ты в этих домах живешь?

– Нет. Просто посмотреть зашел. А тебя как зовут?

– Вирлир, – он посмотрел серьезнее. – А тебя?

Сташка помедлил. Но не врать же, и он сознался:

– Сташ Дракон.

Мальчик отпрыгнул и побледнел. Крапинки в его испуганных глазах стали заметнее. Он отошел еще немного и сердито сказал:

– Такое имя только одно!

Сташка пожал плечами:

– Ты ведь тоже назвал свое настоящее имя.

– Если ты правда царевич, то мог бы и соврать.

– Зачем? – удивился Сташка. – Это тебя мне бояться, что ли? Я ж вижу, что ты с Берега.

– А что, заметно?

– Мне заметно.

– Тебе – пусть, – он застегнул воротник куртки. – Если ты не сочиняешь, конечно. Хотя по глазам-то видно...

– Что видно?

– У тебя глаза Яруна. Да и взгляд... Ох, тяжеленький. Только как это ты – тут? И один? Не во дворце, не сидишь на троне?

– Я же говорю – убежал. Ненадолго. По делам. А ты что, боишься?

– Нет, мне просто пора, – он спрыгнул из трамвайчика на снег. – Пока.

Сташка отвернулся, ничего не сказав. Потренировал звоночком и вздохнул. Кататься расхотелось. Глянул – Вирлир стоял на месте и через проем входа смотрел на него. Сташка нахмурился:

– Уходи, раз пора.

– А ты правда царевич?

– Правда.

– А что ты шляешься тут один?

- Что ты ко мне пристал?
- Если ты настоящий, то тебе нельзя одному.
- Почему?
- А если с тобой что-нибудь случится?
- Думаешь, во дворце безопаснее?

Вирлир сунул руки (у него дрожали пальцы) в карманы и устался под ноги. Потом посмотрел с ужасом и решимостью:

- А я тебе могу помочь? Тебя спрятать?

– Нет, – усмехнулся Сташка. – Ты город знаешь? Можешь меня быстро отвести в главный храм? На метро или еще там как-нибудь... А то по чутью я отсюда дня два буду идти. Это ведь далеко на том краю города.

– Пойдем, – оторопело согласился Вирлир. Нервно рассмеялся, когда Сташка спрыгнул к нему и, глядя сверху вниз, покрутил головой. – Я тебя не так представлял. Думал, ты старше...

- Еще успею...

Они двинулись по улице, едва не держась за руки. Сташка стеснялся болтать, Вирлир тоже молчал, только все время косился. Когда он споткнулся в очередной раз, Сташка спросил:

- Ты сам – что здесь делаешь? Почему ты не на Берегу?
- Чтобы другие могли туда попасть.

Сташка кивнул:

- Ты – Гонец, да, как Гай?
- Ты Гая знаешь? Я его тут ищу... А то он пропал...

– Он уже на Берегу. И Яська тоже. Больше не ищи... Но ведь вы уводите только тех, кому тут плохо?

- Только ничьих.
- Каких?

– Кому не вжиться иначе. Кого просмотрел Орден. Они ведь тоже ищут деток с Даром. Ну, тагетов, иначе говоря.

- Тагетов?
- Был такой волшебный человек. Его звали «Так».

– «Таг», – нечаянно поправил Сташка. В нем опять что-то начало было всплывать, но он испугался, и знание снова ушло на дно.

Вир внимательно посмотрел на него и кивнул. Сказал:

- Нам в метро.

С полчаса они ехали на одном поезде, потом перешли на другую линию, и ехали так долго, что Сташка едва не задремал стоя. Вагон постепенно опустел. В черном стекле отражались два мальчика, постарше и помладше, которые куда-то едут после уроков. Это не один испуганный, которого уже, наверно, везде разыскивают. Он подумал о Яруне, и знобкая змейка скатилась между лопаток. Что сказать ему? Или не возвращаться? Как его простить за Яську?

Наконец они поднялись наружу, и вместе с морозом Сташку овеяло такой близостью Венка, что казалось – только руку протянуть и схватишь. Спасение, самая надежная защита, тепло? И еще вдруг возникло чувство, будто он идет освобождать из плена кого-то родного. Как будто снова к Гаю и Яське. В груди начинался прозрачный пожар. Вирлир разволновался:

- Что с тобой?

– Тороплюсь... – Сташка уже почти бежал по знакомой улице, узкой и старинной – Стограду больше тысячи лет. Дома вокруг стояли темные, древние, знакомые, казалось, он узнает их карнизы и арки, кариатид под балконами и тяжелые фонари. Людей было мало, все провожали их взглядами. – Куда теперь? Хотя я сам уже знаю, не говори... А что все на нас смотрят?

– Старый район. И слишком близко храм, школ тут нет, а на просто любопытных мальчиков мы не похожи. Давай скорей. А зачем тебе туда?

– Там... – Сташка поймал себя на том, что вообразил вместо Венка мальчика с бездонными всезнающими глазами – вроде Кааша, или хоть Ярчика, или Котьки – но ведь это только вещь! – Там Венок. Корона Астралис. Ты знаешь, что это?

– Нет... – растерялся Вирлир.

– Тогда не надо пока. Слушай... Спасибо. Я дальше лучше один пойду. Я дальше уже помню. Вон до угла, дальше вдоль канала, потом через Фонарный мостик и...и все, уже будет видно.

– Твоя воля, – беспомощно улыбнулся Вирлир, и показался вдруг Сташке гораздо младше, чем был только что. – И... Что-то я в Лицей не пойду. Я должен Лигою рассказать, что тебя видел. Можно?

Сташка пожал плечами, бегло улыбнулся:

– Лигоя я не знаю. Вот Гаю передай привет, а он знает, кому еще передать. Спасибо тебе. Встретимся еще потом. Береги пока Берег. Пока, – он уже изнемогал от нетерпения, потому еще раз улыбнулся Вирлиру, быстро схватил и пожал его замерзшую ладонь – и бросился к храму бегом. В конце квартала обернулся, помахал рукой темной растерянной фигурке и дальше уже не оглядывался.

Узенький черный обруч. Интерфейс Сети. Сама Сеть. Непостижимое устройство, дающее знание всего обо всем, и власть, и безмерную силу, и хранящее всю его память о прежних жизнях, – симбионт, оставленный здесь кем-то для него, для мальчика Сташки, и это его вещь, и это она притянула его сюда. Спасательный круг. Иначе он умрет или растает, как выдумка.

И этот Венок нужен той сути, что дремлет на дне бездонной шахты в его памяти. Той сути, чье имя – Кааш. Нужен, чтоб все вспомнить, все понять – и не сойти с ума, не испепелить этот вот десятилетний мозг, не растерзать нежное маленькое сердечко, что дрожит в груди и боится могил, старых игрушек и слова «незаконнорожденный».

Он пробежал мостик над белой лентой канала, дома наконец расступились, и, крыльями по бокам Храма, огромным горизонтом раскинулась степь, за край которой садилось покрасневшее солнце. Неужели вечер?

Золотистой полосой шла к храму со сверкающими темными крышами неширокая дорога. Сташка перескочил невысокий барьер из продолговатых гранитных глыб, огромным кольцом замыкающий пространство вокруг белых зданий. Он где-то читал, что дальше этого кольца Ордену нельзя распространять самые древние и опасные чары. Или он давно это знал? Тьфу. Какие чары? Это просто граница, диаметр первого из его Кругов. Люди работают внутри храма, на золотом Круге, простом, поддерживающем стабильность и единство созвездия. А он будет работать на своих, повыше... Этот вот первый, Белый; дальше, в границы которого входит город – это Синий Круг... Потом еще и еще, а самый большой, Черный, вписан своей окружностью в сам громадный батолит континента.

Он ничего не боялся. Но волосы почему-то колюче зашевелились под шапкой. Остановился, разволновавшись до дрожи. Дальше пошел медленнее. Он, конечно, знает, что делает. Ему необходим его родной Венок. И все Круги. Даже Черный, страшный. Потому что все может быть. Только что будет дальше? Когда возьмет? Как он посмотрит в глаза Яруну? Остаться в Храме или вернуться во Дворец?

Скоро он прошел между двумя высокими белыми башнями и оказался внутри замершего башенного хоровода. Но не правильный какой-то хоровод, не замкнутый. Значит, еще башен не хватает? Раз, два, три... восемь. Как богов. Или звезд. И нужна еще девятая, раз есть свободное место в этом храмовом хороводе? Звезда нужна... Давно нужна. Как страшно.

Посреди стояло еще одно белое здание, величественное, похожее на кристалл, и не очень высокое. Прекрасное. Большие двери были открыты. Сташка посмотрел на узкие окна башен вокруг, на синие тени внизу. Почему и здесь никого нет? И ни шороха, ни звука. Как во сне. Правда, все как во сне, только сон-то что-то очень уж знакомый... Но он не мог вспомнить, когда снились эти синие тени и башни. Он отважился и вошел внутрь. Здесь пахло чем-то очень знакомым и хорошим. Он снял шапку и пригладил лохматые горячие волосы. Решил вести себя тихо. Надо пойти посмотреть, как там теперь. Что они там делают. И он даже без зова Венка помнил, куда идти.

В огромном, без украшений, просторном зале, неярко освещенном в несимметричном порядке установленными светильниками у некоторых статуй звезд созвездия, шла какая-то служба. Пятеро пожилых людей в черном – почему правильно, что пятеро? Что это такое он помнит? – по очереди вполголоса читали по старинным книгам. Чуть подалее, черными полукругами с пятнами лиц, стояли остальные священники, около двадцати, от стариков до совсем молодых людей – это парни-сигмы, которые работают ежедневные Службы на Золотом Круге. А впереди – шеренга серьезных мальчиков – сильно вздрогнуло сердце от счастья: «мои ребята!» – чуть постарше Сташки, тоже сигмы, будущие работники... Элита нации. Результат многих веков отбора и селекции... Потому что обычного человека даже Золотой Круг, если активен, прикончит в два такта. Он еще посмотрел на мальчиков, на парней, на взрослых дядек, на стариков. Орден. Помощники. Прошрое и Будущее.

Ему показалось очень нехорошо, что в зале почти темно и тихо. Ведь, когда служба, весь храм должен звучать. Петь... Сиять... Наполняться силой и невидимым огнем, который покроеет стены отражением небесных узоров. Подумав, Сташка скинул куртку, спрятал за тяжелую распахнутую дверь, наконец посмотрел в сторону Венка – они положили его в пол?! Они живой, милый, теплый Веночек накрыли толстенной гранитной плитой?! Сташка вмиг перекинулся в невидимость и пошел в центр зала, к Венку. Он рассердился, и все равно стало, чем торжественным они заняты. Они не имели права хоронить его Венок. Пусть в каком-то специальном месте, пусть тянутся невидимые веревки чар от каждой статуи, и внизу под Венком какая-то клубящаяся сила – но нельзя же так! Сташка вздохнул судорожно. Вообще весь Храм, и каждая башня, и подземелья, и даже внешнее кольцо из каменных глыб – все сковано с Венком, будто он центр невидимой паутины. Просто так его вытащить отсюда нельзя. Он сел на пол возле Венка, положил над ним ладонь на гладкий пол и попросил:

– Ты потерпи. Я уже пришел, только не знаю, как тебя выпутать.

Венок согрел ладонь сквозь камень, и Сташка отчетливо понял, что выпутывать Венок из точно присоединенных силовых линий не надо, что Венок предлагает взять его вместе со всей этой невидимой паутиной. Вместе со всем Храмом. Не просто с этим вот сложным красивым зданием, а со всем Храмом созвездия. Со всеми здешними Кругами. Со всеми Кругами на всех планетах. Со всем Орденем, с энергетикой и высокими небесами. Со всей Сетью. И это не Храм присоединили к нему, а сам Венок подсоединился к этой огромной энергетической системе, как только Ярун положил его сюда. Знал, значит, куда положить! Слегка опешив, Сташка засмеялся было, потом успокоился и стал внимательно изучать весь этот энергетический контур. Ох, да почему ж так темно?! Надо свет!

Косматым, синим энергетическим шаром его дикая энергия через Венок ухнула вниз, что-то там взболтала до брызг, тут же взмыла вверх, зазвенела по всем струнам и умиротворенно, будто так и надо было, растеклась по внешней сфере Храма. Тайные узоры стен исподволь, чуточку, начали светиться синим – стало заметно светлее.

Священники постарше стали переглядываться, из середины толпы вышел знакомый высокий старик, Яда-Илме, кивнул смолкшим было Привратникам и стал пристально оглядывать зал. Сташка ни на секунду не усомнился, что этот динозавр с пронзительными глазами любого невидимку разглядит – но тот вдруг отвернулся и быстро приказал что-то рядом стоя-

щему. Хватать Венок прямо сейчас или подождать? Было жутко. Перед той зверюгой звездной у себя самого внутри, перед Яруном, перед этими людьми – вдруг они обернутся врагами.

Взрослые парой слов пресекли оживление среди мальчишек, показывающих друг другу синие текучие узоры на потолке и стенах, и ушли с ними через боковой ход. В зале остался только Яда-Илме. Сташка позвал Венок, и тот, как из воды, всплыл из камня. Счастье взять его в руки вновь заполнило его сияющим зимним солнцем. А когда надел на голову, все эти, небесной чистоты, псалмы Круга ожили в разуме, будто он пел их только вчера. Надо спеть... Надо, чтобы храм ожил. Только страшно сделать какую-нибудь ошибку. И больше из-за того, что все это, переполненное энергией колесо Храма, в ступице которого он стоял, уже принадлежало ему. Он даже зажмурился мысленно, представив, сколько это чистой силы. Слегка повертел взад-вперед невероятно послушное огромное и невесомое колесо, поправил, как надо, и сразу синие узоры на своде и стенах стали ярче. Яда-Илме замер. Сташка улыбнулся. И тихо, под никому не слышную музыку, которую начал, угадав его волю, Венок, запел. Постепенно поднимая голос, следил, как золотом оживают линии Круга и храм начинает сиять... Ну вот. Он по-настоящему дома. Можно выйти из невидимости. Счастье петь среди этих родных синих пылающих, рождающих музыку узоров слегка приподнимало его над черным полом. Храм звучал и сиял. Все так, как надо.

– Здравствуй, – сказал Яда-Илме, когда все смолкло. – Пришел все-таки... Сташ.

– Здравствуйте. Извините, что я... Сам. Без спроса.

Не сразу Яда-Илме печально кивнул. Сказал:

– Это большая радость, что ты пришел сам...

– Я вообще-то за Венком, – признался Сташка. – Круг уж так, кстати, откалибровал.

– Понятно... Беда, что ты пришел... Так. И что мы не смогли встретить тебя, как ты заслуживаешь. Известить Яруна, что ты здесь? Как ты велишь?

Ярун, конечно, в бешенстве, в ярости от его своеволия. До сих пор он старался о гневе Яруна не думать, но сейчас ужас его настиг и заморозил от макушки до пальцев на ногах. Но он не покажет никому, как страшно будет встретить первый взгляд Яруна! И гнева в нем из-за Яськи не меньше! Из-за того, что маленькую девчонку заперли в подземной тюрьме, из-за мерзкого слова «незаконнорожденный», из-за того, что больше нельзя Яруну доверять!

– Теперь он уже знает. Я ведь забрал Венок.

– Он сам приедет за тобой, – с той же печалью сказал Яда-Илме.

– Он уже едет. Вопрос в том, поеду ли я с ним.

– ...Твоя воля, – явно ужаснувшись, слегка поклонился ему Яда-Илме. – Только не спеши решать. Выслушай Яруна.

– Да, – пришлось согласиться. – Да, я сам пока не знаю, что правильно: вернуться к нему или тут жить остаться, ну, как раньше.

– Ярун будет против, – старик вздохнул, оглядел Сташку, спросил: – Можем ли мы пока просить тебя принять подарок? Несколько игрушек.

– Какие игрушки? – с досадой сказал Сташка. – Мне только Венок нужен. Дракона я ведь уже взял. А игрушки-то мне зачем? У меня полная Детская Башня моих прежних игрушек!

Яда-Илме неожиданно шагнул к нему и погладил по плечу:

– Успокойся. Вот именно сейчас – успокойся. Что бы там у вас с Яруном не стряслось. Ты прав, здесь – тоже твой дом. Здесь тебе вообще ничто не грозит. Ты же представляешь ресурс Храма? А созвездия? Это все твое. И мы все – твои люди. Будем исполнять только твою волю.

– Ну и что, – тихо сказал Сташка. – Разве в этом дело, что это все мое? Какой из меня Астропайос, если я еще не помню почти ничего... Что вы там хотели мне подарить?

Яда-Илме повел его в тайные глубины Храма. Перед невысокой темной резной дверью чуть улыбнулся, как старенький Дед Мороз:

– Ты удивишься, когда войдешь сюда. Там на столе много старых детских игрушек. Выбери свои, ладно?

– А-а, старый обычай? В смысле, я ли это?

– Да кто б сомневался, – усмехнулся Яда, взглянув повыше Сташкиных глаз – на Венок. – Просто есть традиция предсказывать будущее по тем игрушкам, что ты выберешь.

Дверь мягко открылась. Куклы, барабаны, мячики, солдатки, машинки, сабельки, кубики и даже погремушки. Сташке даже смешно не стало. Он от Кощея прибежал спасаться, а ему тут сабельки деревянные предлагают... И вдруг сквозь россыпь солдатиков он увидел чей-то знакомый сапфировый глаз. И мохнатое круглое ухо. Одним рывком Сташка вытащил из-под мелкой ерунды облезлого, синеглазого белого медведя и прижал к себе, вдыхая пыльный запах шерсти. Откуда он знает этого мишку? И помнит на нем каждую лысину? Взгляд вдруг упал на небольшой странный мячик – полупрозрачный и словно бы светящийся. Он перехватил медведя, разгреб ерунду и взял мячик. Размером с его кулак, с одного бока голубой, со звездами и крылатыми человечками, и зеленый с другого, с елками и ребятишками. Улыбнулся и постучал мячиком в пол – как же он весело и знакомо подскакивал! Опять мячик. Там дома большой золотой – звезда, а этот синий и зеленый – планета. Вот и сошлось...

Теперь он совсем больше ничего не хотел, и даже не смотрел на оставшиеся игрушки. От медведя щекотно пахло пылью, мячик ласково светился, особенно зеленым боком, и, счастливый до ушей, он толкнул дверь коленом и вышел к священникам:

– Вот. Я нашел. Мое. Ну, как, есть прогноз будущего?

– Будет новая планета, – как эхо, отозвался Яда, кивнув на мячик. – А вот мишка... Я не знаю.

– Я тоже, – Сташка крепче прижал медведя. – Просто мой мишка детский. В два года я думал, что он мой братик. Спасибо, что сохранили. Можно забрать с собой?

Яда-Илме кивнул. И опять печально улыбнулся и поклонился низко.

В главном зале все так же горели несимметричные светильники. И там уже был Ярун, мрачный. Страшный. Быстро же он добрался. У Сташки ноги не шли к нему, а тут еще заметил, что рядом с Яруном стоит Кощей. Сташка остановился. Он больше не сделает ни шага к этим людям. Ярун коротко взглянул и повернулся к Яда-Илме. Тот приблизился к нему, поклонился и начал что-то быстро говорить, слов было не разобрать, а Кощей смотрел на Сташку с насмешливым презрением. Сташка постарался держаться невозмутимо, но с мишкой в руках это, наверное, выглядело смешно. Десятилетняя козявка в темном огромном пространстве зала. Одинокий воин духа. Ну-ну.

Ярун больше не смотрел. Выслушал Яда-Илме, пару раз кивнул, потом отрывисто сказал что-то. Яда-Илме заторопился еще говорить, но Ярун отрицательно качнул головой, и тот лишь поклонился. Кощей, обнаглев, поманил Сташку рукой, а взгляд Яруна снова настиг Сташку и ожег презрением и холодом. Сташка попятился, и в тот же миг Кощей рванулся к нему, как огромная худая овчарка с полной пастью злобы. Уронив медведя и усакавший мячик, Сташка вскинул в стороны руки с растопыренными пальцами, оскалился, и над ним с оглушительным электрическим треском вспыхнули десять шаровых молний. Белых убийц.

– Не делай глупостей, – тут же оглушительно, на весь зал приказал Ярун своим самым страшным голосом.

Вокруг все, с белыми лицами, замерли. Шары молний плавно поплыли вокруг Сташки защищающим хороводом. От них пахло стратосферой и ураганами. Только Яда-Илме не испугался:

– Да когда ж вы, мерзавцы, успели доконать мальчишку?! А ты, маленький паршивец, что себе позволяешь?

– Убирайтесь все, – сквозь зубы велел Ярун. – Макс, Яда, вы тоже.

Молнии потрескивали. Люди почти бегом спасались из зала. Ну вот. А он еще мечтал уладить дело миром.

Сташка закусил губы и один за другим начал резко подгибать пальцы – повинуюсь, молнии с негромким хлопком исчезали. Когда исчезла последняя, Сташка разжал кулаки, опустил руки, взглянул на Яруна – и покраснел. Стыдно.

– Иди сюда, – приказал Ярун.

Сташка отрицательно помотал головой. Меньше всего он хотел приближаться к разгневанному Яруну.

– Ты в своем уме?

– Я не хочу с тобой разговаривать, – Сташка хотел произнести это внушительно, но прозвучал лишь жалкий, детский писк.

– А здесь и не место вести разговоры.

– Другого не будет. Я тут останусь.

– Придунок, – помолчав, сказал Ярун. – Заткнись, подбери сопли и поехали домой.

– Не поеду!

– Поедешь. Заткнешься и поедешь. Не посмеешь устраивать истерику здесь, в активном Круге. ... Или ты меня боишься? Даже в Венке?

– ... Даже в Венке, – подумав, сознался Сташка. – Да. Боюсь.

– Тебе не стыдно?

– А тебе?

– Мне? – зарычал Ярун, но тут же умерил голос. – А ты сообрази, каково мне было узнать, что ты сбежал? Да еще после вчерашнего? Когда ты строил из себя такого понятливого и преданного? Как тебе теперь верить?

– Ну и не верь. Я тебе тоже больше не поверю.

– Так. Что успело стрястись?

Сташка отвернулся. Ярун спросил:

– Серьезные основания?

– Да, – буркнул Сташка.

Ярун подошел и довольно осторожно развернул к себе. Сташка хотел вырваться, но Ярун крепко держал за плечи:

– Давай без сцен. Дома мне все объяснишь, хорошо? И если приведешь весомые резоны, я сам привезу тебя обратно сюда.

– А не обманешь?

– Нет. Надеюсь, что разберемся.

– Если обманешь, все равно убеги!

– Пойдем, – велел Ярун, и повернувшись, пошел к выходу.

Вот и весь спор. Сташка подобрал медведя и мячик и поплелся за Яруном. Его тошнило от слабости, и совсем не имело значения, что Венок влек за ним всю эту страшную мощь. Ему не она была нужна сейчас. Ему Ярун нужен. Оставить Венок, чтоб Ярун перестал сердиться? Но тогда он сразу упадет и умрет. Или ночью его придушит Кощей. Нужен Венок, потому что больше – нет ничего... Ему нужен Ярун, потому что больше – нет никого.

Снаружи уже наступила тьма. Звезды на небе, редкие, близкие. Резкий морозный ветер пронимал сквозь платье, но сил вернуться за курткой не было. И было противно, что Кощей идет так близко за спиной. Шлюз гравита неслышно замкнулся. Но хотя бы стало тепло.

В салоне Ярун сразу отошел к большому терминалу в стороне, сел, и на его экране замелькали какие-то таблицы. На Сташку он даже не взглянул. Кощей смотрел насмешливо, и Сташка отвернулся к иллюминатору. Ему хотелось, чтоб его не было. Он вспомнил, как все безразлично, когда лежишь под могильной плитой, и как это хорошо – Венок стал горячим. В иллю-

минатор ничего не было видно. Ночная тьма. Может, посадят в темницу? Тогда можно будет долго-долго спать.

– Дай-ка сюда, – подойдя, велел Кощей и потянул из Сташкиных рук мячик и мишку. – Изучим артефакты.

– Не дам, – притиснул Сташка к себе игрушки.

– Не упрямься. Может, в них что-то есть.

Сташка с угрозой сказал:

– Не дам!

Ярун поднял голову и сказал Кощей:

– Оставь его в покое. Это уже опасно.

Сташка обрадовался было его защите, но тут же вспомнил, что Кощей – сын Даррида, прежнего императора, что они росли с Яруном вместе, что они безусловно доверяют друг другу и работают вместе изо дня в день уже полвека. Ярун все равно больше верит своему Максусу, чем сумасшедшему нервному ребенку с ужасом на голове. Надо защищаться.

– Вот именно, опасно, – Сташка надвинул Венок на лоб и легонько хлестнул волоском силы прямо у ног уже шагнувшего к нему Кощей – тот отшатнулся.

Запахло горелым и палубу прочертила оплавленная бороздка. Ярун сказал:

– Прекрати, Сташ. Не собираешься же ты воевать.

– Вы первые начали!

– Не говори ерунды!

– А Яська?

– Да что тебе в этой девочке?!

– Все! Думаешь, я прощу?!

– Ух ты, – насмешливо сказал Кощей, но Ярун тронул его за руку и тот больше ничего не сказал.

– Уймись, Сташ, – спокойно сказал Ярун. – Ты меня и без того огорчил.

Он опять отвернулся к экрану. Сташка тоже отвернулся к иллюминатору. Ничего не видно. Глазки медведя смотрели как живые. В любой другой момент Сташка был бы рад этому медвежонку, но сейчас он хотя бы мог не плакать. Он прижал мишку к груди и оглянулся – Кощей наклонился к Яруну и что-то быстро говорил на непонятном Сташке языке, а Ярун хмуро слушал. И соглашался.

На горизонте появилось пятно с огнями – Дворец. Плавно выросло и медленно повернулось под кораблем, приблизилось, закрыв все вокруг ослепительными огнями, и замерло. Ярун встал и коротким жестом позвал Сташку за собой. Пока спускались по трапу, шли через бесконечный двор и подходили к дверям Старшей башни, нужно было опять терпеть мороз, щипавший лицо и пальцы, стужей прохватывающий сквозь платье. Наконец отворились огромные двери, и Кощей втолкнул его в черный жутковатый мир. Когда шли минут десять по безлюдным коридорам, Ярун на Сташку не оглядывался. Но зато Кощей отстал и куда-то свернул.

Ярун привел в кабинет и плотно закрыл двери. Сташка, глядя в пол, прошел несколько шагов и встал. О Яруне все же намного легче думать, когда его не видишь. От холодного голоса он уронил игрушки:

– Дрянь. Глупая и безответственная, бессердечная дрянь.

– ...Значит, ты не будешь меня слушать?

– Слушать? Ах, да. Предупреждаю, глупостей я не потерплю. О чем ты думал вообще?

Сташка потрогал теплый Венок:

– О Яське. Ты хоть знаешь, где она была? Или ты... Сам это велел?

– Что велел?

– Держать ее в подземной тюрьме?

Ярун отмахнулся:

– Ну что ты несешь, придурок? Какая еще тюрьма?

Сташка почувствовал, что ноги подкашиваются. Ярун считает, что он все придумал? Не верит? Как, как ему объяснить?

– Снимай Венок.

Сташка даже бояться перестал. Лицо у Яруна было каменным, а взгляд презрительным, почти брезгливым. Он повторил:

– Снимай.

– Нет.

– В Венке ты слишком нагл и опрометчив. Ты ни на что без него не годишься?

– Ты не понимаешь, – попробовал его убедить Сташка. – Мне без него никак.

– Ерунда. А еще я больше тебе не верю.

– Я тебе тоже!

– Как тебе не стыдно? Что ты мне вчера обещал? Ты так легко нарушил свое же слово? И хочешь, чтоб я тебе верил? Ох, Сташка. Отлупить тебя, что ли... Так и лупить-то нечего, от земли не видно. Негодяй. Так, слушай. Я тебя предупреждал, чтоб никакого своеволия, что ты опасен и тебе все опасно? Велел сидеть в башне? А ты удрал в город!

– Так было надо!

– Да неужели?! Ты хочешь, чтоб снова все закончилось катастрофой?

– Ты думаешь, в башне я в безопасности?

– Да. А ты – кем бы ты ни был – мал и глуп, и мне это неприятно. Я не хочу тебя видеть, пока ты не научишься держать свой нор на привязи. И Венок я тебе доверить не могу. Это опасная вещь. И главная святыня созвездия, его корона. А ты еще не то что не коронован, ты – не объявлен. Для государства – тебя нет. Подумай об этом. Доверять Венок бессовестному сопляку вроде тебя – нельзя. Снимай и уходи к себе. Ух, как ты провинился, паршивец... Кого другого я пришиб и забыл бы... А ты... Дрянь. Как тебе теперь верить, как? Все. Ты – наказан. Будешь сидеть один, пока я сам не решу тебя увидеть. И скоро это не произойдет. Никаких извинений мне от тебя не надо. Наблюдения за тобой тоже больше никакого не будет, делай, что хочешь, мне все равно.

– Ты тоже теперь обрадуешься, если меня вдруг не станет?

– Ты знаешь, что нет. Чтоб ты уже подавился языком своим поганым. Вот засранец же ты! Так, слушай внимательно, негодяй. Уйти тебе больше не дадут.

– ...А улететь?

– Ты не можешь летать без Венка. И при первой же попытке сбежать я отправлю тебя на один из астероидов. Под круглосуточный контроль. Это будет тюрьма, а не Детская башня. Да, тюрьма. С решетками. Тебе ясно?

– Нет. Я перестал тебя понимать. Это ведь не ты хочешь, чтоб у меня Венка не было. А Кошей.

– Если ты еще раз так его назовешь, я расшибу тебе зубы.

– Просто ты не понимаешь... А когда поймешь, будет поздно!

– Ненавижу детей, – сквозь зубы сказал Ярун. – Как ты мне надоел со своим упрямством.

Малолетняя бестолочь.

– Пусть тогда убивают?

– Это Венок тебя убьет! Ты уже вон превращаешься в психа, в идиота! А идиот мне не нужен!

Сташка – или Кааш? – пожал плечами:

– Думаешь, ты сам мне так уж нужен? – он отвернулся к дверям. Что, вот просто взять и уйти?

– Ты совсем дурак? Стой, – приказал Ярун. – Повернись.

Сашка обернулся и опять ушибся о каменное выражение лица Яруна. Не человек, а бастион какой-то, и не разберешь, равнодушен он или просто прячет гнев. Но сейчас он скажет что-то страшное. Так уже было. Или будет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.